

ТАТЪЯНА ИВАНОВА

**САГА О РОДЕ
И РОДИНЕ**

УДК 929.52(470+571)
ББК 63.214(2)
И21

Иванова, Татьяна Ивановна.
Сага о роде и Родине / Татьяна Иванова. – М. : Беловодье, 2019. – 292 с. : ил. –
ISBN 978-5-93454-254-3.

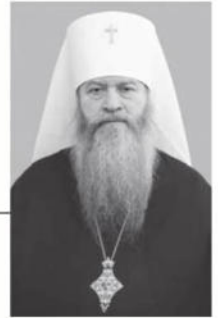
ISBN 978-5-93454-254-3

© Иванова Т. И., 2019

ВЛАДИМИРСКАЯ ЕПАРХИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ)
ЕПАРХИАЛЬНЫЙ АРХИЕРЕЙ

600006, г. Владимир, ул. В. Московская, 68,
тел.: (4922) 32-40-54, факс: (4922) 42-12-16,
e-mail: eparhia33@gmail.com

В книгу «Сага о роде и Родине» Т. Ивановой.

Закончился 2018 год - год, в который мы отмечали столетие начала гражданской войны в России, вспоминали о массовых репрессиях, страданиях и горе, пережитых нашими предками. Но мы чтим их мужество и стойкость, верность отечественным идеалам и традициям России. Всё, что они сберегли - передали новым поколениям, особенно мы им благодарны за святую веру православную. Они победили зло мира, они сохранили главное. Да, мы живы их подвигом, их молитвами, их Победой.

В Новосибирское Епархиальное управление, во время моего пребывания там, постоянно приходили письма-запросы о родственниках. Эти письма меня всегда радовали. Люди перестали бояться, что они потомки священнослужителей, дворян, купцов, заводчиков, генералов - знатных и славных родов, положивших немало сил на становление и процветание нашей родины. Эти люди - вожди народа, наша элита, наша гордость. Похвально, что их потомки воскрешают память своих великих предков. Да, это кропотливая работа, многолетняя. Но какая радость, какое счастье ощутить «времён связующую нить», приблизиться к эпохе и людям, которые дали тебе жизнь. Понимаю восторг журналиста Татьяны Ивановой, с которой мы много вместе трудились на поприще духовного просвещения новосибирцев в 90-е годы.

История учит, история просвещает. Изучая историю своего рода, мы убеждаемся, что наша жизнь только капля в могучей реке истории России.

Митрополит Владимирский и Суздальский

Г. Владимир.
15.01.2019 г.

* * * 20 __ г.

ДУШЕВНАЯ СВЯЗЬ С РОДИНОЙ

Родина. Род. Руда. Рдян... Все от древнеславянского корня «рьдъ», сокращенно звучавшего как «рйды» (современное украинское «рід»). И оттого-то «родъ» навсегда «рдяный» – красный – красивый, ибо помнит кровь, что она «руда». А что есть кровь? Носительница души. Руда – род, родители – родина... То есть насколько душа человека в его крови, ровно столь же и в его родне, в его роде, в народе и Родине.

И надобно человеку, каждому человеку в какой-то момент уразуметь, прочувствовать эту свою душевную цельную, неушемленную полноту в единстве всего, что от корня «рьдъ», чтобы через это опознать свою истинную величину, признать истинную силу и значимость в мире. Чтобы с того момента уже никто, ничто и никогда не убедили, не уверили бы его, человека, в том, что он мал, слаб и ничего не значит, не может в этой жизни. Может. И потому должен.

Познание рода есть нравственная обязанность, долг каждого из нас. А в наше время, когда всеобщие беспамятство и бесчувственность не есть чья-то личная лень, частное нерадение, а результат целенаправленной глобальной атаки на все человеческое в человеке, это еще и подвиг. То, что сотворила Татьяна Ивановна Иванова, – сегодня действительно подвиг.

Главная ценность представленного читателю труда в том, что в своей книге Татьяна Ивановна не просто изложила собранные ею, порой занимательные, порой трагичные, факты из богатейшей истории предков, а убедительно – убежденно! – показала смысл жизни

своих родителей и прародителей. Показала, что прежде всего смысла этот духовный. Жизнь рода не в продолжении некоей биологической цепочки, а она есть то дерзкое, то бережное несение и хранение священного огня, некогда зажженного Творцом в сердце Адама. Огня веры в обязательно вечные добро, истину и красоту, что бы вокруг ни происходило, какие вихри и мраки ни веяли и ни накрывали. И потому книга Татьяны Ивановны Ивановой нужна не только родным ее детям, внукам и правнукам, она будет обязательно востребована всеми, ближними ее и дальними русскими людьми – русскими по России, славяне они или тюрки, угры или монголы, – всеми, в ком есть та же душевная связь с родом и Родиной.

ДВОРЦОВ

Василий Владимирович,
заместитель председателя
правления –
генеральный директор
Российского союза писателей

ВОССТАНОВИТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Автору книги «Сага о роде и Родине» удалось связать своеобразные нити, вплетенные некогда в ткань родовой памяти, но оказавшиеся в прошлом, XX, веке настолько разорванными, что стоило в начале века нынешнего предпринять очень значительные личностные усилия, чтобы воссоздать «распавшуюся связь времен» на примере одного конкретного рода. Рода сельского, крестьянского, священнического, каких были миллионы, и эти миллионы прошли через весь трагический прошлый век, понеся неисчислимые потери, о чем автор пишет, ничего не добавляя и не приукрашивая той реальности, которая была: реальность войн и революций, реальность спецпоселений и действующей армии.

Автор родового летописания – журналист по профессии, что позволило сделать сам стиль изложения достаточно простым и воспринимаемым, где события, основанные на документах и устных свидетельствах, сопровождаются не сухими комментариями, а сопереживанием героям, их поведению, поступкам, мотивации. Тем самым увеличивается интерес читателя к тексту, устанавливается эмоциональная связь с автором, доверие к ее рассказу.

Мне хотелось пожелать, чтобы книга Т. Ивановой о своем роде получила «путевку в жизнь», а своего читателя она непременно найдет.

КРАСИЛЬНИКОВ
Сергей Александрович,
доктор исторических наук,
профессор Новосибирского
государственного университета

ЭТО БЫЛО С НАРОДОМ И СО СТРАНОЙ. ЭТО БЫЛО С МОЕЮ СЕМЬЕЙ

МОГЛА ли я в 2013 году, отправляя свой первый запрос в архив Великого Устюга с просьбой сообщить, нет ли у них сведений о том, кто был отцом моего прадеда – священника Патрушева Григория Максимовича, представить, во что выльется мое праздное пока любопытство?

А между тем ответ, поступивший оттуда, на целых пять лет изменил и меня, и мою жизнь, и мое представление о себе, дав начало многолетней исследовательской работе. Благодаря своим поискам я узнала имя не только прапрадеда, но и прапрапра- и так семь колен! Я погрузилась в прошлое, и оно оказалось захватывающе интересным! Мои незнакомые предки были рядом со мной, я сопереживала и страдала вместе с ними. И у меня возникло ощущение сопричастности к событиям ушедших лет, к тому, что происходило в стране в те или иные годы.

В этой книге все – правда. В ней нет ни одного слова вымысла, писательских додумок, здесь все основано на архивных материалах, на письмах моих родных да на семейных преданиях.

Почему я, написав историю своего рода, решила, что она может быть интересна не только моей семье, почему я хочу, чтобы эту книгу прочитали и вы? Да потому, что предки мои были самые обыч-

ные люди невысокого чина и звания и жили жизнью самых простых людей и то, что происходило с ними, происходило с миллионами граждан. В судьбе моего рода как в капле воды отразилась история страны, история народа.

Исследуя судьбы неведомых мне родных, я переживала самые высокие эмоции: отчаивалась, радовалась, негодовала, скорбела. Может быть, и вы, читая эти строки, сумеете почувствовать то, что прочувствовала я, пять лет собирая по крохам материалы для этих страниц. Это было нелегко. Ведь только по электронной почте я отправила 1250 запросов и писем в разные инстанции. И это не считая телефонных звонков и почтовых отправок! Я съездила и по местам жизни моих родных: в Омскую, Новосибирскую, Томскую, Вологодскую и Петропавловскую области. Я хочу сказать отдельное спасибо моей семье, которая поддерживала меня и сопровождала в ряде поездок. Это мой двоюродный брат Михаил Зрелов, моя дочь Светлана Дроздова, мой внучатый племянник Александр Ключников.

Теперь, изучив происхождение своего рода на три века вглубь, я как бы прикоснулась к бесконечному потоку истории и стала ощущать себя богачом: ведь я владею бесценными сокровищами ушедшего времени! Читайте эту историю, и, я думаю, вы сумеете вместе со мною ощутить и поступь времени, и грозность эпохи и узнать, как могут быть благородны и высоки самые простые люди и как они же могут быть подлы и низки...

И вот ведь еще что удивительно: после того как узнала, кто были мои предки, я поняла многое и в себе. Так, я открыла, что все то, что во мне есть, заложено моим родом, и что я сама – часть своей родословной! И мне думается, что и каждый человек на уровне подсознания несет в себе смутную память о том, что думали и о чем волновались его предки. И я присоединяюсь к высказыванию классика, что душа человека не взялась из пустоты, она – отголосок многоголосого хора наших родовых предшественников. Каждый из нас не сам по себе, не просто человеческая единица, а порода – достойная, славная, благородная или гнилая, никудаышная...

Теперь я уверена, что ушедшие от нас в другой мир наши пращурь выполняют роль наших ангелов-хранителей. Вспоминая о них, мы как бы протаптываем тропинку, по которой может прийти их помощь. И чем чаще мы о них вспоминаем, тем больше потенциал сил, хранящих нас. Я успела убедиться в этом воочию.

В заключение своего предисловия я хочу выразить огромную признательность и благодарность директорам: Новоцарицынской средней школы Вере Васильевне Рыжковой, Белослудской средней школы Любови Викторовне Хабаровой, Уфтыюгской средней школы Наталье Савватеевне Михайловой; директору музея Краснодарской фельдшерской школы Светлане Николаевне Машенко, краеведу Петропавловска Мелехиной Лидии Матвеевне, историку из Петропавловска Сергею Федоровичу Шатилову, директору Томского музея НКВД Василию Ханевичу, моим далеким родным из Брянской области Воеводиным, сотрудницам петропавловской газеты «Петропавловск.news» и Кормиловского музея, иерею Омской митрополии Вячеславу Суховещкому и особенное спасибо сотрудникам архива Омской области и архива Великого Устюга за те помощь и содействие, которые они мне оказывали в работе над книгой.

Хорошего вам чтения!

Татьяна ИВАНОВА,
журналист
Новосибирск

* * *

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

Максимилиан Волошин

ИСТОРИЯ

РОДА

ПАТРУШЕВЫХ

ПОМНИТЬ ВСЕ И ЗНАТЬ СВОЙ РОД

НАША большая семья: мама, папа и пятеро детей, среди которых я – самая младшая, – жила, как мне казалось, в ясной и понятной обстановке. Вот мама, вот папа, а бабушек и дедушек у нас почему-то не было. Но я жила счастливой детской жизнью и не задумывалась о том, что у нас нет старшего поколения. Нам и так было хорошо. Правда, мама иногда стряпала поминальный пирог или пекла блины и говорила, что это день памяти бабушки. Мы ели блины и опять-таки ни о чем не спрашивали. Потом, годы спустя, когда я выросла и стала совсем взрослая, мама рассказывала о своем детстве и очень светло вспоминала о своих родителях. И не было в ее рассказах ничего трагического, никаких скорбей и стенаний по поводу ссылки родителей в болота Васюганья...

Иногда в маминых рассказах к слову упоминались и ее бабушка, моя прабабка, которая была, как мне казалось, «из простых», потому что не брезговала после грядок, не помыв рук, взяться за хлеб, ведь землю она называла святой... Да и я сама, надо сказать, не проявляла особого любопытства к своим пращурам: раз мама не говорит – значит, нечего и рассказывать.

Но вот примерно в 1992 году, после ухода Горбачева, после пары лет правления Ельцина, она достала откуда-то дивные ста-

Патрушевы Григорий Максимович и Екатерина Васильевна.

ринные фотографии. На них – прекрасные дамы и священник с матушкой – как оказалось, это и были мои предки! Показать нам эти фотографии раньше мама боялась, так как годы сталинских преследований врезались таким кошмаром в ее сознание, что она даже нас, своих родных детей, остере-

галась: как бы где не проболтались о своем непролетарском происхождении, как бы это не обошлось всем нам преследованиями и притеснениями!

И, конечно же, эти фото и вызвали мой интерес к неизвестным ранее предкам. Я усаживала маму перед диктофоном и просила рассказывать о родителях, о деде и бабушке. Но вот беда: оказалось, рассказать о них она могла не очень много, потому что просто не знала лично своих родных. Ленинские и сталинские репрессии разбросали некогда большую дружную семью священнослужителей так, что судьба многих из них неизвестна! Дедушка, Григорий Максимович, умер, когда моей маме исполнилось лет пять-шесть, и с бабушкой она жила очень недолго.

И мама может мало что рассказать о бабушке. Помнит, что была очень добрая, читала до конца дней своих, плела вологодские кружева да говорила, смешно окая,

ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ ПАТРУШЕВ

Мамин дед и наш прадед родился в 1850 году в Верхней Уфтюге Сольвычегодского уезда Вологодской области, в семье диакона Максима Стефановича Патрушева. Забегая вперед, скажу, что Патрушевы – как оказалось, старинный род, корни которого восходят к началу XVII века, род, принадлежащий к сословию духовенства! Современному читателю придется рассказать, что та-

по-вологодски округлая слова. А о деде могла рассказать еще меньше: вспоминает, как священник невысокого роста стоял на крыльце в дверях их дома в Новоцарицыно и чистил ножом репу!

По ее рассказам выходило, что деды были выходцами из Великого Устюга Вологодской области. Вот, пожалуй, и все! Когда мамы не стало, я взялась обрабатывать ее воспоминания, и стало ясно, что белых пятен в истории моей семьи очень много.

И мне предстояла задача их ликвидировать. Это был очень трудный, полный и преград, и радостных открытий путь длиной в пять лет. Одних только писем по электронной почте было отправлено свыше тысячи! Однако, несмотря на мой кропотливый труд, не все пробелы в истории моих предков из семейства Патрушевых были ликвидированы. И, как я понимаю теперь, вряд ли будут ликвидированы. Но то, что удалось найти, я предоставляю своим читателям.

кое сословие. В царской России население делилось на несколько сословий. А сословие – это социальная группа, которая занимает определенное положение в иерархической структуре общества, со своими правами, обязанностями и привилегиями, закрепленными в законе и передаваемыми по наследству. В Своде законов Российской империи различалось четыре главных сословия:

дворянство, духовенство, городское население, сельское население. Духовенство после дворянства также считалось привилегированным сословием: духовенство и его дети освобождались от подушной подати, рекрутской повинности и вообще пользовались уважением и почетом в православной стране. Судьба детей, родившихся в такой семье, была predetermined: они должны были получить соответствующее образование и стать диаконами или священниками!

Интересно отметить, что Максим Стефанович, наш прапрадед, был посвящен в диаконы сразу после окончания низшего отделения Устюжского духовного училища (что является большой редкостью), в возрасте всего 14 лет, причем не кем-нибудь, а самим епископом Вологодским Онисифором! Семья Максима Стефановича была многодетной. Сыновья: Николай, Андрей, Иван, Григорий, Яков – учились в среднем отделении духовного училища в Великом Устюге, в Вологодской духовной семинарии. Три дочери: Дарья, Евдокия и Наталья – грамоте не обучались.

И мой прадед, Григорий Максимович, как ему и полагалось по происхождению, пошел по духовной линии, окончил низшее отделение Вологодской духовной семинарии, по увольнении из которой 4 апреля 1869 года был рукоположен епископом Павлом в диакона к Троицкой Кубенской церкви Вологодского уезда на пономарскую вакансию. Прослужил он там недолго и через два года, в 1871 году, был по прошению перемещен епископом Палладием на дьяческую вакансию в село Приводино, в Николаевскую церковь. Здесь он служил долгие годы. Тут, в Приводино, родился у него се-

Григорий Максимович с Александрой, Ольгой и Сергеем. 1898 год.

меру детей! Супруга прадеда, матушка Екатерина Васильевна, тоже была из среды духовенства, дочерью священника, и старше мужа четырьмя годами, что было в то время, судя по архивным данным, не редкостью.

Приводино – живописнейшее село, привольно раскинувшееся на небольших холмах, расположенное на высоком берегу Северной Двины. С первой и второй террас, где формировалось село, открывался прекрасный вид на широкую пойму реки с разбросанными небольшими деревнями. Сплошь заливные луга прочерчены многочисленными узкими озерами, ручейками и пересыхающими болотцами, вдоль которых тянется мелколесье, создавая уди-

вительно красивый пейзаж, меняющийся в течение года. Красоту пейзажа дополняли две церкви: зимняя и летняя, стоящие на двух разных террасах, недалеко от пристани, на высоком холме. Вот в таком благословенном месте воспитывалась, росла и формировалась семья из семерых детей Патрушевых. Это Александр, Феодосий, Мария, Анна, Сергей, Ольга, Александра. Все дети, кроме старшей дочери, Марии, получили духовное образование, хотя обучение было не бесплатным, и это дает повод уважать своего прадеда, с его небольшими доходами сельского дьякона, который тянулся из последних сил, но дал детям хорошее образование!

В селе было две школы: церковноприходская и земская. И если в приходской школе Григорий Максимович начал работать сразу по устройству в приход, то позднее он начал трудиться еще и в большой земской школе, помощником законоучителя. Работал прадед вместе со священником Василием Петровичем Вотчинским. С батюшкой у прадеда сложились очень хорошие отношения, которые переросли в родствен-

ные: старший сын прадеда, Александр, взял в жены его дочку Анну. Есть пока не подтвержденные данные, что и старшая дочь прадеда, Мария, вышла замуж за сына Петра Вотчинского, человека, пошедшего по светской линии, и уехала с ним в Устюг...

Судя по всему, прадед был человеком порядочным, уважаемым, хорошим работником. Ведь, будь иначе, не красовалась бы на его груди медаль! История этой награды заслуживает отдельного рассказа, и я приведу ее полностью, чтобы читателю стало понятно, каких трудов стоит разгадка всего одного вопроса.

Увидев медаль на груди моего прадеда, я заинтересовалась: что за награда? Обратилась к новосибирскому иеромонаху Феодосию, и он меня уверил, что это не медаль, а знак кандидата богословия. Я тут же растрезвонила всем родственникам, что наш прадед был не простой диакон, а человек, получивший высшее богословское образование, и бросилась проверять информацию. Где прадед мог получить такое образование? Захожу на просторы Интернета и выясняю, что в конце XIX века в Рос-

сии такое образование получали в трех городах: Киеве, Москве и Санкт-Петербурге. Так куда же направился Григорий Максимович на учебу? Скорее всего, в Петербург: это территориально ближе.

И я уже собралась было делать запросы в Петербургский архив, как меня стали одолевать сомнения: ведь такое высокое и довольно редкое по тем временам образование определенно дало бы прадеду занять высокую должность, а он вырос из диакона в священники и на этом окончил свою карьеру.

Начну-ка я со знака кандидата богословия. Захожу в Интернет и вывожу на экран этот знак, многократно увеличиваю изображение и вижу, что, увы, он вовсе не похож на прадедов. Знак резной, на очень длинной узкой ленте. А у прадеда медаль обычная, круглая. Не то! Уверенная, что диакон носил синодальную награду, ищу ответы на исторических сайтах православной церкви. Ничего! Где искать ответ? Обращаюсь в Вологодскую епархию. Шлю фото. Прошу объяснить, что это за медаль. Приходит ответ: обратитесь к специалистам.

Захожу в электронную версию «Вологодских епархиальных ведомостей», которые издавались с 1864 по 1918 год. Это профессиональный новостной журнал, выходящий два раза в месяц. Шрифт подслеповатый, строчка липнет к строчке, читать невероятно трудно. Но я славлю тех людей, кто не поленился, проделал огромную работу и выложил журналы в Интернет. Ведь здесь и указы Священного синода по разным событиям религиозной жизни, и указы, манифесты государей, и постановления епархии, сведения о назначениях, переме-

Медаль в память царствования Александра III.

шениях, жизни семинарий и духовных училищ, известия о смерти клириков. Читаю журнал за журналом. Ищу знакомую фамилию лет за двенадцать. Ничего нет! Глаза выдерживают пару часов в день, не больше. Сколько недель я провела за этим занятием, точно не скажу. Но, во всяком случае, больше восьми.

Ничего не нахожу. Объясняю это тем, что не все журналы помещены в Интернете, были и пропуски отдельных номеров. Не иначе как сведения о медали для Патрушева содержатся как раз в неопубликованных... Но ведь награда-то была! Пишу в патриархию. Ответ оттуда: не знаем! И сколько я ни ишу делу медаль среди синодальных дореволюционных наград, Интернет мне ничего не выдает. Прямо тупик! Пишу в Музей истории религии Санкт-Петербурга. И очень быстро получаю ответ: скорее

Дом приводинского батюшки и церковно-приходская школа.

Екатерина Васильевна с дочерьми Александрой и Ольгой. Петропавловск.

всего, это медаль в честь 200-летия Полтавской битвы. И на медали – профиль Петра. Медаль на светлой ленте, значит, на голубой, а это Андреевская лента, боевая. По времени награждения выпуск медали подходит к дате на фотографии, так что вероятность очень высока.

Господи, ну какое отношение имел священник с Русского Севера к Полтаве? Его биографию я уже знаю: там точно не было места службы в армии. Отпадает вариант просвещенных музейщиков.

Но все-таки польза от обращения к музейщикам была, потому что они мне объяснили, что до революции у священнослужителей не было синодальных наград, а только

общегосударственные. Господи, и как это я сразу не сообразила? Ведь в те времена церковь не была отделена от государства. Значит, авторитет дедовской медали повышается! Медаль в честь Полтавской битвы была на орденской колодке, и тут я заметила, что прадедова-то медаль – на мягкой ленте, пришитой к облачению. И даже верхняя строчка неровно подшита, сползает вправо и вниз. Значит, мне надо искать медали на лентах.

Пройдет еще не одна неделя поиска информации, пока меня не осенит идея посоветоваться с коллекционерами. Захожу на сайты нумизматов, потом на сайты по медальерике. Их гораздо меньше, и они собирают в основном медали советского периода или Второй мировой. А мне нужен специалист по медалям более чем столетней давности. И вот подарок судьбы: узнаю, что в Петербурге два раза в год выходит газета для коллекционеров. Пишу редактору и уже наутро получаю ответ:

«По такому снимку очень трудно точно сказать, что это за медаль. Скорее всего, это медаль в память коронации императора Александра III. Лента однотонная, скорее всего, Александровская.

Возможно также, что это медаль «В память царствования императора Александра III».

С уважением, главный редактор журнала «Петербургский Коллекционер» Сыромятников Олег Александрович.

Я понимаю Олега Александровича, ведь на снимке не разглядеть изображения. Я уж

его увеличивала и так и этак, переводила в черно-белый вариант цветные фото медалей, приводила их к общему масштабу, сличала. Мутный силуэт на медали больше всего стыковался с профилем Александра III, что говорило о правоте предположения коллекционера. А может, все-таки Николай II? Но нет, профиль Николая II, как я выяснила, был повернут на медалях в другую сторону, и потому Николая я сразу отвергла. Тем более что, судя по дате на фото, прадед носил награду еще до его воцарения на престол.

Нашла еще одного коллекционера, написала ему слезное обращение:

«Уважаемый Сергей! Обращаюсь к Вам как к последней инстанции. Я пишу книгу, в числе героев которой – диакон Григорий Патрушев. На фото он изображен с медалью. Фото сделано примерно в 1897–1901 годах. Очень хотелось бы понять, что это за награда на его груди. Понимаю, что очень сложная задача: изображение неясно. Но, возможно, по форме награды и ленты вы сумеете мне что-то подсказать? Буду вам чрезвычайно признательна за любую информацию».

Честно говоря, я уже была готова опустить руки и слаться, но уже на завтра пришел ответ:

«Здравствуйте! Задача эта не очень сложная: у д. Григория – медаль. Вообще у дьяконов и священников могло быть только три медали. Они все есть вот на этом фото (ссылка на сайт). Кроме «Памяти Александра III», это «25 лет церковноприходским школам» и «300 лет Дому Романовых».

С уважением,
Сергей Купрюшкин.

Дочери Патрушевых: сидят Ольга и Александра, стоят Анна и Мария.

Вот что значит ЗНАНИЕ! Я десятки часов слепла за компом, а ему не очень сложно! Спасибо вам, Сергей Купрюшкин!

Анализирую ответ. Медаль «300 лет Дома Романовых» была учреждена в 1913 году – эта дата не подходит, «25 лет церковноприходских школ» – в 1909 году, тоже не подходит, а вот медаль «В память царствования императора Александра III» была учреждена в феврале 1896 года. В самый раз! И в положении о награждении медалью сказано, что ею награждали священников, офицеров и классных чинов всех ведомств, состоявших на действительной службе в царствование императора Александра III. А мой пра-

Руины храма в Приводино.

лед именно все эти годы честно служил диаконом в селении Приводино Великоустюжского уезда Вологодской губернии. Вот так и подошли к концу мои искания.

Пусть я не нашла постановления о награждении прадеда, но точно вычислила его награду. За что же скромный диакон был удостоен высокой, как мы выяснили, государственной награды? Здесь мы можем порассуждать: и за долготелый добросовестный труд на ниве нравственного воспитания, и за работу в сфере просвещения, и еще за активное участие в 1897 году в проведении всенародной переписи... Так что прадед наш хоть был и невысокого звания, но и в самом деле человеком уважаемым, чем мы, его потомки, можем гордиться!

Жизнь в Приводино шла своим чередом: подрастали младшие девочки, выросли старшие и, получив образование по духовной линии, уже начали работать. Как вдруг, в октябре 1896 года, в эту ясную жизнь вмешалось отношение Омской духовной консистории. Вот оно:

«...Омская духовная консистория приглашает окончивших духовные семинарии

на службу в Омскую епархию для занятия приходских священнических мест, в особенности в крестьянских селениях Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областей, с жалованьем от казны по 400 рублей в год, кроме братских доходов, при готовых квартирах. Всем священникам и кандидатам священства, едущим на службу в Омскую епархию, выдаются на местах отправления или прибытия по месту служения установленные прогоны, сумочные по 60 копеек, и по 300 рублей пособия на первоначальное обзаведение. Лица, желающие поступить на священнические места в Омскую епархию, должны обращаться с прошением к преосвященнейшему Григорию, епископу Омскому и Семипалатинскому. Праздных священнических мест имеется до 25».

И это сообщение круто и навсегда изменило всю жизнь семейства. Условия епархии предлагала неплохие, священников в Сибири не хватало, не то что здесь, на Русском Севере, где каждая область готовила кадры священнослужителей и где трудно было найти вакансию. Первым в Сибирь уехал старший сын, Александр, затем через пару лет поехал и Феодосий.

Очевидно, что жизнь в Сибири, а точнее, в Петропавловске, что находится ныне в Казахстане, показалась уехавшим братьям более привлекательной, чем жизнь на родине, в Вологодчине, они хвалили ее и звали родителей к себе. И семья приняла решение переезжать. Дождавшись, когда самая младшая дочка, Сашенька, завершит образование в Великоустюжском училище, семейство в 1908 году стронулось с места! Все было заранее подготовлено, просчита-

Приводино сегодня.

но. Отец семейства, Григорий Максимович, переезжая в другую епархию, был рукоположен в сан священника, о чем мы можем прочесть в «Вологодских епархиальных ведомостях № 15 от 1 августа 1908 года», в разделе «Распоряжения Епархиального начальства»: «Диакон Николаевской Приводинской ц. Устюжского уезда Григорий Патрушев 27 июня определен на место священника при церкви поселка Анновского Петропавловского уезда Омской епархии».

И семья поехала в неведомую жизнь, на другой край страны, где их ждали и радости, и небывалые испытания, горести и трагедии, чашу которых они испили до дна!

Но пока они ехали в радостном предвкушении жизни на щедрой земле, в более благоприятном климате, в достатке и благополучии. И сначала все и было так, как задумывалось! Дочери Анна и Александра очень удачно вышли замуж. Ольга, хоть и оставалась в девицах, начала работать учительницей в первой женской школе города Петропавловска, сыновья получили священнические приходы и успешно трудились. И как знать, может, останься они в родных кра-

ях, судьба не распорядилась бы так жестоко с ними после революции? Возможно, мы, их потомки, хотя бы знали, где они сложили головы? Но все случилось так, как случилось...

А пока я продолжу рассказ о своем прадеде. Григорий Максимович прожил после переезда еще лет двенадцать и умер примерно в 1921–1922 году в возрасте 72 лет. Чтобы установить дату точнее, надо ехать в Петропавловск и поднимать клировые ведомости петропавловских церквей...

После его кончины матушка Екатерина Васильевна, будучи человеком уже пожилым (вспомним, что она была старше мужа на четыре года), стала жить в семьях своих детей: и у Сергея, и у младшей дочери, Александры, в селе Новоцарицыно – вплоть до 1930 года, до самой высылки раскулаченного семейства в болота Васюганья. Когда случилась эта трагедия, за матерью из Петропавловска приехала Ольга и забрала ее к себе. С ней она и жила до самой кончины матери, примерно до 1939 или 1940 года. Ольга Григорьевна схоронила мать в Петропавловске. И пока мои изыскания не позво-

ляют сказать, был ли на ее похоронах хоть кто-то еще из родных: племянников, внуков или все они были в ссылке. Екатерина Васильевна прожила долгую жизнь, но последние ее годы были омрачены горестными событиями, происходившими с ее детьми. Ведь буквально все они попали под кагот революционных репрессий: старший сын Александр был расстрелян еще в 1924

году, в 1930–1931 годах репрессиям подверглись семьи Феодосия, Сергея, Анны, Веры.

Сколько глубоких, незаживающих ран на одно материнское сердце! Сколько бед принес нашей семье «Великий Октябрь», сколько горя, сколько утрат, сколько глумления им довелось пережить! Бедные-бедные мои предки! Как мне жаль вас, как я оплакиваю горькую судьбу каждого из вас!

300 ЛЕТ РОДУ ПАТРУШЕВЫХ

СЛАВА архивам! Хотя, конечно, архив архиву рознь. Но если в них работают люди не только профессиональные, но и неравнодушные, то исследователь может быть спокоен за свое дело: ему подберут все нужные документы, подсказут, куда можно еще обратиться, помогут советом. И слава тебе, Господи, что именно такие люди трудятся в историческом архиве Великого Устюга! Это именно они помогли мне узнать историю нашего рода. Ведь работали мы с ними дистанционно: они высылали мне необходимые документы по моим не всегда умело составленным запросам. Честь им и хвала!

Благодаря им я постепенно узнала, что наш род по материнской линии очень древний и принадлежит к сословию, пусть и не знатного, духовенства.

И сейчас я хочу познакомить вас с результатами своих изысканий. Самое раннее упоминание о Патрушевых мы встречаем в «Ведомостях» о количестве церквей,

священно- и церковнослужителей епархии за 1724 год. В сведениях о церквях Великоустюжского уезда значится:

1. «Пономарь Иван Петров сын Патрушев. 63 лет. У него два сына: Лаврентий, 21 года, и Симеон, 14 лет».

Производим простые арифметические действия и получаем следующее: род Патрушевых восходит к 1661 году!

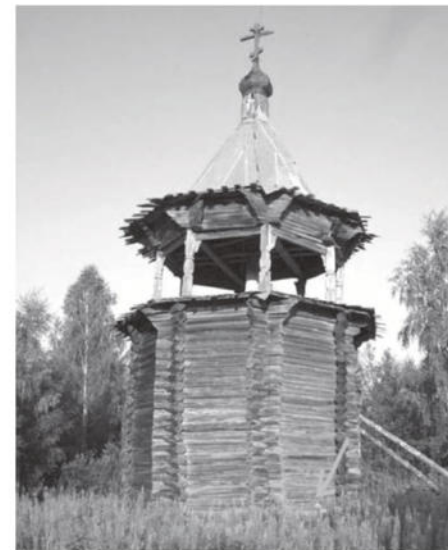
Трудился наш давний предок в церкви с редким названием Флора и Лавра в Цивозерской волости Великоустюжского уезда. Немножко об этом селении с дивным певучим названием. Цивозеро, или Цив-Погост – центральная деревня округа. Местные жители уверяют, что именно здесь когда-то ковали оружие для Ермака и его дружины. Это край железной руды. Село расположено на правом берегу Северной Двины. Что удивительно, в нем сохранился древнейший памятник деревянного

зодчества – колокольня 1658 года, которая стоит в комплексе с каменной Петропавловской церковью постройки XIX века и в которой, конечно же, трудился наш далекий предок Иван Петрович.

Мороз по коже пробирает только от мысли о том, что можно туда приехать и прикоснуться руками к этому поистине уникальному и прекрасному строению, в котором нес службу, читал псалтырь и возносил молитвы наш прямой родственник, основатель нашего рода!

История церкви-колокольни очень интересная. В 1658 году в том краю был большой падеж скота, от которого население спаслось постройкой этой церкви общими силами, в один день – отсюда и название «обыденной» церкви, в честь Флора и Лавра, покровителей животных. Это было время, когда двинские земли еще не оправившись от потрясений Смутного времени, литовских погромов и неурожаев. Многие беды преследовали людей. С большим трудом, расчищая участки леса, цивозерские крестьяне занимались земледелием и скотоводством.

По настоящее время на территории погоста стоят два памятника: уникальная по художественной выразительности облика и историко-архитектурной значимости девятистопная древняя шатровая колокольня и отстоящий на 40–45 метров к северо-востоку от нее каменный Петропавловский храм конца XVIII – начала XIX вв. На этом фото вы видите церковь: «скукоженную», вросшую в землю на два метра! Церковь эта, несмотря на то что построили ее в один день, является уникальным сооружением и подлинным шедевром русского зодчества.

Церковь-колокольня Флора и Лавра в Цивозеро.

Теперь в деревне Цив-Погост осталось около десятка домов, в других окрестных деревнях – по два, три, пять, многие из которых брошены. Летом Цивозерская округа оживает: в сохранившиеся родительские дома наезжают внуки-дачники. А зимой здесь только несколько «живых» домов. Вот в каком интересном и красивом месте жил и служил Господу основатель нашего рода ИВАН ПЕТРОВ ПАТРУШЕВ!

2. Сын Ивана Петровича, Семен Иванов сын Патрушев, 1710 года рождения, тоже работал в Цивозерской церкви. Об этом мы можем прочесть в книге вновь назначенных священно- и церковнослужителей за 1732 год: «Устюжского уезду Цивозерской волости к Флоровской церкви в пономари,

*Белая Слуда,
церковь Владимирской иконы Божией матери.*

пономарский сын Семен Иванов Патрушев». В графе «по справке с делами» указано: «Тое ж церкви действительно служащий, а в оклад не положен. При определении был 23 лет».

3. А вот внук Ивана Петровича, Иаков Семенов сын Патрушев, был уже священником! «Во священники произведен из действительных, а не из положенных в полушный оклад в 1757 году февраля 3 числа преосвященным Варлаамом епископом Устюжским, от коего и ставленую грамоту имеет». Об этом говорится в исповедальной роспи-

си за 1772 год, в разделе «духовные и их домашние» в Белослудской Богородской церкви значатся: «Священник Иаков Семенов сын Патрушев, 44 лет. Жена его Ирина Андреевна, 44 лет, дочь их Фекла, 5 лет».

Итак, внук основателя нашего рода Иаков Семенович служил уже не в маленькой обыденной церкви, а в селении Белая Слуда, в Богородском храме!

Вот и еще одно селение мы можем называть своей прародиной!

Белая Слуда известна с 1623 года, с реписи населения, составленной Никитой Вышеславцевым и Аггеем Федоровым. Уже тогда Белослудский стан насчитывал 74 деревни. В 1642 году была вновь построена шатровая 45-метровая церковь и освящена на два престола: в честь иконы Божьей Матери Владимирской и Илии Пророка, в ней и трудился наш предок. Эта церковь упоминается во многих работах известных архитекторов: Ополовникова, Грабаря, Мильчика, Сулова! Опять памятник архитектуры! Да, не в простеньких деревушках трудились наши предки, не в неумело сляпанных церквушках, а в храмах, построенных гениями русской архитектуры, в церковных зданиях, которые изначально были освящены высоким духовным полетом их создателей! К великому нашему сожалению, этот храм не дошел до нашего времени, сгорел от молнии, в общем-то, совсем недавно, в 1963 году. А вот Никольская каменная церковь, построенная в конце XIX века, частично сохранилась. Местные энтузиасты занимаются ее реставрацией, и в храм уже изредка заезжает на службы батюшка из соседнего прихода. Обе церкви когда-то стояли совсем рядом, в одной ограде. И интерес-

но отметить, что место, где когда-то стояла древняя сгоревшая церковь, до сих пор можно четко видеть: здесь почти не растет трава.

В 2014 году наша семья организовала экспедицию на родину своих предков. В ее состав вошли я, автор этих строк, моя дочь Светлана Дроздова и мой внучатый племянник Александр Ключников.

Побывав в Белой Слуде, мы на этом месте зажгли церковные свечи и почтили молитвы. А как иначе? Ведь здесь служили с 1757 по 1840 год Патрушевы!

Сегодня Белая Слуда – большое село, где живет несколько сот жителей, здесь есть асфальт, ухоженные дома, а в них – водопровод. Нас встречает директор средней школы Любовь Хабарова и ведет в школьный музей, посвященный... белому грибу! Жители села не без основания полагают, что их село – родина белого гриба. В окрестном бору гриб растет в астрономических количествах. И не мудрено, что основой экономики в Белой Слуде является сбор белых грибов-беломошников. С августа по конец сентября все село, от мала до велика, занимается сбором боровиков. Их закупают рестораторы из Ленинградской и других областей, а часть сбора идет даже за рубеж. Вот этому-то богатству и посвящен школьный музей. Здесь и фото грибов, и поделки в их честь: кружева, вышивки, лепка, рисунки – богатство, да и только! Да и сама школа богато оснащена. Здесь и интерактивные доски, и компьютерные классы, и самая современная мебель – столица позавидует! Приобрести все это помогает спонсор, удачливый предприниматель и бывший ученик... Жалко только, что количе-

Никольская церковь в Белой Слуде.

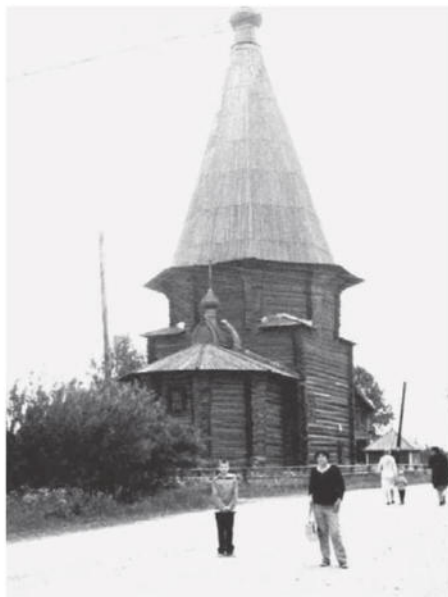
ство учеников сокращается с каждым годом – сейчас их осталось всего 39 человек!

4. Впрочем, вернемся к родословной. Сын священника Якова Семеновича, Алек-

*Директор школы в Белой Слуде
Любовь Хабарова.*

сей Яковлевич Патрушев, родился в 1754 году. Начал он служить в одной церкви с отцом (Белослудская Богородская церковь) пономарем и причетником. В архиве духовной консистории вот как говорится об определении поповского сына Алексея Патрушева пономарем этой церкви: «10 октября 1771 года имеется прошение священника Белослудской Богородской церкви Иакова Семенова с причетниками, церковным старостой и приходскими людьми». То есть даже пономарем не так уж просто было определиться (устроиться)! И это еще не все! «...При определении был допрашиван и показал: от роду ему семнадцатый год. Отец его находится при оной церкви священником... Женат он, Алексей,

Храм Дмитрия Солунского в Верхней Уфтьюге.

первым браком на девице крестьянской дочери Устинье Федорове, беспорочной. У него дети Герасим и Стефан. Отца духовного имеет Устьевской Троицкой церкви священника Иоанна Михайлова, у которого как в прошлом, так и сего 1771 года на исповеди был...»

После текста допроса имеются записи: «...В школе был и катехизис обучил. У присяги был в кафедральном Успенском соборе 1 ноября 1771 года... Посвящен в стихарь преосвященным Иоанном епископом Великоустюжским и Тотемским в Домовой его преосвященства церкви Всех Святых 30 октября 1771 года.

Грамота дана 16 ноября 1771 года».

И сын Алексея также трудился здесь! Читаем:

5. Стефан Алексеевич Патрушев (год рождения неизвестен) также начинал служение пономарем в Белослудской Богородицкой церкви Сольвычегодского уезда! Хотя мы можем с большой долей вероятности назвать год рождения Стефана. Ведь батюшка его был очень молод, когда обзавелся потомством: в 17 лет имел уже двоих детишек. Путем простых вычислений предполагаем, что родился Стефан примерно в 1770 году.

Зато сам Стефан поздно стал отцом: его сын Максим появился у него в 43 года, в 1813 году. О нем читаем: «Максим Стефанович Патрушев, дьячок природою Богородской Белослудской церкви. Сын умершего пономаря Стефана Патрушева. По исключении из низшего отделения Устюжского духовного училища 1827 года 11 октября посвящен к сей церкви во дьяконы. Грамо-

ту имеет», в графах указано: «Кто как знает чтение, пение, катехизис... – достаточно», «какого поведения... – похвального»; «Посвящен к сей церкви Онисифором епископом Вологодским. Грамоту имеет: «хвального», «Кто кому в каком родстве... – пономарю Патрушеву племянник».

На Максиме Стефановиче кончается служение наших прямых родственников в Белой Слоуде. Примерно в 1835–1840 годах семейство перебирается в другое село, в Верхнюю Уфтьюгу.

Таким образом, мы можем сказать, что четыре поколения наших предков около ста лет служили в Белой Слоуде! Повторим еще раз: это священник Иаков Семенович, пономарь Алексей Яковлевич, пономарь Стефан Алексеевич, диакон Максим Стефанович.

Сейчас трудно сказать, в каком именно году Максим Стефанович перевелся служить в Верхнюю Уфтьюгу, но точно знаем, что наш прадед, Григорий Максимович, родился уже именно там.

6. Ах, что за чудо эта Верхняя Уфтьюга! Какой дивной красоты стоит там шатровый храм! Эта церковь, стоящая в центре села, видна со всех сторон на многие километры и является ориентиром, объединяющим окрестные деревни.

Рядом с этим храмом Дмитрия Солунского (1785 года постройки) стоит Троицкий каменный храм, который и позже построен, и не представляет особого интереса с точки зрения архитектуры. В 90-е годы прошлого столетия деревянная церковь была отреставрирована, и теперь мы можем наслаждаться монументальным храмом вы-

Высокое крыльцо – дань многоснежным зимам.

Наталья Савватеевна Михайлова, директор средней школы в Верхней Уфтьюге, удивительно похожа на мою прабабушку!

Знаменитой росписью украшали все предметы сельского быта, даже кухонную мебель.

сотой 43 метра в первозданном виде, красота и величавость которого делают его одним из самых выдающихся памятников деревянного зодчества!

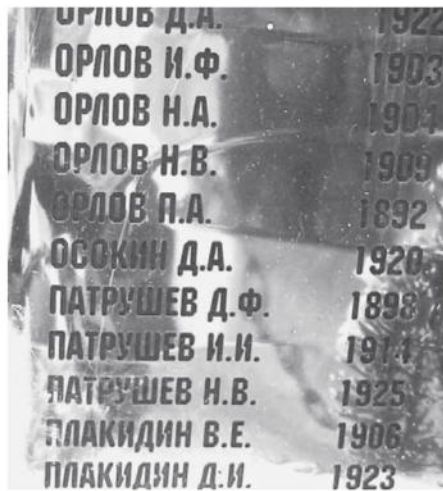
Верхняя Уфтюга и сегодня – большое село, с добротными домами, прекрасной средней школой, директор которой Наталья Савватеевна Михайлова вместе со своим педагогическим коллективом является подлинным представителем русской интеллигенции, хранителем истории, культуры и традиций.

В школьном музее, который мог бы сделать честь не одному уездному городу – так много здесь экспонатов, – хранятся материальные свидетельства минувших эпох. Это одновременно и музей этнографии, и музей культуры, и музей истории. Здесь хранятся духовные и материальные сокровища быта русского села за несколько веков!

В школьном дворе стоит стела, на которой высечены имена выпускников, погибших на фронтах войны. Среди них – сразу несколько Патрушевых! Низко склоняем головы перед памятью погибших прадедов – вечная память вам, наши незнакомые родные! Спасибо вам за ваш ратный подвиг, упокой Господь ваши души в царствии Его!

Но, конечно, самое яркое впечатление оставляет храм, следят за которым все те же замечательные школьные учителя. По высоким ступеням восходим к дверям храма, которые отпирают огромными коваными ключами.

Входим в его деревянное темноватое нутро, и вдруг все наше существо охватывает неизъяснимое волнение. Каждая клеточка тела начинает вибрировать, перехватывает дыхание, и сердце бьется не в груди – в горле! Там я узнала, что выражение «серд-

Стела героям войны в Верхней Уфтюге.

це выскакивает из груди» совсем не метафора! Здесь служил несколько десятилетий диаконом мой прапрадед Максим Стефанович Патрушев, здесь служили его племянники, здесь крестили моего прадеда Григория Максимовича и его многочисленных братьев и сестер, здесь венчали и отпевали наших родных. Сюда приходила по воскресеньям на службы вся семья. И далеко не случайно души наши уловили тонкие энергии, эманации душ кровных родственников. Они были впечатаны в эти бревенчатые стены и отозвались в нас спустя почти полтора столетия!

До недавнего времени в селе жило несколько семей Патрушевых. Их добротные дома охотно показывают старожилы. И на памятной стеле героям ВОВ мы видим фамилию Патрушевы. Вечная вам память, герои, наши незнакомые родные! Эх,

заниматься бы этим расследованием пораньше, сколько бы я узнала про свою семью, сколько бы времени сэкономила!

Так что за семья была у прапрадеда Максима Стефановича? Обратимся к архиву: читаем в документах за 1857 год: «В семействе у него жена Анна Александрова, 40 лет. Дети: Николай Патрушев, 15 лет, обучается в среднем отделении Устюжского духовного училища на содержании отца; Андрей, 13 лет, учится читать у отца; Иван, 10 лет, учится читать у отца; Григорий, 8 лет, учится читать у отца, Яков, 4 месяцев, Дарья, 1 года, Евдокия, 20 лет, грамоте не учена; Наталья, 18 лет, грамоте не учена». Вот какое семейство, не считая мужей, жен, детей, приходило молиться в эти стены!

7. Вот мы и добрались до нашего ближайшего предка, Григория Максимовича Патрушева, того самого, которого мы видим на фотографии рядом с матушкой. Родился прадед 26 января 1850 года.

В архивном фонде «Великоустюгское духовное правление», в клировой ведомости Приводинской Николаевской церкви за 1900 год, в сведениях о священно- и церковнослужителях значится:

«Диакон Григорий Максимов Патрушев, 51 год, природою Сольвычегодского уезда Троицкой Верхне-Уфтюгской церкви дьячка сын.

По увольнении из низшего отделения Вологодской духовной семинарии в 1869 году, 4 апреля, епископом Павлом рукоположен во диакона к Троицкой Кубенской церкви Вологодского уезда (Кубенское – крупное село в Вологодской области, которое имело шесть церквей), на пономарскую вакансию,

а 13 июня 1871 года епископом Палладием по прошению перемещен к сей церкви на дьяческую вакансию, и в 1885 году, 21 сентября, епископом Израилом определен штатным диаконом сей церкви.

В сентябре месяце 1891 года определен помощником законоучителя Приводинской школы, в 1897 году был счетчиком всенародной переписи. Грамоту на первое и указы на сие место имеет.

В семействе его жена Екатерина Васильева священника дочь, 54 года. Дети их:

Александр – священником в Акмолинской области, 27 лет, 1873 года 4 июля;

Феодосий – обучается в 6-м классе Вологодской духовной семинарии на полубруссе, 21 год, 1879 года 23 октября;

Мария – в замужестве, 24 года;

Анна – грамотна при отце, 18 лет;

Сергей – учится в 3-м классе Устюжского духовного училища на содержании отца,

14 лет, 1886 года 23 октября;

Ольга – учится в 3-м классе Устюжского епархиального училища, 12 лет;

Александра – учится в Приводинской школе, 10 лет».

Дети отца Григория – это моя родная бабушка Александра и двоюродные бабки и деды, коим я прихожусь внучатой племянницей. Судьба их была практически неизвестна, и мне пришлось потратить долгих пять лет, чтобы узнать их историю.

В их судьбе как в зеркале отразилась история миллионов русских людей, прошедших горнило революционных событий, сталинских репрессий. Судьбы моих родных драматичны и даже трагичны. Далеко не все мне удалось разыскать и узнать, но то, что узнала, – читайте!

Улица в Верхней Уфтыюге в наши дни.

В О ДНИ ЛИХОЛЕТЬЯ БЕЗВИННО УБИЕННЫЙ

Об АЛЕКСАНДРЕ, моем двоюродном деде и старшем сыне Григория Максимовича Патрушева, до начала моего исследования в нашей семье знали лишь то, что был он якобы ректором духовной семинарии в Великом Устюге, имел собственный выезд, а когда пришла советская власть, к нему ночью приехали люди ОГПУ, арестовали и затем расстреляли.

Как потом мне удалось установить, это семейное предание правдиво лишь в своей трагической концовке и не имеет ничего общего с тем, что было на самом деле.

Сомнения в этой семейной легенде начались сразу же после получения первых ответов на мои запросы из архива Великого Устюга. Согласно им, Александр как уехал в 1899 году из Вологодской области в Акмолинскую губернию, так и продолжал там работать.

И, потом, какими великими качествами должен был обладать этот человек, чтобы его отозвали из Акмолинска, из чужой епархии, и поставили руководить семинарией в Великом Устюге? Что, разве среди своих выпускников, среди многочисленных иерархов тысяч церквей Русского Севера не нашлось своей достойной кандидатуры на эту должность? Что-то явно не складывается в семейном предании. Ну никак не складывается! Тем более что документы Устюж-

Александр Григорьевич Патрушев.

ской семинарии выложены в Интернете. Там даже имеются фамилии студентов лет за сто пятьдесят. Есть и наш Александр Патрушев как студент, как выпускник. А вот как ректор или хотя бы как преподаватель таковой не значился!

Возможно, Патрушев был ректором в Акмолинской губернии? Проверяю эту вер-

Церковь села Дорофеевское.

сию. Нет! Ведь там и семинарии-то нет.

Впрочем, начнем рассказывать историю отца Александра от самого начала...

Родился Александр Григорьевич Патрушев 4 июля 1873 года в семье диакона Приводинской церкви Вологодской губернии. Там же, в Приводино, окончил церковно-приходскую школу, причем преподавали ему священник приводинского храма Василий Вотчинский и собственный отец Григорий Максимович. Затем Александр продолжил образование в Великом Устюге, в духовном училище, которое окончил по первому разряду в 1889 году, и был переведен в первый класс Вологодской духовной семинарии, которая к началу XX века была одной из крупнейших на Русском Севере. Несмотря на усилия церковных реформаторов XIX века, она оставалась узкословесным учебным заведением, где более девяноста процентов учеников происходили из семей духовенства. После шести лет обучения и успешного завершения учебы Александр Патрушев в декабре 1895 года был рукоположен в сан диакона к Вилегодской Покровской церкви Сольвычегодского уезда, где и проработал четыре года. Примерно в

эти же годы отец Александр женится, взяв себе в жены дочку священника Приводинской церкви Василия Вотчинского, Анну. Таким образом, диакон и священник Приводинского храма породнились и стали сватами...

В конце XIX века православная церковь обратилась к молодым выпускникам училищ и семинарий с призывом ехать окормлять паству в Сибирь, в которую потянулись малоземельные крестьяне по реформе Столыпина. Надобно сказать, что на Русском Севере, где служили мои предки, священнослужителям, даже образованным, было трудно получить приход: говоря современным языком, там наблюдалось «перепроизводство» батюшек. А Священный синод гарантировал твердый оклад, обеспечение жильем, подъемные и средства для переезда семейств.

Отец Александр откликнулся на этот призыв и, будучи рукоположен в сан священника, получил назначение в Акмолинскую губернию, село Дорофеевское Кокчетавского уезда.

Проработал он на сем месте совсем немного – менее года, но уже был замечен и отмечен: «Во внимание к отлично усердной деятельности заведующих церковными школами и учителей из дьяконов и псаломщиков ходатайствовать перед Его Пресвященством о награждении набедренником священника села Дорофеевского Александра Патрушева...» (Набедренник – принадлежность богослужебного облачения православного священника русской традиции. Имеет вид матерчатого продолговатого прямоугольника (плата), в центре которого изображен крест.)

В том же 1899 году отец Александр перебирается на жительство и служение в город Петропавловск, где становится священником Петропавловской старокладбищенской бесприходной Васильевской церкви.

В моей работе по поискам следов священников Патрушевых очень помогли епархиальные историки того времени: Скальский и Голошубин. Их подробнейшие описания состояния епархии, клира, церковей просто трудно переоценить. Вот познакомьтесь, пожалуйста, с описанием церкви, в которой много лет работал Александр Григорьевич, составленным ключарем Климентом Скальским, опубликованным в издании «Омская епархия» (Царствие ему Небесное и со святыми да упокоится его душа!), Омского Успенского кафедрального собора за 1900 год: «Васильевская старокладбищенская церковь на упраздненной кладбище около базарной площади во имя святого Василия (епископа Парийского, которого от-

мечают 12 апреля). Церковь о трех престолох: с южной стороны – в честь и память введения в храм Пресвятой Богородицы; с северной – во имя св. мученицы Акилины. Зданием каменная, построена в 1857 году в честь Петропавловских почетных граждан Акилины Георгиевны Зенковой и почетных граждан Иоанна и Павла Зенковых.

Церковь прочна и вместительна. В церкви есть местнотимая икона святого праведного Симеона, Чудотворца Верхотурского, перед которой по понедельникам читается акафист. Приписных сел и деревень нет.

Помещение для притча заключается в двух деревянных домах, пожертвованных наследниками Зенковыми. При доме священника есть и хозяйственные службы, только таковые нуждаются в ремонте. При доме псаломщика имеется только конюшня, которая тоже нуждается в ремонте. Земли при причте никакой не положено. Домов, лавок и других зданий и угодий, кото-

Женская гимназия, где служил законоучителем Александр Патрушев.

рые бы принадлежали церкви и приносили доход, не имеется.

Жалованье священнику 440 руб., псаломщику – 200. Жалованье это получается от казны и процентов с капитала, пожертвованных почетными гражданами Зенковыми на обеспечение притча. А именно священника капитал в 2310 рублей, с коего процент получается по 140 рублей, псаломщика 2500 рублей; капиталов церкви нет. Дохода в братскую кружку бывает до 300 рублей в год. Церковной школы не имеется. Притч из штатных священника и псаломщика: священник Александр Григорьевич Патрушев, 26 лет. Окончил полный курс Вологодской духовной семинарии. Служит с 18 октября 1899 года».

Огромную помощь в моих исследованиях оказал замечательный человек, доктор исторических наук, профессор Сергей Федорович Шатилов, который жил до недавнего времени в Петропавловске, а теперь перебрался в Воронеж. Он охотно и совершенно бескорыстно делился со мной найденной информацией, которая существенно пополнила мои наработки.

Так, именно от него я узнала, что отец Александр с 1901 года был законоучителем, вел Закон Божий в Петропавловской женской гимназии. В подтверждение этого Сергей Федорович любезно предоставил мне сразу два фотоснимка учительского коллектива гимназии, на которых я впервые увидела лицо своего двоюродного деда. Мало

Педагогический коллектив женской гимназии.

Доктор исторических наук Сергей Федорович Шатилов.

того, Сергей Федорович Шатилов выслал мне еще и снимок храма, в котором трудился Александр Патрушев. Этот снимок является уникальным, так как еще ни разу не был опубликован!

Судя по всему, дела отца Александра

шли неплохо. Его семейство разрослось, и было в нем девять детей: Василий, Нина, Георгий, Александр Александрович, Мария, Елена, Антонин. Здесь указано восемь детей. Но вообще их было девять. Кто был девятый ребенок, мы не знаем.

Из Омских епархиальных ведомостей, 1904 год: «Его преосвященством, преосвященнейшим Михаилом, епископом Омским и Семипалатинским, удостоены награждения за отлично-усердную и полезную службу по епархиальному ведомству скуфьей (скуфья – греч. головное покрывало, головной убор священнослужителей и церковнослужителей, представляющий собой остроконечную шапочку, у священнослужителей – из бархата)... священник г. Петропавловска Васильевской церкви Александр Патрушев. К 1909 году отец Александр удостоивается еще одной епархиальной награды – камилавка (камилавка – головной убор в православной церкви темно-синего, фиолетового или черного цветов в виде расширяющегося кверху цилиндра, является наградой для священников).

И никакого намека на ректорство в ду-

Старо-кладбищенская церковь в Петропавловске (фото публикуется впервые).

ховной семинарии! Наоборот, скромное служение своему пастырскому делу. Так что семейное предание о ректорстве в духовной академии не подтвердилось. Возможно, легенда возникла из того факта, что начиная с 1901 года отец Александр был законоучителем в Петропавловской женской гимназии. А в дореволюционной школе священник-законоучитель признавался первым руководящим лицом в религиозно-нравственном воспитании учащихся. Закон Божий, преподаваемый священниками, был включен в круг обязательных гимназических дисциплин в России и преподавался во всех типах гимназий до самой революции 1917 года как предмет, особенно влияющий на воспитание личности человека. Безусловное право и обязанность преподавания Закона Божьего, на основании церковных канонических и действовавшего законодательства, принадлежало исключительно священнослужителям и лицам, окончившим духовные школы не ниже семинарии. Значение личности учителя Закона Божьего в гимназии

подтверждает и тот факт, что на аттестатах, выдаваемых по окончании гимназии, подпись священника шла третьей, сразу за подписями директора и инспектора гимназии, и лишь затем расписывались остальные учителя.

Универсальность требований к законоучителю состояла в том, что он должен был быть одновременно не только священнослужителем, богословом, пастырем-духовником и проповедником, но и хорошим историком и словесником, а вместе с тем простым и искренним в общении с детьми, понимающим и любящим своих учеников. Духовенство было объявлено государством единственным признанным воспита-

телем народа, и образование должно было даваться детям и взрослым под его наблюдением и руководством. А Закон Божий, особенно в начальных школах, был объявлен первым и главным предметом преподавания. Преподавание Закона Божьего оказывало положительное влияние на формирование и развитие морально-нравственных качеств учащихся.

Давайте еще раз вернемся к отчету по старокладбищенской церкви, но уже спустя 14 лет. Вот что мы читаем в Справочной книге Омской епархии, составленной священником Иоанном Голошубиным за 1914 год: «Капиталов церкви 100 рублей. При церкви, вне ограды, есть старая деревян-

Педагоги и попечители Петропавловской женской гимназии. В центре – отец Александр Патрушев.

ная сторожка, приносящая по временам дохода по 3–4 рубля в месяц». За те 14 лет, что прошли с предыдущего обзора, священник не обзавелся хоромами, и, как пишет Голошубин, «надворные постройки ветхи, а церковный дом для жительства почти совершенно непригодный! Жалованья от казны положено причту 392 рубля в год. Причтового капитала имеется 7910 рублей, в которых получается в год до 380 рублей процентов, братских доходов в год до 700 рублей. Священник получает в женской гимназии за законоучительство 900 рублей в год. Причту по штату положено священник и псаломщик».

То есть, судя по этим данным, доходы батюшки выросли. Вот и выходит, что, несмотря на то что Васильевская церковь не имела своего прихода и потому не имела высоких доходов, жил наш батюшка вполне обеспеченно: 900 рублей в год только за законоучительство – очень хорошие деньги в царской России! Хороший конь стоил 150 рублей, корова – 60, деловой костюм – 8 рублей! И это в Москве, где все дорого. Так что батюшка вполне мог иметь собственный выезд!

Предпринимателей Зенковых и отца Александра связывали не только чисто деловые отношения, но и дружеские. Отец Александр нередко бывал у них на даче, крестил их детей.

Но вот наступила революция. Отношение к религии поменялось. Она была провозглашена вождем революции В. И. Лениным «опиумом для народа». Новая власть начала преследовать священников, по всей стране рушились храмы, закрылись губернские издания «Епархиальных ведомо-

Город Сретенск.

стей», откуда можно было бы почерпнуть информацию о священниках и их судьбе. Что случилось с семьей священнослужителей Патрушевых после революции? По семейной легенде, батюшка был расстрелян... Так ли это на самом деле? Ясно было только то, что из Петропавловска он исчез.

Куда? Когда? С кем? На эти вопросы никто не мог дать мне ответа. Куда я только не писала. В ФСБ Петропавловска, Омска, Москвы, Вологды – везде отвечали: «Нет! Не было. Не имеем сведений!»

Сергей Федорович Шатилов очень меня поддерживал в моих поисках и подсказывал, куда можно еще обратиться.

Вот отрывок одного из его писем: «...Я тут успел несколько посмотреть свои некоторые материалы из Петропавловского архива. На самом деле в начале 20-х годов священник А. Патрушев нигде не упоминается. Есть у меня версия по этому поводу. Когда в 1919 г. отступал из Петропавловска Колчак, проводилась массовая эвакуация. Среди эвакуированных было и духовенство. Многие тогда эвакуировались на восток, вглубь Си-

бири, надеясь, что это ненадолго. Многие священники из Петропавловска тоже уехали. Даже церковное имущество эвакуировалось. Сами Зенковы тоже уехали и больше не вернулись. Я разыскал в Иркутске потомков дочери купца Зенкова – Ольги. Но потомки, обладая немалым количеством документов и фотографий, почти ничего толком не знали о прошлом. Мог вместе с Зенковыми уехать и о. Александр с семьей. По дороге некоторые останавливались в Омске, Новониколаевске, Иркутске и других больших и малых селениях. Иногда там и оставались навсегда. Правда, есть еще один вариант – в 1921 г. было большое восстание казачества и крестьянства против советской власти. В Петропавловске красные каратели убили епископа Мефодия, погибло также несколько представителей духовенства. То, что с ним были расстреляны несколько священников, утверждается в одной зарубежной книге о красном терроре. Но я подтверждения этому не нашел. Я подробно просмотрел загсовские записи за 1920, 1921, 1922, 1923 гг. – там о. Александр среди умерших или погибших не значится. Но о епископе убиенном тоже нет метрической записи. Можно будет сделать запрос в КГБ в Петропавловск, кто знает, вдруг что-то и будет найдено...»

А вот еще одно письмо:

«Татьяна Ивановна, здравствуйте!

Маршрут отступления один – по пути Колчака и Каппеля – Омск, Новониколаевск и через Иркутск в Маньчжурию, в Харбин. Многие остановились по пути следования, другие погибли в пути, третьи дошли до Китая и остались там. Я смотрел электронную базу БРЭМ в Хабаровском архи-

е, там Патрушевых с десятков фамилий, но Александра среди них нет».

Искала я по этому маршруту – нет! Искала в Харбине, куда эмигрировали многие белые офицеры и гражданские лица, – нет! Искала в сталинских расстрельных списках. Ничего!

И только в 2016 году, после четырех лет поисков, из ФСБ города Омска пришло долгожданное известие. Привожу полностью это историческое письмо, в котором в нескольких строках вся информация о судьбе моего деда:

«Уважаемая Татьяна Ивановна!

Ваше обращение, зарегистрированное в УФСБ России по Омской области за № И-8 от 13.01.2016, рассмотрено.

В УФСБ России по Омской области на хранении имеется архивное уголовное дело № 23149-Г1, согласно которому, Патрушев Александр Григорьевич, родился 4 июня (июля, написано неразборчиво) 1873 г., в с. Приводино Устюжского уезда Вологодской губернии, житель г. Сретенска Акимлинской губернии (в другом документе – г. Петропавловска), окончил духовную семинарию, беспартийный, по национальности русский, по профессии священнослужитель, служил в кладбищенской Георгиевской Сретенской церкви.

Постановлением помощника начальника Сретенской уездной рабоче-крестьянской советской милиции от 01.04.1924 Патрушев А. Г. был арестован по ст.ст. 100, 143–147 УПК. Постановлением уполномоченного ПП ОГПУ ДВО по Сретенскому уезду от 09.04.1924, руководясь ч. 11 ст. 202 и ст. 61 УПК, Патрушев А. Г. был освобожден из-под стражи под

подписку о том, что «обязуется не совершать в Сретенской кладбищенской Георгиевской церкви богослужения, хотя бы по добровольному приглашению верующих, и не записываться в указанную церковь в члены общины».

По постановлению уполномоченного СО ГО ОГПУ Забайкальской губернии от 09.05.1924, руководясь ст.ст. 128, 129, п. 5 ст.ст. 144, 145 УПК, Патрушев А. Г. был арестован по ст.ст. 70 и 73 УПК с содержанием под стражей при ГО ОГПУ. Патрушев А. Г. обвинялся в том, что, бежав в 1919 г. от советской власти из г. Петропавловска с правительством Колчака в г. Сретенск, вел злостную агитацию с целью подорвать авторитет Правительства ДВР среди местного населения.

Постановлением уполномоченного СО ГО ОГПУ ДВО от 31.05.1924, руководясь ч. 2 ст. 202 УПК, Патрушев А. Г. из-под стражи был освобожден, уголовное дело за отсутствием в его действиях состава преступления прекращено.

Постановлением ПП ОГПУ ДВО от 19.08.1924 Патрушев А. Г. за совершенные преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 69 УК, был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Заключением Прокуратуры Забайкальского края от 26.03.2010 Патрушев А. Г. реабилитирован.

Состав семьи Патрушева А. Г. по состоянию на 09.05.1924:

жена – Анна Васильевна, 53 года;
дочь – Нина Александровна, 24 года;
сын – Георгий Александрович, 21 год;
сын – Александр Александрович, 19 лет;
дочь – Мария Александровна, 17 лет;

Супруга отца Александра – Анна Васильевна с матушкой.

дочь – Елена Александровна, 14 лет;
сын – Антонин Александрович, 12 лет.

Все проживали в г. Сретенске. В другом документе состав семьи по состоянию на 02.04.1924: жена и семь человек детей. Других сведений о составе семьи Патрушева А. Г., документов личного характера, а также фотографий в материалах дела не имеется. В УФСБ – УМВД России по Омской области архивных материалов в отношении Патрушева Феодосия Григорьевича и Патрушева Сергея Григорьевича не имеется. Сообщаем, что в отношении этих лиц нами проводятся дополнительные провер-

ки, по результатам которых Вам будет направлен ответ.

Начальник подразделения
С. И. Познахирев».

Итак, семейная история на сей раз оказалась правдива. Отец Александр на самом деле был репрессирован и казнен. Но только вот отчего его нет ни в каких списках? Ни в синодальных, ни в епархиальных, ни в сталинских расстрельных, ни в «Бессмертном бараке». Надо эту несправедливость еще устранять. И что случилось с его семьей? Куда делись Анна Васильевна, Нина, Елена, Антонин, Георгий, Василий и Александр Александрович? Где жили они после побега из Петропавловска? Должно быть, неподалеку от церкви, которая словно по иронии судьбы тоже, как и в Петропавловске, называлась кладбищенской! Вот она, на этих фото. Сохранилась!

Она просматривается практически с любого места города, так как расположена на высоком холме и, кроме того, на нее ориентированы почти все поперечные улицы города.

Долгое время здание не использовалось. Консервационные работы, проведенные в 2001 г., являются первым этапом в возрождении и сохранении храма. Сегодня это единственное культовое здание в городе и районе, используемое по своему первоначальному назначению.

Вот такова судьба моего двоюродного деда Александра Патрушева. Возможно, рядом с Георгиевской церковью на городском кладбище упокоены и члены его семьи...

И не исключено, что даже удастся кого-то найти по кладбищенским книгам. Но это будет уже другая история. А пока оста-

Кладбищенская церковь в г.Сретенске, последнее место службы отца Александра.

ется только помолиться за безвинно убиенного раба Божьего иерея Александра, как предписывает Церковь: «Еще молимся о упокоении душ усопших рабов Божьих во дни лихолетья безвинно убиенным, страдания и истязания претерпевшим, в изгнании и заключении горькую смерть приемшим, их же имена Ты Сам, Господи, веши».

«Во блаженном успении вечный покой, подаждь, Господи, усопшим рабам Твоим, во дни лихолетья безвинно убиенным, страдания и истязания претерпевшим, в изгнании и заключении горькую смерть приемшим, их же имена Ты Сам, Господи, веши, и сотвори им вечную память».

В заключение этой главы моей книги о трех братьях-священниках, приехавших по столыпинской реформе в Сибирь окормлять православную паству, хочется сказать огромное спасибо петропавловскому краеведу Лидии Матвеевне Мелехиной, помогавшей нам во время визита в город Петропавловск многое узнать, увидеть и понять.

ОТЕЦ ФЕОДОСИЙ

ФЕОДОСИЙ Патрушев, один из троих братьев семейства Патрушевых, родился, как и все дети Григория Максимовича, в селе Приводино в 1879 году. Окончив церковноприходскую школу, отправился в Великий Устюг, в духовное училище, продолжать образование. Здесь он изучал грамматику, арифметику, историю, географию, пение, пространный катехизис, церковный устав и классические языки.

В 1895 году Феодосий окончил училище по первому разряду и перешел на 1-й курс Вологодской духовной семинарии.

Следующая запись говорит, что в 1900 г. Феодосий Патрушев, 21 году от роду, продолжает образование и обучается в 6-м классе Вологодской духовной семинарии «на полубурсе».

В 1901 году, сообщает архивный фонд Великоустюжского духовного правления, Феодосий уже трудится учителем в церковноприходской школе села Верхняя Уфтюга. К этому моменту он уже окончил семинарию со званием «студент». 22 сентября 1902 года посвящен в сан диакона и переведен в Спасо-Преображенскую церковь селения Вилегодск, что на реке Виляди (Грамоту и Указ имеет).

В 1905 году, как сообщают клировые ведомости церковью Сольвычегодского уезда, он продолжает трудиться на том же месте, и в семье у него появилась жена Александра Парменовна, происходящая из ста-

ринного рода священнослужителей Кубенских, служивших в тех же северных краях. Сами понимаете, что дочь священника была неплохо образованна. Было ей 25 лет от роду. В 1904 году у четы появился первенец – Владимир, а в 1905 году родился второй сынок – Антонин.

Профессиональные и моральные качества отца Феодосия оценены следующим образом: «Говорит 44 собеседования и 10 проповедей собственного сочинения. Поведение отличное, трезвое. По службе исправен» (ГАВО, Ф. 496, оп. 4, д. 686).

Три с лишним года отец Феодосий служил диаконом и лишь затем был рукоположен в сан священника. Это была обычная практика: молодые выпускники семинарий начинали свою священническую карьеру с сана диакона и лишь года через три-четыре становились священниками. Все правильно и мудро! Думаю, что Феодосий и его старший брат Александр активно переписывались и Александр на-

Великий Устюг.

стоятельно советовал брату перебраться в Сибирь, где, как я уже говорила, Священный синод и царская власть создавали для священнослужителей льготные условия для работы. И вот мы читаем, что дьякон Вологодской епархии Феодосий Патрушев 11 марта 1906 года рукоположен в сан священника с назначением на священническое место к Градо-Каркаралинской Князе-Владимирской церкви (№ 8, 1906 г.). То есть средний брат решил перебраться поближе к брату Александру в Сибирь. Очевидно, в своих письмах Александр писал немало хорошего о жизни на привольных сибирских землях.

Каркаралинск, а ныне Каркалы, – городок в Казахстане, расположен в невероятно живописном месте, у подножия Каркаралинских гор. Как утверждают краеведы, собор, в котором предстояло служить Феодосию, был величественный и очень кра-

сивый. Но его разрушили в годы большевистского террора.

Но не прошло и двух лет, как 7 апреля 1908 года отца Феодосия опять переводят. На этот раз всего за 157 километров, к молитвенному дому поселка Ботакара Акмолинского уезда, переименованного переселенцами в поселок Санниковский, в честь генерал-губернатора, которого народ очень возлюбил, на нештатное место (№ 10, 1908 г.). Об этом назначении стоит рассказать особо.

Еще в 1894 году правительство Российской империи решило взять под свой контроль возведение новых храмов за Уралом и создало Фонд имени императора Александра III, в котором аккумулировались пожертвования на строительство храмов.

Через этот фонд сам знаменитый праведник Иоанн Кронштадтский (ныне причисленный к лику святых) направил имен-

Духовная семинария в Вологде, где учились братья Патрушевы.

но на храм в Санниковском взнос в 500 рублей, который и стал первым пожертвованием. В редкой книге «Сибирские церкви и школы» (СПб, 1904) есть такие строки:

«В поселке Санниковском Акмолинского уезда, самом отдаленном, заброшенном, в безлюдной степи, предпринято в честь царя-освободителя сооружение каменной церкви во имя св. Благоверного Князя Александра Невского и Мученицы Ксении с причетными домами и школою...»

Пока продолжался сбор средств, руководство Омской епархии открыло в Санниковском свой приход. Был учрежден причт из священника и псаломщика. Первым священником при молитвенном доме и стал 7 апреля 1908 года Феодосий Патрушев. К этому моменту семейство батюшки значительно разрослось: супружеская чета воспитывала уже шестерых детей!

Работы в приходе было немало: только с мая по декабрь 1908 года отмечены 219 крещений, 121 погребение и 32 брака!

Закладка храма во имя Святого благоверного князя Александра Невского состоялась 30 августа 1909 года.

Утром крестьяне и гости собрались около молитвенного дома. После литургии начался крестный ход к месту закладки будущего храма. Здесь окропили канаву под фундамент, установили закладной краеугольный камень. На месте престола водрузили крест. Было сказано поучение: «Дом мой домом молитвы наречется».

По традиции на церемонии присутствовали представители окрестного духовенства и местного начальства.

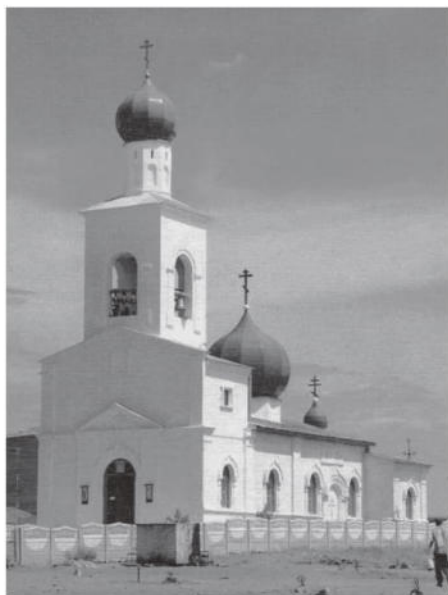
Строительство храма продолжалось четыре года, но Феодосий не дождался его

Школа в Верхней Уфтуге.

окончания: 16 ноября 1909 года батюшку опять переводят! Теперь уже к молитвенному дому поселка Борисовского того же уезда (№ 23, 1909 г.). А в 1911 году, согласно справочнику Голошубина, Патрушев Феодосий Григорьевич уже является священником молитвенного дома поселка Захаровского (Нурицкий район) Акмолинского уезда. Что же представлял собой этот поселок?

«Село Захаровское одноименной волости расположено по реке Нуре в степной местности, окруженной сопками. От благочиния до уезда 170 верст. Близлежащая железнодорожная станция Петропавловск – 600 верст. Приход состоит из села Захаровского с населением 381 душа мужского пола и 305 – женского. В селе имеется саманный молитвенный дом, освященный в 1910 году во имя апостола Иоанна Богослова, построенный на средства прихожан. Необходимая утварь, ризница и богослужебные книги – все здесь было. Особо чтимых икон нет. Капиталов и угодий, приносящих доход, не имеется. Но в 25 верстах есть поселок Дальник, который населен баптистами и молоканами, православию они пока не угрожают. В приходе в течение года бы-

Храм Александра Невского в селе Санниковское (Ботакара).

вайт до 100 крещений, до 18 браков и 70 погребений. Имеется церковноприходская школа, в которой обучаются до 70 девочек и мальчиков.

Для священника и псаломщика имеются особо приличные и удобные дома с амбарами, двором, колодезем, построенными на средства казны. Отопляют квартиры кизяком за счет собственных средств. Жалованья получено от казны – священнику 600 рублей в год и псаломщику 200 рублей. Братских доходов бывает до 150 рублей в год. В отношении посещения прихожанами храма и исполнения ими обрядов святой Церкви особого усердия не заметно, также мало заботливости проявляют они по содер-

жанию своего храма сторожами и отоплению. На Пасхе бывает хождение со святыми иконами, а летом после посева бывают крестные ходы по полям. В Рождество Христово, в Богоявление и в храмовые праздники причт посещает своих прихожан со св. Крестом. Прихожане занимаются исключительно хлебопашеством, и сеется больше пшеница, а скотоводством, как видно из сведений, доставленных причтом, прихожане не занимаются, хотя в приходе имеется два маслодельных завода».

Вот такое исчерпывающее описание села и жизни в нем дает нам церковный историк Иоанн Голошубин в справочной книге Омской епархии за 1914 год.

Сколько лет проработал в Захаровском отец Феодосий, пока не удалось точно установить. Но, по сведениям того же Голошубина, 20 сентября 1920 года он – уже благочинный четырех церквей четвертого округа Омского уезда и священник обновленческой церкви села Павлоградского Крутинского района, где и проработал вплоть до 1930 года.

Благодаря епархиальным и клировым ведомостям мы смогли проследить жизнь семейства Феодосия Патрушева вплоть до самой революции. Но в 1918 году «Епархиальные ведомости» по всей стране были закрыты новой властью. Церковь отделена от государства и батюшки – ранее уважаемые члены общества – теперь стали тем же обществом отвергаться и превратились в изгоев. Религия, по убийственному выражению Ленина, становится «опиумом для народа», и с этого момента за жизнь священнослужителя никто и ломаного гроша не даст. Как уже писалось в предыдущей гла-

ве, старший сын семейства отец Александр был расстрелян в 1924 году. Ничего хорошего от судьбы не ждал и Феодосий.

Новая власть, чтобы пошатнуть устои православия, придумала дьявольский план – расколоть Церковь.

После Февральской революции 1917 года возникло движение в русском православии – обновленчество. Это была попытка модернизации русского православия. Движение выступало против руководства Церковью патриархом Тихоном (который не одобрял октябрьский переворот), заявляя о полной поддержке нового режима большевиков и проводимых им преобразований. С 1922 по 1926 год это движение было единственной официально признаваемой государственными властями православной церковной организацией. В период наибольшего влияния – с середины 1922 – в 1923 г. – более половины российского епископата и приходов находилось в подчинении обновленческих структур.

Не обошло обновленчество и Феодосия Патрушева. Вот что сообщает современный историк, иерей Вячеслав Терешенко, в своем труде «История Православия в Омском Прииртышье в 1900–1941 гг. (на примере Павлоградского района)»: «Под давлением властей настоятель Тихоновского храма, благочинный Павлоградского округа, священник Феодосий Патрушев переходит в обновленчество».

Конечно, деф не повел себя героем, перейдя в обновленческую, послушную властям церковь. Но ведь более половины священнослужителей епархии тоже перешли в обновленчество. Так что не будем кидать камнем в отца Феодосия. Давайте поставим

Село Захаровское сегодня.

себя на его место. Шестеро детей надо поить, одевать, учить, кормить. А государство, которое ранее платило батюшкам жалованье, перестало это делать. Надо было учиться жить на те небольшие доходы, что поступали от бедных, в общем-то, крестьян за крещения, отпевания, венчания.

Новая власть даже на первых порах, будучи заинтересованной в привлечении к себе верующих, не очень-то оценила законопослушность обновленцев. Их притесняли не меньше, чем последователей традиционной Церкви. Разве что не расстреливали и не выгоняли с приходов. Убедитесь сами, как расправились с небогатым имуществом церкви, в которой служил отец Феодосий, в 1922 году: «При осмотре 15 июня из Павлоградской церкви были изъяты чаша, дискос, звездица, ложица, 2 тарелочки и крест, серебряные вещи весом 2 ф. 39 зол., которые были отправлены в уфинотдел».

Большевики недолго отличались терпимым отношением к обновленцам. Стоило только закрыть основные приходы традиционного направления, как взялись и за обновленцев. Первой пострадала Свято-Тихоновская церковь, расположенная в рай-

онном центре. В 1926 г. «комсомольцы веревками свернули колокольню, разрубили ажурный красивый забор, уничтожили посадки вокруг церкви. Пропагандирующие атеизм развели на центральной площади огромный костер, молодежь прыгала вокруг него и бросала в пламя иконы».

Настоящую драму пережила семья моего деда в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Вот выписка из постановления Павлоградского СУК «О выявлении кулацких хозяйств»:

«Постановили: Патрушева Феодосия Григорьевича отнести к кулацкому хозяйству за эксплуатацию. Живет на нетрудовой доход: священник и имеет в год дохода около 250 рублей». На этот доход полагался существенный налог, и жить становилось не на что. Мало того, в 1929 году деда Феодосия, матушку Александру Парменовну и их 20-летнего сына Алексея лишили гражданских прав. Ну ладно отец – служитель культа, идеологический противник новой власти, хотя это и не так, но парень-то при чем? Лишение гражданских прав было равносильно волчьему билету. Неграждан не только не допускали к выборам, но и не пускали на учебу в вузы и техникумы, не брали на работу. Лишенные, таким образом, гражданских прав люди становились париями общества. Они едва поддерживали свое существование, перебиваясь с хлеба на воду. В личных делах лишенцев встречаются буквально кричащие от безысходности прошения, где люди умоляют дать им любую работу, чтобы не умереть с голода. Но такие люди всегда были на подозрении, и они стали первыми жертвами репрессий 1934–1938 годов.

Положение в семье было отчаянным. Мало того, что отец лишался доходов, так еще и сын в таком молодом возрасте был отринут за рамки общества и лишался права на образование и работу.

Передо мной лежит страшный документ – отречение Алексея от отца! Я не склонна думать, что Алексей, как Павлик Морозов, отрекся от батюшки по идейным соображениям. Уверена, что Алексей пошел на это с благословения отца Феодосия, и, возможно, сам отец настоял на этом, чтобы спасти сына от страшной участи лишенца.

Целый ряд «отказных» документов, предоставленных Омским государственным архивом, говорит о том, что написаны они и подготовлены не в запале, а спокойно, взвешенно и грамотно, как вряд ли способен сделать молодой деревенский паренек. Судите сами: вот документ о выделении долей собственности в общедворовом хозяйстве. И вы сами поймете, что писался этот документ за общим семейным столом. Давайте прочитаем:

«Раздельная запись двора № 74
1929 года февраля 19 дня.

Мы, нижеподписавшиеся граждане поселка Уманка Павлодарского с/совета того же района Омского округа Сибирского края, полноправные члены двора, состоящего из дома – хозяина Патрушева Феодосия Григорьевича 50 лет, жены его Александры Парменовны 49 лет; детей: Алексея 20 лет, Валентины 18 лет, Евгения 15 лет, Анатолия 13 лет, Любви 11 лет, добровольно произвели раздел.

Находящиеся в общем трудовом пользовании нашего двора земли в размерах и границах описанного ниже имущества. В

раздел поступают следующие угодья, находящиеся в трудовом пользовании нашего двора:

1. Усадебная земля, находящаяся в пос. Уманском.

2. Угодья, находящиеся в общем пользовании всего нашего Уманского общества, в количестве 7 долей, причитающихся нашему двору.

Означенные в пункте 1 земельные угодья распределяются по общему нашему согласию следующим образом: Патрушеву Феодосию с женой и четырьмя детьми – шесть сельских частей земельного надела – 3/2 десятины.

А Алексею Патрушеву – одну сельскую часть земельного надела. Все постройки, находящиеся на усадьбе, как то: хата, стоящая 30 рублей, и дом, находящийся в с. Павлоградском, стоимостью 200 рублей, один сарай – 30 рублей, рига – 20 рублей – остаются за Патрушевым Феодосием с женой и 4 детьми...

3. Скота: лошадь – одна, 50 рублей, телки – две, 40 рублей; пшеницы – 35 пудов. Остается за Патрушевым с женой и детьми: 1 лошадь, 1 корова, 1 телка, 35 пудов пшеницы. А Патрушеву Алексею выделяю 1 телку стоимостью 29 рублей. Со своей стороны Алексей Патрушев, получивши 1 телку, касаться в будущем раздела имущества не будет...»

А теперь скажите, можно ли такой серьезный документ, публикуемый здесь с сокращениями, написать вот так, в порыве? Кстати, если прочтете повнимательней, поймете, что писали его сразу два человека. И отец, и сын, склоняясь над этой бумагой, делали совместные формулировки, писали

Супруга Феодосия Александра Парменовна с матушкой.

вместе. И ясно, что о семейной расправе, о такой дикости, как отречение сына от отца, здесь, слава богу, и речи быть не может!

Я публикую подлинный текст этого отречения, а вы читайте и понимайте, что это никакое не отречение, а семейная договоренность, способ самосохранения от репрессивной машины власти. Тем не менее не думаю я, что писался этот текст со спокойной душой. Ведь на бумагу приходилось изливать страшные слова... Бедные-бедные мои родные! Сколько же вам пришлось пережить и испытать! И за что? Отчего судьба с вами так жестоко обошлась?

Итак, текст «Отречения»:

«Павлоградскому райисполкому Омско-

го округа от гражданина поселка Уманка Павлоградского района Омского округа Патрушева Алексея Феодосьевича

Я, как сын священника, служащего в церкви Павлоградского культа, которого решением Конституции РСФСР лишили избирательного права. Я, как молодой человек, не желаю больше жить со своим отцом, так как я лишюсь этих прав. Желаю обратно на работу трудовую, потому что грамоте Культа отца совершенно не обучался и желаю только трудиться физически. В настоящее время я порвал все отношения со своим отцом, перешел самостоятельно на отдельную квартиру, что видно из раздельного акта и справки сельсовета от 16.XI сего года за № 79. На основании чего прошу восстановить меня в избирательных правах, дабы я мог работать наравне с другими гражданами России. Алексей Патрушев».

Вот этот документ парень явно писал один. То ли духа не хватило просить отца помочь писать эту позорную, в общем-то, бумагу, то ли решил не терзать лишний раз отцовские чувства. И это угадывается и по взволнованному, неровному почерку, и по неловко выстроенным фразам, и в торопливости изложения, в котором почти отсутствуют знаки препинания. Чувствуется, писал, и сердце разрывалось!

Не дай бог никому очутиться на его месте!

И как же отреагировали власти на эти документы? Пожалели молодого человека, вернули ему право на жизнь в этой стране? Нет! Не вернули. Вот отпечатанная заранее, трафаретная заготовка:

«Выписка из протокола № 13

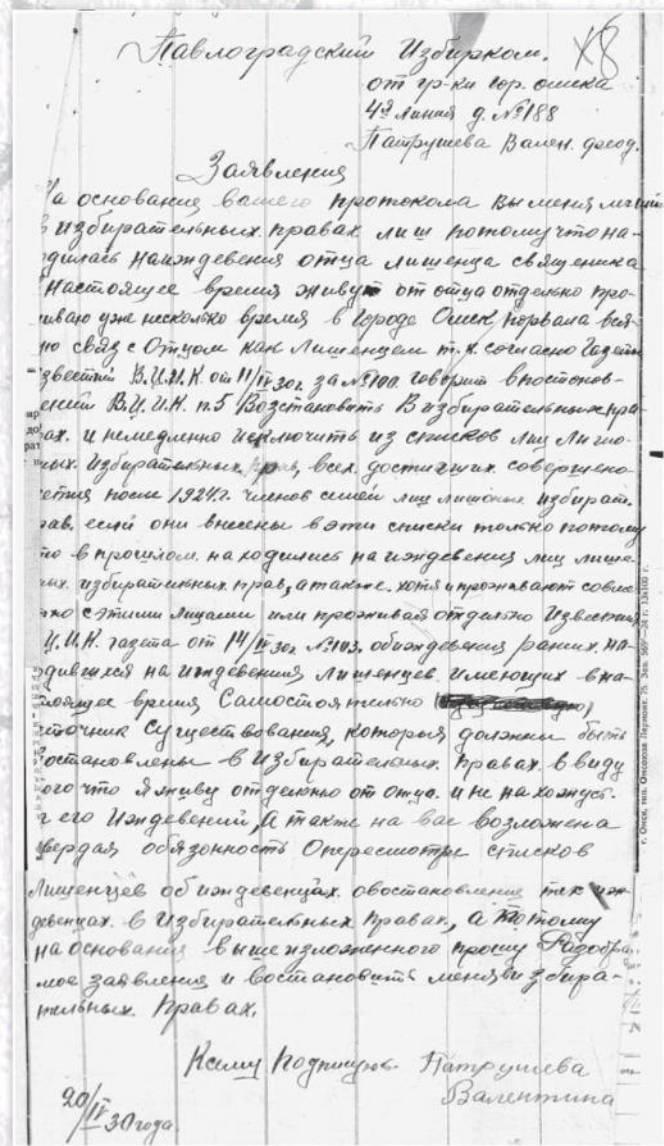
внеочередного заседания президиума Павлоградского РИКа Омского прав. округа 31 октября 1929 года

Слушали:
постановили
ходатайства граждан, лишенных избирательных прав,
Патрушев Алексей Федорович
(в момент лишения отделался от отца-священника)
ОТКАЗАТЬ».

Так что ничего не получилось из замыслов семьи по спасению Алексея.

И дочери Валентине преследований не удалось избежать, хоть и жила уже давно в городе Омске. Ее лишили избирательных прав со всеми вытекающими отсюда последствиями. Перед вами ее письмо, в котором она протестует против этого беззакония, просит ее восстановить в правах и задно, почти как Алексей, заявляет, что перестала поддерживать связь с родным отцом. Страшное письмо! Но ничего не вышло из ее заявления. Власти были нужны новые жертвы для отчетов об успехах борьбы с религией и попами...

Хорошо, что старшие дети, Владимир и Антонин, уже жили отдельно и работали где-то в других краях, ведь жизнь-то отца Феодосия была почти кочевая: переводили его постоянно с места на место. Возможно, остались в поселке Захаровском, а может, поехали к дяде в Петропавловск. А может, уехали в Омск. Только счастливый нечаянный случай может пролить свет на их судьбу... Можно только Бога благодарить за то, что на момент раскулачивания их не было рядом с отцом, иначе и им пришлось бы жить с волчьим билетом ли-

Письмо дочери Валентины: Я прервала всякую связь с отцом...

шенца... Потому что лишали гражданских прав всех взрослых членов семьи священнослужителей.

На этом испытания семьи не окончились. Мало было раскулачить, мало было лишить гражданских прав, надо было лишить еще и способа существования, надо было все отобрать! В бумагах дворового хозяйства деда в Омском государственном архиве сохранился вот такой любопытный документ:

«Постановление СНК от 03.01.1930.

...В зависимости от состояния бюджетов отделов местного хозяйства по постановлению местного исполнительного комитета строения или право застройки могут передаваться местным отделам безвозмездно. С одновременным списанием недоимки на сумму, равную стоимости строения или права застройки по оценке, установленной, произведенной в порядке указанной в первой части настоящей справки».

То есть, иначе говоря, если в местном бюджете мало денег, а у тебя имеется должок, то местный совет вправе отобрать у тебя любую недвижимость как недоимку... Славно!

Обложили батюшку таким налогом, что работать далее смысла не было: из-за невнесения семенного фонда имущество храма было распродано. Руины храма снесли, доски и кирпичи фундамента использовали для постройки деревянной школы и стадиона, которые существуют и поныне. Не исключено, что под недоимку попало и жилье: не зря же в его деле появилась эта многоговорящая справочка!

В феврале 1930 года отец Феодосий был вынужден оставить приход. Служение в Церкви Феодосий Патрушев оставил. Ду-

маю, этому решению батюшки способствовало и Постановление заседания епархии: на заседании Омского епархиального церковного управления, состоявшемся 6 мая 1930 года, он даже не появился. Коллеги никак не поддержали попавшего в бедственное положение товарища, а были весьма суровы, хотя и оставили ему пути для возвращения в лоно Церкви.

«Рассмотрев все материалы Е.Ц.У. по делу Павлоградского благочиния, заседание установило, что бывший благочинный района свящ. Патрушев допустил полную халатность к своим обязанностям, расшатал благочиние при отсутствии близкого руководства, вследствие чего оказалось в наличии ряд закрытых храмов, в результате чего не только не расширил благочиние, а утерял», поэтому не мог привести к единству других староцерковнических приходов, несмотря на их желание. Заседание находит необходимым подтвердить постановление Президиума Е.Ц.У. от 3/IV – сего года о снятии Патрушева с благочиния и прихода и предложить ему перейти в другой район, и чем скорей, тем для дела лучше, доказав на деле свое подчинение Высшим церковным органам, чем изгладятся все его промахи». Сегодня мы понимаем, что было довольно несправедливо винить благочинного в закрытии храмов в его округе: они массово закрывались по всей стране. И как бы ни был активен пастырь, в той ситуации он был бессилен против огромной государственной машины... Скорее всего, подтекст отношения к отцу Феодосию заключался в его «обновленчестве». Отец Феодосий не стал переходить в другой район, ведь и в другом районе есть власть Советов, есть непосиль-

ные налоги, есть враждебное отношение к священнослужителям. Да и куда было идти? Согласно отчету Павлоградского РИК от 8 июня 1932 г., на территории района уже не было ни одной церкви, молитвенного дома и сектантских молитвенных домов.

Бедственное положение отца Феодосия и его семьи довершило Постановление властей от 1930 года. Вот оно:

«Патрушев Федор (Федосей) Григорьевич 1876 г. р., житель Павлоградского с/с, Павлоградского р-на Западно-Сибирского края. Состав семьи: жена Александра 1876 г. р., сын Владимир, сын Алексей 20 лет, дочь Валентина 18 лет, дочь (сын) Евгений 1913 г. р., дочь Любовь 1917 г. р., сын Анатолий 13 лет. Подлежит выселению вместе с семьей (ГАОО, ф. 1000, оп. 2, дело 10, 656,

657; ф. 1556, оп. 2, дело 4, 174).

Куда именно выслали моего несчастного двоюродного деда, установить не удалось. Односельчане и краеведы ничего не знают о судьбе батюшки. Я делала запросы в органы всех областей (а именно: в Томскую, Пермскую, Свердловскую, Читинскую, Красноярскую, Челябинскую), куда ссылали в ту пору омичей, но отовсюду пришел отрицательный ответ. Куда делась огромная семья, что случилось с нашими родными? Превратились в лагерную пыль? Почему я смогла отследить историю своего семейства с 1661 года и почему не могу найти за XX век? Вот такая грустная история: неласковая моя родина словно взяла обязательство истребить семейство... И, судя по всему, в этом преуспела...

В ПРОКЛЯТЫХ КРАЯХ

Анна Григорьевна Патрушева.

АННА Патрушева была пятым ребенком в семье Григория Максимовича и Екатерины Васильевны. Родилась она в 1886 году и, как и все дети этого семейства, окончила церковноприходскую школу в родном селе Приводи-

но, затем поехала продолжать образование в женское епархиальное училище в Великий Устюг по примеру старших братьев. Это было заведение-пансион, где девочек учили и Закону Божьему, и прочим наукам. Так что по тем временам она была очень образованной барышней. В 1908 году она, будучи уже взрослой девушкой, переезжает вместе с родителями и сестрами к братьям в Петропавловск.

Здесь она и познакомилась со своим будущим супругом, предпринимателем Петром Галявинским. В 1910 году влюблен-

Село Звериноголовское. Крестовоздвиженская церковь.

ные повенчались, и на память об этом событии была сделана фотография, которую мы и предлагаем читателям. Затем молодая чета переехала жить на Урал, в селение Звериноголовское, где муж и проживал до брака. По происхождению Петр Васильевич – поляк. И его потомки очень бережно охра-

няют память рода, благодаря чему мы сейчас можем проследить и судьбу его супруги, тети Анюты. Супруги жили очень зажиточно, имели большое хозяйство: лошадей, коров, овец, пашни, сеялки, молотилки, сенокосилки. Имели и наемных работников.

Анна Григорьевна долгое время не имела детей и занималась общественной деятельностью – благотворительностью. В 1918 году, как утверждает Виктория Галявинская, племянница Петра Васильевича, супруги удочерили племянницу Анны Григорьевны Екатерину. Остается только гадать, чья это была дочка. Если это племянница, то, стало быть, дочь кого-то из братьев или сестер Анны Григорьевны. В 1918 году у братьев-священников все было боле-е-менее в порядке. Преследования еще не

Великий Устюг в годы учебы Анны.

В.-Устюгъ. Ц. Вознесенія.

начались настолько, чтобы отдать девочку в другую семью. Ольга Григорьевна была не замужем, Мария, старшая сестра, осталась на родине и была очень далеко, а Александра была замужем и уже обзавелась семейством... Непонятно. Но как бы там ни было, в награду за этот акт милосердия Господь дает супругам собственного ребенка. И в 1919 году у четы появился первенец и наследник Андрей Петрович Галявинский.

Жизнь семьи после революции стала сложнее, труднее. Землю, чтобы не использовать запрещенный наемный труд, обрабатывали сами с помощью племянников. Но когда наступила коллективизация, Петр Васильевич отказался вступить в коммуну и был в 1930 году раскулачен и выслан с семьей в Свердловскую область, село Шанталья.

Итак, еще один человек из семейства Патрушевых подвергся репрессиям и отправлен в ссылку. Что же такое Шанталья? Долго-предолго искали эту деревню. Но слава Интернету! Нашла. И я позвонила в администрацию Гаринского округа, к которому эта деревня относится. Глава администрации Александр Геннадьевич Лыжин руководит огромнейшей территорией с 42 поселениями, в которых проживает всего-то 7 тысяч человек. Я представилась и выразила ему свое сочувствие, что трудно обеспечивать всем необходимым такой тяжелый район. Он сказал, что зимой добираться в ту же деревню Шанталинскую проще. А вот летом дорог нет, можно только по воде. Сегодня в деревне доживают свой век всего-то 22 человека. А раньше здесь был большой поселок. Это когда сюда отправляли ссыльных. Тогда, выходит, жизнь кипела. Потом из этого медвежьего и малодоступного угла

Анна Григорьевна с супругом Петром Галявинским.

люди стали разъезжаться. Сейчас глава администрации мечтает разместить по всему району точки с горючим, потому что по дороге никаких заправок нет. И если что случись, топлива нигде не найдешь. А еще мечтает купить катер на воздушной подушке, чтобы хотя бы летом навещать своих людей.

Он-то и дал мне телефон заведующего территориальным пунктом деревни Шанталья Сергея Георгиевича. Звоню. Рассказываю, что сюда были сосланы мои родные. Давно уже знаю, что в глубинке живут самые добрые и приветливые люди. Сергей Георгиевич не был исключением и попросил позвонить через пару часов, а он за это время поищет информацию в похо-

Село Шанталья – место ссылки Анны Гальявинской и ее семьи.

зайственных книгах. Через два часа звоню и узнаю, что да, действительно, были такие. И Петр Васильевич, который стал счетоводом колхоза «За власть Советов», и Анна Григорьевна, и их родной сын Андрей Гальявинский, и Екатерина Петровна Гальявинская – приемная дочь Гальявинских, и их внук... Аскков Генрих Анатольевич 1939 года рождения! Еще узнала я, что там, в Шанталье, умерла до срока та самая приемная дочка – моя двоюродная тетка – Гальявинская Екатерина Петровна, там она и похоронена. Еще одна печальная новость – глава семейства Петр Васильевич умер в 1943 году. А еще сказал, что у них в окрестностях, на болотах, есть урочище, которое старожилы так и называют: урочище Гальявинское. Там место охоты и построена заимка. Похоже, что построил ее Петр Васильевич. Хозяин – он и на болотах хозяин!

И все-таки что это за Шанталья такая? Из «Википедии» узнаю, что поселок стоит на живописной речной излучине, на правом берегу реки Пелым, и этот Пелым служит местом ссылки более 400 лет! Еще Бо-

рис Годунов ссылал в этот острог врагов государства! Вот, значит, к кому приравняли моих несчастных родных! То-то честь! В 1601 году сюда прибыли Василий и Иван Никитичи Романовы, обвиненные в заговоре против царя. А в 1741–1742 годах здесь отбывал ссылку герцог Курляндии Бирон, бывший фаворит императрицы Анны Иоанновны. Почти 20 лет провел в Пельме генерал-фельдмаршал граф Миних, пострадавший после дворцового переворота 1741 года в пользу Елизаветы Петровны. В советское время Пелым вошел в систему Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ) НКВД СССР.

Вот в какие исторические края сослали нашу тетьку Анюту! Сейчас трудно сказать, какими были первые годы существования семьи на этих болотах. Но жизнь в этих проклятых на протяжении четырех сотен лет краях была тяжелой. Север с его морозами и белыми ночами, болота, гнус, нездоровый, сырой, холодный климат до срока свел в могилу отца семейства. В 1943

П Но братья все с П.7 на Белогорском направлении показали себя доблестными разведчиками. Несмотря на большое количество времени в разведке, за нашими порядками крепко держали линию ценных сведений о линиях палат пр-ка и других инженерных сооружениях. 17.6.43 была обнаружена вышка наших боевых порядков в р-не Васильевских под сильным огнем пр-ка обнаружил и снай 33 вышках линии там обнаружил прозвонили наших частей без потерь. 21.7.43 в р-не Бичковск под сильным артиллерийским огнем пр-ка и бойцовской силой за нашими порядками 24 км. линии, там обнаружил проход танков без потерь. 14.8.43 обнаружил вышках поле и с другими разведчиков снай 16.8.43 обнаружил в р-не Февки вышках линии поле. Линия была для нас не удобна, не смотря на огонь противника линия была Гальявинским излучина и разведками боялись, поле было быстро сняты и наш транспорт потерял не много. 21.8 в р-не Звоничский путь в Гальявинский были как раньше только что обнаружены линии поле. Не смотря на артиллерийский огонь пр-ка, ранили 1.10.43 в Гальявинский отправка ранились в том снай 96 снай с этого поля в Гальявинский посыле. Не смотря у Гальявинского 380 снятых вышках линии поле снай противника

Донесение о подвиге Гальявинского.

7-172
"ПОМЕРС" 607/21

Народный Комиссариат
Служба Связи СССР

УПРАВЛЕНИЕ
ПО ПЕРСОНАЛЬНОМУ ЧИСТУ ПОТЕРЬ
сержантского и рядового
состава Действующей Армии
и пенсионному обеспечению их семей

Известите гр. Звонич 20

проживающ. по на. с. Марсена
Петровского

родился 13-го сент. 1913
Гальявинский Андрей Иванович

уроженец Шельдинск. уезда
с. Милослав рождения 1919 года,
в бою за Социалистическую Родину

погиб 13-го сент. 1943
Похоронен с. Н. Ивановна
Климовский

Начальник управления Подполковник инж. службы Минин
(ДУЖКА) 117 1150 1003-83

Начальник 3 отдела
Майор а/с. Лебедев

При ответе ссылаться на инж. службу

Похоронка на сына Гальявинских, Андрея.

году здоровяк и богатырь в возрасте все-го-то 65 лет уходит из жизни. Анна Григорьевна остается с дочкой и внуком. 1943 год стал роковым для семьи: 9 сентября на фронте погибает сын Андрей. Две смерти самых любимых людей за один год! Вот история этого парня, героически отдавшего жизнь за страну, которая так не по-доброму обошлась и с ним, и с его семьей.

Гвардии старший сержант, командир отделения, сапер Андрей Петрович Галявинский служил в 10-м Гвардейском отдельном саперном полку 9-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии 2-го Украинского фронта.

О том, что Андрей Петрович погиб на фронте, в семье знали. Но то, что он был героем, мы узнали лишь недавно, когда нашли документы архива Министерства обороны. Вот как описан его боевой путь во фронтовых документах: «Во время боев 11 июля 1943 г. на Белгородском направлении показал себя бесстрашным разведчиком. Находясь большую часть времени в разведке за нашим передним краем, дал много ценных сведений о минных полях противника и других инженерных заграждениях. 17–18 июля, двигаясь впереди наших боевых порядков в районе Васильевка, под сильным огнем противника обнаружил и снял 53 немецких мины, чем обеспечил продвижение наших частей без потерь. 28 июля 1943 г. в районе Быковка под сильным автоматным огнем противника и бомбежкой снял за нашим передним краем 24 немецких мины, чем обеспечил проход танков без потерь.

14 августа 1943 г. обнаружил немецкое поле и с группой разведчиков снял

180 мин. 16 августа 1943 г. обнаружил в районе г. Феськи немецкое минное поле. Мины были для него неизвестны. Несмотря на огонь противника, мина была Галявинским изучена, и (о ее устройстве) рассказано бойцам, после чего (минирование) было быстро снято, и наш транспорт потерь не имел. 21 августа в районе Двуречный Кут Галявинский видел, как немцы только что установили минное поле. Несмотря на яростный огонь противника, ранение бойца, товарищ Галявинский, отправив раненых в тыл, снял 96 мин с этого поля в нейтральной полосе. На счету Галявинского 380 немецких мин, снятых под огнем противника».

Сын Галявинских Андрей Петрович погиб 13 сентября 1943 года. Захоронен в селе Новоивановка Новоивановского сельского совета Лозовского района Харьковской области. В центре села стоит памятник, где есть имя нашего героя. 5 ноября 1948 года Приказом по 9-й Гвардейской Полтавской воздушно-десантной дивизии 2-го Украинского фронта № 026/н от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий на фронте в борьбе с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Галявинский Андрей Петрович награжден орденом Красной Звезды.

Сын Андрей героически воевал за ту власть, которая несправедливо и жестоко обошлась с его семьей, сломала их жизни. Но сейчас в память о его подвиге в селе Гари стоит обелиск.

На гибели Андрея Галявинского скорбный список утрат в семье не оканчивается: в феврале 1944 года погибает третий

мужчина семейства – муж дочери Екатерины, младший сержант Адеков Анатолий Геннадьевич. Не зря говорится, что горе в одиночку не ходит!

Анна Григорьевна Галявинская вернулась из ссылки в Зверинку в 1949 году, увидевшись с родными, съездила в город Колпашево, где жила с племянницей Таисией родная сестра Ольга, простилась со всеми и спустя всего пять месяцев умерла, так и не насладившись жизнью на воле. Вот такая горькая, беспросветная судьба: несправедливость, ссылка, 20 лет жизни в болотах и холоде, лишения, смерть самых дорогих людей...

Печалимся мы и о судьбе ее сына Андрея, который провел свои детство и молодость в ссылке, погиб нецелованным юношей. И так сложилось, что некому его помянуть, поскорбеть о его ранней гибели... Когда наша семья через сайт Министерства обо-

В «Бессмертном полку» со штендером нашего героя.

роны узнала о нем, мы решили, что 9 Мая поминать его будем мы, и с той поры каждый год несем штендер с его именем по улицам Новосибирска в «Бессмертном полку».

КАК В ЛЕТУ КАНУЛ...

Сергей Григорьевич Патрушев.

МЛАДШИЙ из сыновей Григория Максимовича Патрушева, Сергей, родился 23 октября 1886 года. Начальное образование получил в родном селе Приводино, а затем продолжил его в духов-

ном училище Великого Устюга. Думается, учиться Сергею было веселее, чем старшим братьям: ведь вскоре в Великий Устюг приехали на учебу его младшие сестрички Оля и Саша, и он не чувствовал оторванности от дома. Великий Устюг не зря назвали великим: уж очень был хорош город, стоящий на красивой реке, вдоль берега которой высились десятки куполов церквей и храмов.

Учился он там, судя по этому документу, неплохо.

Духовное училище в Великом Устюге, в котором учились мальчики Патрушевы.

Вот разрядный список учеников духовного училища, оставленный после испытаний, бывших в мае – июне 1903 года:

«IV класс. После испытаний, проведенных в присутствии депутата от правления Вологодской духовной семинарии, не подвергаются приемным испытаниям (в семинарию) в первом разряде... Сергей Патрушев». То есть Сергея зачислили в семинарию автоматически, без экзаменов, поскольку успешно завершил учебу в училище!

И вот Сергей уже в Вологде. Обучение в семинарии было труднее, и не только потому, что науки сложнее, но и потому, что содержание обходилось дороже для семьи. Тяжело было многодетному отцу давать образование своим детям: не во всякий год удавалось своевременно вносить оплату за содержание в общежитии, возвращать путевые деньги на дорогу в каникулярное время домой и обратно, и потому Сергея два раза временно отчисляли до поступления взноса.

Семинарии, или средние духовные школы, были с шестилетним обучением, разде-

ленным на три двухлетних отделения, которые по-старинному именовались риторическим, философским и богословским. В семинариях преподавали словесность, гражданскую историю, географию, математику, физику, философию, а из богословских дисциплин – Священное Писание, герменевтику, догматическое, нравственное и пастырское богословие, церковную историю с археологией, древние и новые языки.

В 1909 году Сергей оканчивает семинарию по второму разряду и принимает решение поехать в Сибирь, где к тому времени была уже вся семья. Он венчается с прекрасной девушкой Лидией Васильевной и, как сообщают Омские епархиальные ведомости (№ 8 за 1910 год), 28 марта рукополагается во священника. По случаю приезда «последнего» Патрушева в семье, в Петропавловске, я полагаю, было большое торжество, и на память об этом событии были сделаны фотографии, которые и сохранились в семейном архиве. На них Сергей запечатлен с молодой красавицей женой Лидией Васильевной. После бракосочетания

чета Патрушевых направляется к поселку Кабаньевскому Петропавловского уезда Омской епархии.

Успех работы священника на приходе, его благополучие во многом зависят от того, насколько благополучна и отлажена жизнь в том населенном пункте, где ему предстоит работать. Если приход бедный, село недавно отстроено (а так и было в годы столыпинской реформы), то больших доходов батюшке ждать не приходится. К счастью, село Кабанье к приезду наших молодоженов существовало без малого 90 лет.

«В деревне Кабанье проживало 599 душ мужского пола. Земельный надел определялся площадью 18 806 га. Более пяти тысяч неудобной земли. На каждую душу полагалось 15 десятин земли, удобной и неудобной. Впрочем, часть крестьян прибыли в деревню весной 1908 года, уже по столыпинской реформе, и пока в этом списке не оказались.

Ближайшая железнодорожная станция и телеграфная контора «Макушино» – в 80 верстах, а город Петропавловск – в 150.

Однопрестольная церковь в честь святой Троицы построена усердием прихожан на пожертвования. Здание деревянное, с такой же в одной связке колокольней, на каменном фундаменте, покрыто железом, обшито тесом, обнесено каменной оградой с чугунными решетками; в 1907 году внутри и снаружи оштукатурено и покрашено; прочно и утварью достаточно. Особо чтимых икон нет. Капиталов церкви и угодий, приносящих ей доход, не имеется.

В приходе еще несколько поселков. Вновь строится церковная школа в поселке Усердном. Часовня имеется в поселке Ека-

Школа в пос. Кабаньевском.

терининском. Всего же население прихода – 1558 душ мужского пола и 1638 душ женского пола. Прихожане – старожилы. Раскольников и сектантов среди них нет. Среднее число за год: крещений – 200, браков – 28, погребений – 135. Церковноприходского попечительства, церковноприходских школ, народных библиотек и чайных в приходе нет. Казачьих школ в приходе 3, а именно: в поселках Кабаньевском, Екатерининском, Усердном. Обществом поселка Кабаньевского земли для причта отведено 300 десятин. Однако у причта сенокосные угодья плохи, болотисты и вытаптываются крестьянским скотом, а у прихожан – удобны. Пахотная земля может приносить дохода в год до 90 рублей. Домов для причта нет. Псаломщик получает от прихожан квартирных денег 36 рублей в год. Дрова причт заготавливает в своих лесных участках, которые в зиму 1908 года почти все хищнически вырублены жителями с. Кабаньевского. Всего в год жалованья причт получает: священник – 140 рублей, диакон – 75 рублей, псаломщик – 120 рублей.

Сергей Патрушев в день бракосочетания с супругой Лидией Васильевной.

К содержанию и благоустройству храма прихожане относятся «довольно рачительно», от постройки же домов причта отказываются.

Крестные ходы по полям бывают во всех поселках; некоторые из крестьян по окончании их приглашают причт служить молебны в домах. Пасхальное хождение со святыми иконами бывает по приглашению и почти по всем домам.

В поселке две мелочных лавки и одна – с мануфактурным товаром, а в озере Кабаньем водятся караси. Многие из селян при-

возят воду из озера Мохового в 7 верстах от поселка, а зимою все пользуются льдом. За медицинской помощью обращаются к участковому фельдшеру в станицу Пресновскую или город Курган. (Составиль, по поручению 7-го Епархиального Съезда, священник села Новоселья, Тюкалинского уезда, Иоанн Голошубинь. 1914 г.).

В 1913 году то ли по личной просьбе, то ли по велению епархиального начальства отца Сергея переводят в село Еланское Тюкалинского уезда. К тому времени он уже отмечен начальством и награжден за усердие набедренником.

Село Еланка в то время относилось к Тобольской губернии, а позднее – к Новосибирской области, расположено на Большом сибирском тракте, по обе стороны реки Еланки, впадающей в реку Омь. Это было красивое и благоустроенное село и представляло по своему внешнему виду городок в миниатюре, но два огромных пожара, уничтоживших более 400 дворов, сделали Еланку неузнаваемой, и долго в ней были следы бывшего стихийного опустошения и разрушения. В селе была даже почта-телеграф, а ближайшая железнодорожная станция Татарская – в 65 верстах, от которой до Петропавловска семь часов езды. Имелось в селе двухклассное министерское училище, при котором работала библиотека-читальня. В селе ежегодно проводились две трехдневных ярмарки: Троицкая и Матвеевская (с 16 по 19 ноября). Предметы торговли: мануфактура, бакалейные, галантерейные и скобяные товары, жировые продукты, смола, деготь, деревянные изделия и лошади. В приходе имеются один кожевенный и пять кирпичных заводов.

Богоявленская церковь в селе Еланском.

В 1811 году здесь усердием прихожан была построена церковь. Престолов два: главный – в честь Богоявления Господня и другой – в честь святых и Чудотворца Николая. Здание деревянное, с такой же колокольней, на каменном фундаменте, покрыто железом. Церковь возвышалась за рекой на площади. При церкви были колокольня и прямо в церковной ограде – кладбище. Церковь строил один человек, фамилия его неизвестна, построена она была без единого гвоздя. Церковь была очень красивая. Три позолоченных купола, в солнечные дни они переливались разными цветами радуги, и их мелодичный звон был слышен даже в ближайших деревнях: Покровке, Никола-Гавриловке, Красно-Никольске. В церкви была люстра со свечами – их было 30 штук. Зажигали их на венчание и по праздникам. Церковь была единственным местом на селе, куда собирался народ. На праздники сюда на службу сходились жители деревень.

Население прихода по преимуществу православное, старожильское, составляло 3846 душ обоего пола. Поэтому работы причту было немало: число крещений за год 250, венчаний – 25–30, погребений – 100–120. Батюшке полагалось жалованье от казны 300 рублей, дьякону – 150 рублей и псаломщику – 100 рублей. Священник получал еще жалованье за преподавание Закона Божьего в министерском двухклассном училище – 150 рублей в год. Братских доходов за год – до 800 рублей. Отношение прихожан к содержанию храма и постройке причтовых домов небрежное. С большим трудом они оплачивают расходы на отопление и сторожей храма и по найму квартир для причта. Существует общество трезвости, находящееся под руководством местного священника.

В 1934 году церковь закрыли, все церковное имущество увезли на подводах в город Татарск, а в помещении церкви сделали склад для хранения зерна. Но многое из церковного имущества было растащено и разграблено. Некоторые люди из икон построили себе столы, другие пустили иконы на постройку дверей и другие нужды. Впоследствии из церковного материала была построена школа.

Сенокосная и пахотная земля – удобны. Причт пользуется ею сам в небольшом количестве, а остальная лежит без употребления и в аренду никем не берется за избытком у крестьян своей земли. Для священника имеется общественный деревянный дом, с плохой прислугой. Для дьякона и псаломщика домов нет. Помешаются они в частных квартирах, оплачиваемых за счет общества».

Источник: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914. – С. 662–664.

Но в судьбе Сергея Патрушева был еще один перевод: на 18 января 1920 года он назначается священником Покровской церкви села Сыропятское (ИАОО, ф. 164, оп. 1, д. 10, л. 224).

Это село, с таким неблагозвучным названием, было более выгодно расположено в географическом плане, чем предыдущие приходы отца Сергея. Судите сами: до райцентра – Кормиловки – 22 км, до областного и епархиального центра – Омска – всего 37 км. А оттуда – 286 км по железной дороге до Петропавловска, где живет немало родных. Да и сама железная дорога со станции Сыропятской всего в 16 километрах! В Сыропятском приходе было три кирпичных и два гончарных завода, несколько ветряных мельниц, различные лавки, маслодельные заводы (их прихожане называли молоканки), винная и пять мелочных, хлебозаготовительный завод, приемный покой с врачом и фельдшером. Кроме того, в приходе были три училища, бесплатная народная читальня, которой заведовал учитель. Был также школьный хор, управляемый псаломщиком. Книг в читальне было много, и грамотные жители с удовольствием ее посещали.

Но приход был беден очень необходимыми мастеровыми людьми. Мало было портных, сапожников, кузнецов и плотников. В состав Сыропятского прихода, кроме самого села с населением 771 человек мужского пола и 823 женщин, входили расположенные вверх по течению Оми деревни Кормиловка (677 жителей), Борки (541 житель),

Училище в селе Сыропятском.

Щетинино (уличное название – Чупахино) и поселок Александровский (уличное название – Рязановка). Таким образом, в приходе Сыропятском населения мужского пола было 1967 человек, женского – 2073, т. е. всего 4040 душ, зарегистрированных по духовным росписям.

В селе Сыропятском на левом берегу была каменная церковь Покрова Пресвятой Богородицы с деревянным куполом, 1868 года постройки. Церковь прочностью не отличалась, была маловместительна и напоминала скорее часовню, была обнесена деревянной выкрашенной оградой. Рядом с церковью был построен дом для священника. Недалеко от церкви располагалось сельское кладбище, которое существует и по настоящее время.

За церковь в царское время было закреплено 102 десятины усадебной, пахотной и сенокосной земли, которую она отдавала в аренду прихожанам по три рубля за десятину сроком на один год. Жалованье священнику платили 400 рублей в год, псаломщику – 125 рублей. Доход от прихожан составлял около 2000 рублей, пшеницы – до 500 пудов, овса – до 200 пудов.

Дом священника в селе Сыропятском.

Но отец Сергей вел и преподавание Закона Божьего в училище, за что получал еще 60 рублей в год. Других доходов приход не имел. Особой религиозностью сыропятцы не отличались. Молились и поддерживали храм в основном поселенцы.

Благодаря обилию пахотной земли и сенокосных угодий население занималось хлебопашеством и скотоводством, причем и богатые, и бедные. У бедняка земли было от одной до трех десятин, а у зажиточных – до 40–70 десятин. В большом количестве имели рабочий скот и овец, в меньшем – молочный, так как вблизи села мало удобных мест для выпаса.

Гражданская война пришла прямо на улицы Сыропятки. 16 ноября 1919 года произошел бой между красными и белыми войсками. Этот бой перешел в уличный. Погибло много и красных, и белых. Командовал знаменитой 5-й армией М. Н. Тухачевский. Около разъезда Сыропятского, на Оми, около Сыропятского лога красные столкнулись с упорным сопротивлением белых. Завязался бой, который получил название Сыропятского. Белые с позиций были выбиты, и красные вышли к железной

дороге, отрезав эшелоны белых, отступавших из Омска.

Постепенно жизнь входила в мирную колею, советская власть утверждалась, и чем больше укреплялась богоборческая власть, тем труднее становилась жизнь священнослужителя. Батюшку выселили из просторного дома, некогда построенного государством специально для священника. Здание было отдано под школу, хотя в селении имелось школьное здание. Кроме того, власть решила задавить батюшку непомерными налогами. Передо мной – документы из Омского исторического архива. В них – трагедия семьи, имевшей несчастье попасть под большевистский пресс власти, мечтавшей покончить с религией. Если до революции священники как духовные воспитатели и окормители народа получали жалованье от государства за свою работу, то после революции положение изменилось и жили батюшки только от доходов, получаемых от треб. Но и тут государству казалось, что слишком много денег у священников, и оно обладало их налогами. В 1925 году священника Сергея Патрушева поставили в такие условия, что он был вынужден обратиться к власти, с тем чтобы ему пересмотрели взимаемые налоги. Привожу полностью его обращение, потому что в нем содержится информация об образе жизни сельского священника прошлого века:

«В канцелярию фининспектора
Кормиловского района
Омской области

Представляя при сем декларацию, заполненную получением дохода от службы священником в Сыропятской церкви с 1 апреля по 10 ноября 1925 года, считаю необхо-

димым дать подробный отчет о получении этих доходов.

По записи братских доходов за означенное время получено двести восемьдесят шесть рублей 15 копеек. Этот доход получился:

от 96 крестин, за которые получены пятьдесят семь рублей 60 копеек. За крещение плата – по 75 копеек. Но не все такую цену уплачивают, считая средним числом по 60 копеек, сумма будет 57 руб. 60 копеек. Браков за означенное время не было. Похороны младенцев 41 по 70 копеек, 28 руб. 70 коп. Похороны взрослых без проводов до могилы 7 по 1 рубл. = 7 рублей и с проводами 11 – по 4 руб. = 44 руб. Всего 137 руб. 30 коп.

Получены доходы за Пасху с молебнами по домам верующих: в Сыропятском 28 рублей, в деревне Кормиловка 22 рубля 37 коп., по деревне Александровка 10 рублей, в деревне Дубровской служения не было. Всего получено 60 руб. 37 коп.

Доход, полученный от служения по полям, выражается:

в Сыропятском пр./б. 20 руб., в Александровке 5 руб., в Кормиловке 23 руб. 44 коп., в дер. Дубровской служения не было. Всего за молебны по полям 63 рубля 44 коп. Всего дохода 137,30 + 60,37 + 63,44 = 261 руб. 11 коп. Недостающие до суммы 286 руб. 15 копеек относятся за поминовение умерших.

Этот доход – общий с псаломщиком, который получает 1/3. Следовательно, на мою долю падает доход 190 рублей 76 коп.

Кроме этого дохода мною произведен сбор по приходу в сентябре месяце, который выражается в следующем:

с. Сыропятского сбор еще не проводил, собрано пшеницы 6 пудов, ржи 190 пудов и капусты 70 кочанов;

п/п Дубровино – 5 пудов пшеницы, 5 пудов ржи и 20 кочанов капусты;

Кормиловка – 7 пудов пшеницы, 8 пудов ржи и 20 кочанов капусты;

деревня Александровка – 3 пуда пшеницы, 5 пудов ржи, таким образом, хлеба собрано: пшеницы – 21 пуд, ржи – 26 пудов по 40 копеек – на 10 руб. 40 коп., и капусты 110 кочанов – 5 рублей. Итого 36 рублей 40 копеек, каковая прибавка к доходу 198 руб. Итого указанная декларация на сумму 227 рублей 16 копеек.

Прогрессивный подоходный налог, который требовала власть от батюшки, был столь велик, что за него решили заступиться прихожане. Вот какую бумагу в защиту своего священника они составили и подали в органы власти:

«Приходский совет Покровской Сыропятской церкви Кормиловской волости настоящим удостоверяет, что служащий при нашей церкви священник Сергей Патрушев за совершаемые им религиозные требы прихожанам получает плату, не превышающую:

за крещение 50–75 копеек, даже меньше, за провода покойников – 3 руб., за браки – 6 руб.

Настоящее удостоверение выдается Патрушеву на предмет присоединения к жалобе в окружную налоговую комиссию на кормиловскую налоговую комиссию, которая совершенно голословно утверждает, а фактами не подтверждает, что доходы священника баснословные. Нам как членам приходского совета больше других извест-

В Канцелярии Финансового Кормиловского района
Олежской губернии.

Представил при сем декларацию, за подписью
полученных доходов от службы священника Сергея
Сыропятской церкви с 1 апреля по 30 октября 1905 года,
считаю необходимым дать подробный отчет о полу-
чении этих доходов.

На записи братских доходов за означенное
время получено в общей сумме 261 руб. 11
коп.

Этот доход получился: от 96 крестин за кайору
получены пятьдесят семь (57) руб. 60 коп. (за кресты еще
плата по 75 к. но не все такую цену уплачивают, средний
средства числом по 60 к. за крест. сумма будет 57 руб. 60 к.).
Браков за означенное время не было. Похороны
младенцев 41 по 70 коп. = 28 руб. 70 к. Похороны взрослых
без проводов до могилы 7 по 1 руб. = 7 руб. и с проводами –
11 по 4 руб. = 44 руб. Итого 137 руб. 30 коп.

Получены доходы за Пасху с молебнами по домам
верующих: по с. Сыропятскому 28 руб. на 1 руб. 37 коп.
не было; по деревне Кормиловке 22 руб. 37 коп. по д.
Александровке 10 руб. в д. Дубровской служения не было
сего получено 60 руб. 37 коп.

Доход, полученный от служения по полям, по подсчету батюшки
выражается: по с. Сыропятскому пр./б. 20 руб. 44 коп. в дер.
Александровке 5 руб. в Кормиловке 23 руб. 44 коп. в дер. Дуб-
ровской служения не было. Всего за молебны по полям
получено 63 руб. 44 коп. Всего дохода 137,30 + 60,37 + 63,44 =
261 руб. 11 коп. Недостающие до суммы 286 руб. 15
копеек относятся за поминовение умерших.

Этот доход 261 руб. 15 к. за поминальные с 1-го по 1-му, общин
псаломщиком, который получает 1/3, следовательно, на
мою долю падает доход 190 руб. 76 коп. Кроме этого
дохода мною произведен сбор по приходу в сентябре
месяце, который выражается в следующем: по приходу
с. Сыропятского пр./б. еще не проводил, по приходу
с. пшеница 6 пуд. ржи 190 пуд. и капуста 70 кочанов. по
ср. Дубровской 5 пуд. пш. и 5 пуд. ржи, и 20 коч. кап.
в Кормиловке 7 пуд. пш. и 8 пуд. ржи и 20 коч. кап. по

Декларация С. Патрушева в налоговую.

ны доходы прихода, коих получается до 600 рублей в год.

Председатель приходского совета
Дорофей Павлов,
член совета Владимир Горшков,
8 ноября 1925 года».

Ну и как, по-вашему, отреагировала власть на это? А взяла да составила свою, ложную, ведомость доходов батюшки! Вот расчетная ведомость, которую составил фининспектор, и цифры здесь явно взяты с потолка.

Расчетная ведомость:

«По установлению доходности гр. Патрушева:

Всего обслуживает 600 дворов. Получил за II полугодие 24/25 года следующее вознаграждение:

От крестин – 100 × 75 коп. = 75 руб.

От свадеб 10 × 5 руб. = 50 руб.

От похорон: 60 × 2 руб. 50 коп. = 150 руб.

От молебнов по дворам: 500 дворов по 3 раза × 15 коп. = 225 руб.

Натуральный сбор = 200 руб.

Разные сельские сборы за молебны и т. п. = 75 руб.

Всего 825 руб.,

из которых выделено 1/3 псаломщику.

Следовательно, Патрушевым получено дохода 550 рублей, и он подлежит прогрессивному налогу по 2-му разряду».

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как бессовестно был составлен фининспектором этот документ. Сколько лжи применил этот инспектор, чтобы пустить по миру священника. Судите сами: отец Сергей пишет, что за отчетный период в приходе не было бракосочетаний.

А инспектор говорит: было десять венчаний! И за похороны, за крещения якобы батюшка брал совсем другие деньги, гораздо большие, чем указал в декларации. Но апофеозом бессовестности инспектора стало утверждение, что якобы по праздникам батюшка проводил 500 молебнов по дворам! Спрашивается: чисто физически мог священник за день-два праздников обслужить 500 дворов чисто физически? Что значит прийти, пусть и с кратким молебном, в дом? Это и освятить, и молитву прочесть, и акафист пропеть, а может, освятить и двор, и скотину, и землю, прилегающую к дому. На это как минимум должно уйти минут 20–30. Ведь иной хозяин еще и чашкой чая угостит или стопочку поднесет за здоровье. И не принять подношения – обидеть. Если даже предположить, что батюшка в праздничный день работал все восемь часов, то больше 16 дворов он никак не мог обойти. А ему 500 приписывают! А он это якобы проделывал по три раза в год!

В общем, неправда и издевательство. Откуда же брать огромные деньги сельскому священнику на оплату налогов в государстве, которое только и делает, что призывает народ не иметь дела с церковниками, выбросить иконы, перестать в храм приходить? А батюшка ведь – тоже человек, и у него семья, которую надо содержать: супруга Лидия Васильевна, мать Екатерина Васильевна, безродная бабка Ампихина Агафья Терентьевна, которой было на тот момент целых сто лет и которую батюшка по доброте душевной пригрозил у себя в доме, и маленький сын Борис, которому на тот момент исполнилось всего десять месяцев. Теперь у него всего две комнаты площадью

7 квадратных сажен, или 32 метра на пятиреш. Небогато!

Еще в хозяйстве батюшки были лошады (куда же без нее в приходе из четырех деревень?), одна корова, одни сани и один летний ходок без короба. Советская власть сделала все, чтобы священнослужители разорялись чтобы трудиться на духовном поприще становилось невыгодно, и превращала их чуть ли не в нищих.

Тем не менее апофеозом издевательства стало раскулачивание отца Сергея в 1929 году. А как же, живет на нетрудовые доходы! Ведь работа священника, по мнению новой власти, – не труд. В том же году Патрушева Сергея Григорьевича лишают и гражданских прав. Вот выписка из архивной справки Государственного исторического архива по Омской области:

«В именном списке лиц, лишенных избирательных прав, по Сыропятскому сельскому совету Омского горсовета значатся: Патрушев Сергей, муж., служитель религиозного культа, ст. 15, пункт «М» Конституции РСФСР; Патрушева Лидия, жен., находится на иждивении Патрушева Сергея».

Посмотрела я Конституцию РСФСР 1925 года, на которую ссылаются большевистские опричники, лишая отца Сергия гражданских прав. Эти полуграмотные служаки даже статью не могли правильно написать, решая судьбу человека! Статья 15, на которую ссылаются они, говорит следующее: «Вся земля, леса, недра, воды, а равно фабрики и заводы, железнодорожный, водный и воздушный транспорт и средства связи составляют собственность Рабоче-Крестьянского государства на основах, определяемых особыми законами Сою-

за Советских Социалистических Республик и верховными органами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики».

То есть никакого отношения к репрессиям эта статья не имеет. А вот какую статью должны они были указать:

«Глава 6. О выборах в Советы:

А. Об активном и пассивном избирательном праве:

Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;

г) монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие является профессией».

Вот так, сама Конституция ставила служителей веры вне закона. Но в Конституции нет ни слова о том, что избирательных прав надо лишать и жен священников.

Вот так супруги Патрушевы стали негражданами. Как потом сложилась судьба Сергея Григорьевича и его семьи? После очень долгих поисков удалось выяснить, что он подлежал выселению вместе с женой (ГАОО, ф. 497, оп. 5, л. 26).

Что с ними стало потом, куда их сослали, где они окончили свои дни, неизвестно. Восемь областей, куда их могли сослать, на мои запросы ответили отрицательно. Мол, не было семейства Патрушевых. Но откуда мне знать, насколько честны были эти ответы? Ведь те же томичи мне однажды вра-

ли, что нет у них сведений о сосланном в их края деде Шамраеве. Но стоило мне нажать генералу, как справка удивительным образом нашлась!

Вот так жили, так канули в Лету три моих двоюродных дела...

Не могу смириться с трагической судьбой своих предков. Целое поколение

огромного рода Патрушевых – шестеро детей Григория Максимовича претерпели гонения, изгнания, ссылки, преследования, приняли мученический конец. Чем провинились они перед страной, что она так жестоко обошлась с ними?

Не могу этого ни понять, ни простить тебе, недобрая моя родина.

В ССЫЛКУ У ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ

Оля Патрушева, 10 лет.

Соколя горка в Приводино.

ОЛЬГА родилась в 1888 году, как и все дети Григория Максимовича, в селе Приводино. Крестили девочку в местной церкви, причем крестной матерью была старшая сестра новорожденной, Мария. После окончания церковноприходской школы девочка поехала учиться в Великий Устюг, в епархиальное училище, которое готовило учителей начальных классов. Вот какие предметы изучала Ольга: 1) Закон Божий, который включал объяснение молитв, заповедей и символа веры; священную историю Ветхого и Нового заветов; учение о богослужении православной церкви; пространственный христианский катехизис; 2) русский и церковнославянский языки; 3) арифметику и геометрию; 4) гражданскую историю (всеобщую и русскую); 5) географию; 6) физику; 7) педагогику; 8) церковное пение; 9) чистописание. Кроме того, воспитанницы обучались рукоделиям и домашнему хозяйству. Для ознакомления с приемами преподавания была предусмотрена

практика в Красногорской образцовой церковноприходской школе, расположенной рядом с монастырем.

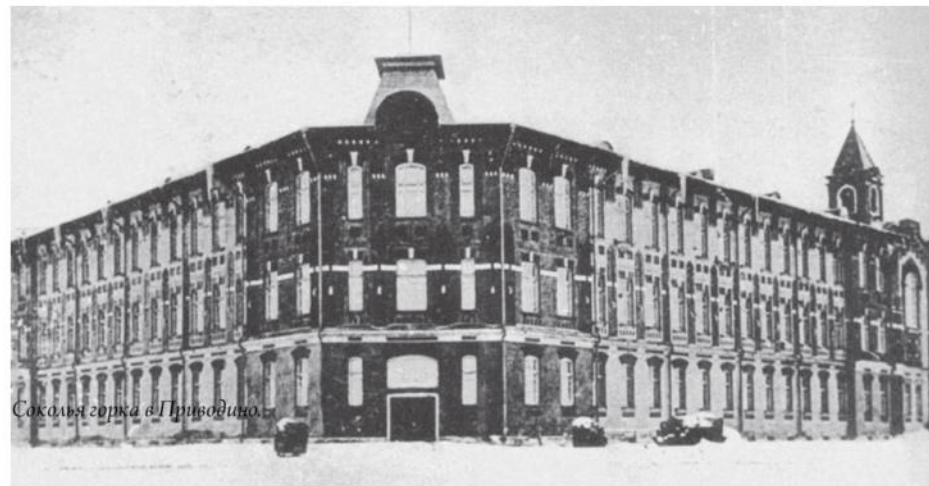
Училась она хорошо и в 1904 году была, по окончании последнего класса, даже награждена книгой «Житие Преподобного Серафима», о чем можно прочесть в «Вологодских епархиальных ведомостях».

По окончании училища Ольга осталась в нем работать надзирательницей. Когда в 1899 году семья переехала в Омскую епархию, а если быть точнее, в Петропавловскую область, вместе со всеми покинула Великий Устюг и Ольга. В Петропавловске она работала учительницей начальных классов в женской гимназии № 1.

Личная жизнь у Ольги не сложилась. Она так и не вышла замуж и до старости оставалась, выражаясь старинным языком, «в девицах». Как мы в семье думаем, тут виной и

Ольга Григорьевна с сестрой Анной в Петропавловске.

Соколя горка в Приводино.

Училище, в котором училась и работала Ольга Патрушева в Великом Устюге.

Ольга Григорьевна. Колпашево. 1946 год.

Первая мировая война, и революция, которая уложила потенциальных женихов в землю. А может, и несчастная любовь, потому что в конце пятидесятых годов, когда Ольга Григорьевна была уже на пенсии, произошла с ней вот такая история. Жила она в ту пору в городе Колпашево Томской области, в семье своей племянницы Таисии, которая одна растила дочку Наталью. Семья в числе прочих газет выписывала «Пионерскую правду». Однажды пришла эта газета с портретом какого-то увешанного орденами генерала. Бабушка Ольга, увидев этот портрет, уединилась и долго над ним рыдала. Потом писала кому-то письма... Возможно, это был некогда отвергнутый ею поклонник, а может, и жених. Ведь в молодости Ольга была очень хороша собою. И почему осталась в девицах, один Бог ведает.

В тридцатом году, когда семью ее сестры Александры выслали из Новоцарицыно на Васюганские болота, она забрала оставшуюся одну мать и перевезла к себе, в Петро-

Улица в г. Колпашево. Начало 1950-х годов.

павловск. Екатерина Васильевна, матушка, жила долго и ушла из жизни в 1940 году. И тогда, похоронив ее, Ольга Григорьевна поехала к родным, в Нарым. Там в ту пору и жила ее сестра Александра с детьми.

Так вот и получается, что единственная из семерых детей семьи Патрушевых, не подвергнувшаяся репрессиям, отправила себя в ссылку добровольно. Сначала Ольга Григорьевна жила в Васюгане, в Усть-Чижапке, потом с семьей переехала в городок Колпашево, а уж оттуда – в Новосибирск. Дни свои она окончила в 1968 году, в новосибирском доме престарелых, где прожила около двух лет. Отправилась она туда по доброй воле, так как ее племянница Таисия, с которой она жила много лет, была на инвалидности, страдала очень тяжелым полиартритом, с огромным трудом передвигалась по комнате и не могла ей помочь. А она не привыкла ни от кого зависеть, всегда полагаясь на себя...

МОЯ НЕЗНАКОМАЯ БАБУШКА

АЛЕКСАНДРА, седьмой ребенок в семье Патрушевых, родилась в 1890 году в Приводино. Младший ребенок, «последыш», как говорят в народе, обычно самый любимый. Весело было Сашеньке жить в красивом селе, под присмотром старших сестренек – Ольги и Анюты. Приводино – красивейшее село, расположенное на высоком берегу Северной Двины, на холмах, и оттого очень живописно смотрится.

Окончив церковноприходскую школу, она, как и все дети многочисленного семейства, отправилась на дальнейшую учебу в Великий Устюг, где и продолжила образование в женском епархиальном училище. Жизнь в этом великом городе, в котором было свыше сорока изумительных по красоте и древности храмов, где сама среда сказывалась на духовном состоянии человека, конечно же, оказывала и огромное влияние на духовное формирование младшего поколения семейства Патрушевых, все из которых провели отроческие и юношеские годы в Устюге. Прошли годы, успешно окончено епархиальное училище. Об этом факте мы даже можем прочесть в епархиальной газете. Вот выписка, строчка из «Епархиальных ведомостей», в которой значится моя бабушка:

«1908 год. Выпуск. Патрушева Александра».

Момент окончания учебы младшей дочери с нетерпением ждало все семейство.

Александра Григорьевна с Лидией Васильевной, супругой Сергея.

Оно жаждало воссоединения с уехавшими в Сибирь сыновьями, и только образование Александры сдерживало отъезд. Как только учеба Сашеньки была завершена, семейство Патрушевых навсегда покинуло родные края, в которых род священников Патрушевых служил как минимум с 1661 года. И, как знать, может, этот отрыв от корней родной земли и послужил тому трагическому разво-

Александра Патрушева.

роту событий, который ожидал семейство уже через какие-нибудь двадцать лет?

Перед отъездом все четыре сестры сфотографировались на память. Как оказалось, они прощались со старшей сестрой Марией навсегда! Разглядывая этот исторический для семейства Патрушевых снимок, я вдруг поняла, что мы очень похожи с моей бабушкой, юной Александрой. Вот сравните эти снимки, где Александре семнадцать лет, а мне – девятнадцать. Похожи! То же строение лица, подбородок, губы, окат плеч, даже наклон головы...

Да уж, поистине неисповедимы пути Господни! Вот так моя незнакомая бабушка словно протянула мне руку сквозь десятилетия, и это прикосновение стало таким те-

плым, таким родным!

Сейчас трудно сказать, чем занимались первое время взрослые дочери в новых краях. Работали? Неизвестно. Но, так или иначе, в Петропавловске они встретили свою любовь и удачно вышли замуж. Вот и Александра повстречала здесь своего будущего мужа – военфельдшера Сергея Степановича Шамраева. В 1914 году молодые повенчались и уехали по месту назначения супруга, в село Новошарицыно, где мужа назначают зав. амбулаторией, и он становится ответственным за здоровье селян в шести деревнях. А Александра окончила курсы акушерок и стала принимать роды.

Так что можно сказать, что молодая семья Шамраевых очень скоро стала играть очень важную роль в жизни сельчан. Брак супругов был счастливым. Они нежно любили друг друга, и их дети родились в ореоле этой большой любви. Детей было пятеро: Александра, Таисия, Еликанида, Надежда и сын Виктор. Когда началась Первая мировая война, Сергея Степановича Шамраева не взяли на фронт. Может быть, потому что он уже отслужил в армии, а может, потому что диагноз туберкулеза сыграл свою роль...

Александра в 17 лет в 1907 году.

Внучка Татьяна в 19 лет в 1961 г.

Панорама Приводино.

Деловая репутация супруга была очень высокой, и он пользовался высочайшим авторитетом среди селян и среди медицинских работников района и даже области. Возможно, именно его авторитет и стал предметом зависти недоброжелателей. Результатом стало то, что он попал под раскулачивание и был направлен вместе с семьей в ссылку.

Бабушка наша, Александра Григорьевна, не была образцового здоровья, а страдала сердечными болями и, очевидно, гипертонией – болезнью, которой тогда еще не знали и от которой не было лекарства. По воспоминаниям мамы, у нее были сильнейшие мигрени, справиться с которыми мог только любящий муж: занавешивались окна, гасился свет, клались горячие компрессы на голову и ноги.

В 1930 году семью выслали в Нарым, в ссылку. И было бы им суждено погибнуть в первую же зиму, как большинству тех, кто сплавлялся с ними по Оби на той проклятой барже. Да спасла мужнина профессия: заболела жена коменданта одного из поселков, и их по пути следования ссадили на бе-

рег, лечить эту даму, дали утлый домишко и определили на должность лекаря.

Работа на несколько удаленных друг от друга деревень в условиях болот и суровых зим подтачивала здоровье супругов. Но судьбе было угодно послать им еще одно испытание – по доносу клеветников леда судят, якобы за халатность в период эпидемии, и отправляют в тюрьму. Больное бабушкино сердце не выдержало еще и этого удара – в феврале 1942 года ее не стало. Александре Григорьевне Шамраевой на момент смерти исполнился всего 51 год! Реабилитации за несправедливую ссылку она так и не дождалась. Похоронили ее, как впоследствии и деда, в селе Ново-Югино Каргасокского района Томской области...

Милая моя бабушка! Как больно мне за твою исковерканную судьбу! Знай, дорогая, мы, твои потомки, помним и чтим тебя!

На поклонном кресте в Ново-Югино надпись: Невинно загубленным жертвам сталинских репрессий вечная память.

ИСТОРИЯ БЕЗ ОТВЕТОВ

Вот такая история рода Патрушевых. Прямо скажем, грустная история.

И самое печальное в ней то, что, несмотря на мои усердные многолетние поиски, несмотря на то что мне удалось раскрутить цепочку патрушевской линии аж до XVII века, прошлый, XX, век продолжает хранить свои зловещие тайны. На множество вопросов я нашла ответы, но еще очень многое остается без ответа:

1. До сего дня неизвестно, что же стало с семьей расстрелянного в 1924 году отца Александра Патрушева? Какова судьба матушки Анны Васильевны, детей: Нины, Елены, Антонина, Георгия, Василия и Александра? Администрация, епархия, краеведы, музейщики на мои запросы даже не отвечают! И это равнодушие и безразличие читинцев особенно ранит и берedit душу.

2. Нет никаких данных о судьбе отца Феодосия и его супруги Александры Парменовны, детей: Алексея, Валентины, Евгения, Анатолия, Любви. Куда стинуло это многочисленное семейство после раскулачивания и высылки? Не осталось никаких следов и никакой памяти о батюшке, служившем здесь немало лет! В 1936 году из Исилюкля пришла в Нарым к родным весточка от отца Феодосия, что жив. Почему он там оказался? Как долго там пробыл? На мой запрос Исилюкский архив ответил, что Феодосий Патрушев в архивных

документах и в похозяйственных книгах не значится... Еще одна оборванная ниточка.

3. Ничем не отличается и судьба младшего брата – отца Сергея Патрушева: он словно канул в Лету вместе с супругой Лидией Васильевной после того, как их выслали из села Сыропятского Омской области...

Никаких следов, никаких концов! Словно и не было этих людей, словно и не жили они на этом свете, не рожали детей, не делали добро, не творили молитву! Словно в горниле адовой печи плавилась судьба моих предков, имевших несчастье быть священнослужителями в эпоху большевизма.

Я все задаю себе вопрос: а почему идеология большевиков так отторгала христианство? Чему, каким процессам развития страны могли вредить, по мнению коммунистов, батюшки? Чем тысячелетние Заповеди христианства мешали новому строю? Я не нахожу внятных ответов.

Убили, разорили, распылили, уничтожили моих предков без всякого преступления с их стороны. Их горе, их безвинно пролитая кровь не дает мне покоя. И я не желаю добра тем, кто запускал адовую машину репрессий, и тем, кто до сей поры находит оправдания таким деяниям.

ПАТРУШЕВЫ БЛИЖНИЕ И ДАЛЬНИЕ

Заканчивая свое исследование о роде моих предков Патрушевых, не могу не сказать хотя бы несколько слов о том, что родословное древо Патрушевых отличается не только своей древностью, но и масштабностью, огромностью. И можно с большой степенью вероятности говорить о том, что практически все Патрушевы, рожденные в Архангельской и Вологодской областях, являются между собой ближними или дальними родственниками.

Подавляющее большинство из них относится к духовенству. И известный в этих краях священник, **Патрушев Николай Иванович**, служивший в Успенском соборе г. Тотьмы и расстрелянный в 1938 году как активный участник «контрреволюционной группировки церковников», впоследствии реабилитированный и признанный Церковью новомучеником, приходится нам довольно близким родственником.

Так, наш прямой предок **Герасим Алексеевич Патрушев**, приходящийся мне прапрапрадедом, служивший пономарем в храме в Верхней Уфтьге, приходится делом этому известному иерею, ставшему новомучеником, пострадавшим за Христову веру! Скорбя о его судьбе, не могу не упомянуть и о том, что мой двоюродный дед **Александр Патрушев**, расстрелянный в 1924 году, так до сих пор не вошел в число исповедников и новомучеников: о нем просто не знали в Забайкальской митрополии

и до сего дня не принимают во внимание присланную мною информацию, ссылаясь на занятость, Бог им судья!

Теперь вновь о ветвях рода Патрушевых. Стоит только задать поисковику в Яндексе «Патрушев, Русский Север, священник», как он начинает выдавать тебе огромное количество Патрушевых, каждый из которых нам сродник! Ну, судите сами:

«Патрушев Александр Алексеевич. Происхождение: сын псаломщика Вознесенской церкви Сольвычегодского уезда. Образование: Устюжское ДУ, послушник Сольвычегодского Введенского монастыря... 1884 – псаломщик Сольвычегодской Крестовоздвиженской церкви. 1891 – уволен за штат согласно желанию и причислен в число братства Устюжского Михайло-Архангельского монастыря.

Патрушев Василий Стефанович. Сын пономаря Белослудской Богородицкой церкви Сольвычегодского уезда. 1834 – определен пономарем Деревянской церкви Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Умер в 1837–1839.

Патрушев Георгий
Пономарь Сольвычегодской градской Воскресенской церкви Вологодской епархии. 1869 – рукоположен в викарного ди-

акона. 28.08.1872 – переведен к Троицкой Верхнеуфтюжской церкви Сольвычегодского уезда на диаконское место. 1904 – награжден орденом св. Анны 3-й ст. по случаю 50-летия служения в священном сане.

Патрушев Герасим Алексеевич

Сын Алексея Патрушева, причетника Белослудской Богородицкой церкви Сольвычегодского уезда.

Патрушев Максим

Дьячок Верхне-Уфтюжской Троицкой церкви Сольвычегодского уезда Вологодской епархии. Посвящен в пономаря к Верхне-Уфтюжской Троицкой церкви Сольвычегодского уезда. 4 ноября 1868 г. переведен к Сольвычегодской градской Богородице-Рождественской церкви пономарем. Уволен за штат до 1870 г.

Патрушев Иван Герасимович

Сын пономаря Верхне-Уфтюжской церкви Сольвычегодского уезда Герасима Алексеевича Патрушева

Возраст: на 1870 г. – 33 г.

И эти Патрушевы жили в тех самых поселениях, где селились и мои прямые родственники, и служили в тех же храмах. Могли ли эти люди быть просто однофамильцами? Конечно, нет! Так что, как ни крути, эти люди – далекая ли, близкая ли, но родня!

И это так, что называется, на вскидку! А еще были Патрушевы-Фиолетовы, Патрушевы-Соколовы, Патрушевы-Кубенские. И все они были служителями веры, лицами духовного звания! И все служили на Рус-

ском Севере, в тех самых местах! И всех так или иначе объединяет с нашими Патрушевыми кровное родство!

Вот почему, когда я узнала, что бывший глава ФСБ, а теперь секретарь Совбеза Николай Платонович Патрушев решил поставить храм на родине своих предков, в деревне Подомо Вилегодского района Архангельской области, я решила про себя, что и этот Патрушев вполне может быть нашим родственником. И потому, что фамилия та же самая, и потому, что происходит родом из наших мест, и потому, что ставит не дом культуры, не административное здание, а храм.

Мне, человеку, отдавшему пять лет поиску своих родовых корней, очень понятно и симпатично желание человека увековечить память о своих близких именно таким образом. И я уверена, что уцелеет кто-то из моих предков по патрушевской линии, доживи до наших дней, он бы тоже именно таким образом увековечил память о родных – храмом! Генную память, память крови никто не отменял. И факт возведения храма в честь Платона Исповедника Студийского на родине отца Платона Игнатъевича и деда Игнатия почему-то заставляет меня подумать о том, что и этот Патрушев корнями уходит в наше общее родовое прошлое, в котором наши предки были лицами духовного сословия, и вполне возможно, что родственники и деда, и прадеда нашего современника Николая Платоновича относились к духовенству. Подумать так меня заставляет еще и тот факт, что мои двоюродные деды: Александр и Феодосий – молодые выпускники Вологодской семинарии – получали свое первое назначение дьяконами в Ви-

легодске (что находится в каких-то 25 километрах от Подомо), именно потому, что там в храме служили их родные, двоюродные и троюродные дядьки наших выпускников, тоже Патрушевы, которые опекали начинающих священнослужителей. Может, именно они и были близкими родственниками Николаю Платоновичу?

И если это мое предположение верно, то мы, Патрушевы, можем гордиться не только тем, что наши предки столетиями служили отечеству, обучая грамоте, нравственности и вере сограждан, но и тем, что имеют в своем роду видного государственного деятеля.

***

Все просим у тебя,
нам вечно мало
твоих даров и сладких, и лихих.
Врагам ты позвоночники ломала,
но и сынов не бережешь своих.
В твоих очах, загадочных и ясных,
бездонная, как небо, синева.
В степях твоих, ленивых и опасных,
нас вечно караулит трын-трава.
Промчится коник юный и горячий,
и гасит пуля огонек свечи,
и втопан воск, и сотня дальше скачет...
Куда? Бог весть.
Ведь главное – скачи!
Скачи вперед до гробовой истомы,
за нею новый бой и шенкеля.
Полынные российские просторы,
безжалостная, нежная земля.

Юрий Ключников

Я ЗАВЕЩАЮ ВАМ

Воспоминания

Веры Сергеевны Белимовой

М ОЯ РОДИНА – СЕЛО НОВОЦАРИЦЫНО

*Говори мне, мама, говори,
Жизнь свою рассказывай подробней,
Не спеши, я сяду поудобней...*

СКОЛЬКО навевает воспоминаний только одно это слово – Новоцарицыно! Это было большое богатое степное село. Кругом безбрежная степь. Иногда встречаются небольшие березовые колки, и снова степь. Ровная, цветущая разнотравьем, желтеющая спелыми хлебами. Их целое море. Село наше – 280 дворов. По теперешним понятиям – одна девятиэтажка, но в селе шесть улиц. Улицы, как и усадьбы, нарезаны правильно, каждая усадьба равной площади, у домов большие скамейки, у дворов трава-мурава, а посередине дороги изредка – колодцы. Улицы длиннющие и настолько широкие, что можно танцевать! На площади в праздничные дни ставили качели, гигантские шаги, вкапывали столбы.

Вечерами девушки водили хороводы и пели. Особенно отличались полтавские девчата. Они так замечательно пели хором. Как придут эти девки да как заведут свои песни – заслушаешься! Особенно много пели на украинском языке или, как говорили у нас, на хохляцком.

Думаю, что наше село создавалось по стольпинской реформе, потому что народ в

селе был сборный, в основном переселенцы из разных мест. Что подтверждается названием улиц: Полтавская, Харьковская, Донская. Были еще Прицепиловка и Нахаловка. И совсем экзотическое название – Забайкайль! Большая главная улица называлась Центральной. На ней главные здания – кооперация, клуб, больничка. Центральная уходила за село в степь. На ее углу был наш дом. Он как раз был на площади, а напротив, через площадь, была школа из двух зданий. За школой была церковь, саманная, довольно большая, с колокольней и полной октавой колоколов. В праздники умельцы такую музыку на них выделывали! В большой колокол звонили к обедне. Он же был набатом в случае тревоги. А зимой, в метели, в него звонили для путников. Вокруг села располагались киргизские аулы. За селом, на расстоянии 40 километров, была ж/д станция Москаленская, а район наш назывался Борисовский и относился к Омской области.

Строения почти все были саманные, потому что местность была безлесная, только околыши березовые. Реки не было, только большое озеро овальной формы. Одна

Новоцарицино. Начало XX-го века.

часть озера была Центральная, а другую часть назвали почему-то Забайкальем. За деревней было огромное соленое озеро, оно называлось Эбельты, по-казахски, ведь рядом – Казахстан. На закате, когда солнце садилось, полоса этого озера ярко синела. Мы любовались этим видом. Очень красивое село было! Очень богатое.

Было в селе две паровые мельницы: одна – электрическая, вторая – механическая. И за селом еще две ветряные мельницы, две паровые машины.

С нашей улицы к озеру уходили огороды с крутыми спусками с каждого. Между некоторыми усадьбами были широкие проулки, которые шли между огородами и выходили к озеру, дальше дорога шла по берегу озера. Тут гоняли скот на водопой, ездили с бочками за водой для полива и за питьевой водой. Если у нашего проулка пойти к озеру и по берегу свернуть налево, крутой берег постепенно опускается и становится почти пологим, и тут был колодец с чудо-водой. Такой воды в округе больше не было!

У нас в степи много солонцов, и, хотя сверху чернозем, питьевой воды было мало. И часто она оказывалась негодной, соленой.

Ею поили скотину, использовали в хозяйстве. А у озера вода была верховодка, доставали ее журавлем. И уж до чего она была мягкой и вкусной, что лучше трудно найти! Проезжие люди специально набирали ее с собой в дорогу. Если пойдешь по берегу дальше от колодца, придешь на мельницу. Хозяин ее, Иван Захарович Чернышев, был культурный человек, имел техническое образование. Мельница была вальцовая, паровая. Вырабатывала электричество, которым была освещена сама, а позже освещала и новый дом Чернышева. Станный это был человек. Мельница ему приносила большие барыши, потому что другой такой в округе не было – вокруг стояли в основном ветряки, где был простой помол хлеба. А чернышевская отбивала муку по сортам, делала крупчатку и манную крупу. И всегда там была очередь на помол. Приезжали крестьяне даже издалека. И если не было родни в нашем селе, то они дожидались своей очереди по два-три дня, ночуя под возами или на мешках. При такой загрузке, конечно, мельница давала немалый доход. Но ее хозяин жил удивительно скромно. В начале на Забайкалье у них была крытая со-

Озеро Эйбельты.

ломой саманная хата, позже рядом с мельницей на берегу он отстроил деревянный крестовый дом под железом, но так почему-то и не достроил его до конца: полы не крашены, мебели мало. Всегда в доме разбросано, кровати не заправлялись, в кухне, при большом количестве всякой утвари, царил невообразимый хаос и было довольно грязно. Жена Ивана Захаровича, тетя Катя, была городская дама. Красивая, довольно дородная, на белой пухлой шее – янтарное ожерелье или красные кораллы. Черные густые волосы заворачивались на затылке в огромный узел. Одела всегда модно, по-городскому. Носила туфли на каблук – как тогда говорили, на французском каблук. У них было трое детей. В 1931 году семью раскулачили и куда-то сослали, но сам Иван Захарович в ссылку почему-то не попал...

Если идти вправо по берегу, то он тоже понижался до совсем ровного. И вот в этом ровном и довольно широком конце озера на берегу ставили паровую машину. Как только начинал поспевать хлеб, эта машина работала чуть ли не сутками. Во всяком случае, обмолот хлеба шел до темноты, с фонарями. У многих крестьян кончался к этому времени

Хлебные нивы у села.

запас хлеба. А некоторые из-за любви к свежему калачу не могли дождаться, когда будет обмолочен весь урожай, и везли, как говорили, «на подвоз». Привезут несколько снопов, обмолят – и на мельницу, и вот новый каравай на столе! Это самый вкусный хлеб, а калачи из свежей муки румяные, пахучие, вкусные! И бегают ребяты с ними по улице, уплетают за обе щеки. Я до сих пор помню вкус того свежего хлеба. Первая выпечка из свежей муки в крестьянстве – праздник. Да ведь и вправду ведь только один раз в году свежий хлеб бывает.

«На подвоз» хлеба молотили немного, основной хлеб привозили домой, ставили на свои дворы молотилки – паровые машины. Много зерна по берегу было рассыпано, и его машинисты время от времени отметали подальше, и потому сюда тянулись водоплавающие птицы: сотни гусей и уток. Птицы были пуховые. На ночь они в кучу сбивались, на середину. И вдруг ударил мороз, от берега озеро замерзло, и утром птица не смогла выйти на берег. Только они поднимаются, как лед под ними – толстыми, тяжелыми – колетса. Они лапки режут, кричат дико. Такой крик был в деревне! Народ сбе-

жался. Что делать? Как птицу достать? Люди пройти не могут: лед тонкий, вода холодная. Лодок в деревне не было, потому что рыбы в озере не водилось. Досок хороших нет, ведь местность-то безлесная. Птицы орут, ужас какой-то! Мужик какой-то сказал: у меня есть большое деревянное корыто скотину поить. У многих были колодцы во дворе: на-таскают воды, нальют в корыто и поят скот, чтобы не гонять на озеро. Притащили корыто, деревянную лопату. Надо было пробить им дорогу. Пробили тропинку по воде. Как эти гуси пошли! Торопятся! Один на другого залетает, бегут прямо друг по другу, в два этажа, толпятся, мешаются. Наконец бабы разобрали своих уток и увели по дворам. Я как сейчас вижу эту картину, как эта птица орет и бежит домой.

Как я уже говорила, село было очень правильно спланировано. Огороды длинные. В конце огорода – ворота, проулок. Завозить можно было навоз, хлеб, можно проехать с плугом для пахоты. Сюда и завозили машину хлеб молотить. Паровик стоял в проулке, а в огороде – скирды. На работу приходили друзья, приятели, молодежь, рабочие. Много человек задействовано в молотье. Со-лома отшелушивалась, ее надо куда-то снести, уложить. Зерно принимать – то же самое. Первый сорт, второй сорт. Мешки завязывать, укладывать на телеги и в амбары складывать. Человек двадцать обслуживало машину. Их надо было кормить. Хозяева-крестьяне старались принять. Овцу режут – мясо всегда полагалось. Борщ хороший или лапшу наварят. Рабочих откормили, они снова пошли работать, а начальство, которое машину обслуживает, техников, кормили отдельно. Тут уж по рюмоч-

ке полагалось. А когда закончат обмолот, все уберут, все свезут, тогда уж и всех угощали. Самогонкой, конечно, а женщин – наливкой. Женщин тоже много помогало: они ворошили снопы, развязывали их, ссыпали в машинку.

После обмолота зерно везут на мельницу. Зерно сначала идет первый сорт, потом простой помол, потом серый хлеб, потом черный хлеб. Один и тот же сорт пшеницы, а хлеб выходит разный. Мука была по качеству разная, а еще и от сорта пшеницы много зависело. Первый сорт на куличи шел, на слобу. Некоторые сеяли скверные сорта, а было и элитное зерно!

Народ с половины лета до самого снега почти не спал. Столько работы было! Когда хлеб свозили, три-четыре подводы наложили, увязали, выехали на дорогу. Пока лошади идут домой, хозяин на возу засыпает – так люди уставали, так выматывались! Это уж потом, когда все закончат, едут на базар, торгуют, вот тогда гулянье идет... Разве теперь так работают?

Центральная улица села и сегодня Центральная.

НАША ЖИЗНЬ В НОВОЦАРИЦЫНО

У НАС было натуральное хозяйство – подспорье к медицинской практике отца. Сеяли несколько десятин пшеницы, овса, сено косили. Держали четыре коровы. Кормить-то надо было столько ртов. Потом папа купил симменталку где-то в Москаленках. Там жил человек, который был капитан дальнего плавания, и он из Голландии привез двух коров. Одну продал отцу за сено. Такая большая корова, черная безрогая, или комолая. Когда отелится, давала ведро молока! Вообще в деревне не было безрогих коров. И все мужики, когда наша корова стельная ходила, говорили: «Сергей Степанович, ты уж смотри, может, бычок на племя». А она все телок да телок носила. Потом последний был бычок. Но, кажется, он попал под раскулачивание. При доме были огород и свое кустарное хозяйство.

Когда дом строили, то летом столяр работал: делал двери, рамы, окна. А мы бежали, стружки собирали. Вначале идет грубая стружка. Потом все тоньше, почти как папиросная бумага.

Еще летом приглашали сапожника. Приходил такой молодой красивый дядька. Ему оборудовали спальню и мастерскую в новом амбаре. Он всем сандалии шил и какую-то обувь. Но папа себе штиблеты покупал. Наверное, и маме покупал. А зимой в старую хату приходил пимокат. Он делал всем валенки. Их надо было варить. Но сначала на шерстобитку шерсть свозили в какую-то

мастерскую, где шерсть бьют. Отобьют, она сваяна, ее со станка рулоном снимают. Пимокат наряжает на колодки эту шерсть. Наваливает, варит, потом ее на колодках сушат, затем снимают, и готовы валенки. Папа валенки свои поносит, потом деду отдает – в сарай ходить за скотиной. Папа же в приличных должен был ходить. Валенки катали для всех. Овцы же свои были, поэтому зимняя обувь у нас была добрая. У нас не только катали валенки, но и вязали шарфы, рукавицы, шили шапки.

Готовили в русской печи, в ней хлеб пекли, а готовили обеды на плите. На кухне стояла плита, за ней на столбиках – русская печь всего на два листа. И потому хлеба не хватало: испекут, а он мягкий, вкусный, раз – и нет его! Опять мама квашню заводит. А пока хлеб печет, она то лепешки, то пироги с мясом, с тыквой, с картошкой стряпает.

Стол накрывали по-городскому. Никаких общих мисок, ели из тарелок. Приборы – вилки, ложки, большой самовар. Наша семья была интеллигентной. И к нам много заезжало людей, которые ехали проездом из Полтавского района: и все врачи, и все районное начальство с папой знакомы были. Проедут целый день по снегу, замерзнут, надо чайку попить. Куда? К Шамраеву. Вот и заезжают. Поэтому у мамы все было наготове. Всегда было печенье сухое, песочное в большой квадратной коробке. И на

На этом месте 90 лет назад плескалось большое пресное озеро.

ней картинка цветная «Взятие Березина». Сидит Кутузов в тулупе. Красивая картинка. Мама напечет несколько листов печенья, уложит в эту коробку, а потом – на печку. Вторая печка находилась в комнате, и называли ее контрамарка. На самом деле – унтермаркерская, немецкая, в железной оправе. Печка топилась из коридора и завинчивалась на винт. От трубы на печке была полка. На нее-то и ставили коробку с печеньем. Когда приезжали такие внезапные гости, мама ставила самовар. На трубу набрасывала чистое полотенце, на полотенце укладывала десятка полтора яиц. Самовар закипит, и яйца на пару сварятся! Вот так: чай, яйца, сало, копченый какой-нибудь окорок. Жила в селе женщина по фамилии Запражана. У нее была своя коптильня. К ней и носили окорока. Свиней режут осенью, чтобы зря их не кормить. Часть – на мясо, часть – на колбасу, часть – на сало. Тоже приглашал народ «в помочь» на такую работу.

Резать кабанчика – целая процедура. Ведь его надо сначала опалить. Тогда не

было паяльных ламп, палили в горящей соломе. Опалят и зовут нас: «Ребятишки, идите!» Ух, мы только и ждем! Мы усаживались на эту тушу, укрытую свежей соломой, и прыгали. В общем, целая забава на полчаса-час. Вот если эту тушу сразу, пока она теплая, намять, сало становится нежнейшим, мягким.

В общем, было чем угостить. Иногда такие дни бывали, что по несколько человек могло нагряться, когда какие-то совещания в районе или в Омске проводились. В пьянки никакие это не выливалось никогда. Иногда папа ставил графинчик вишневки. Но наши гости никогда не пили в дорогу. А вот воду пили. Нигде вокруг не было хорошей воды. Вся солоноватая, горьковатая, в общем, никуда не годная. А у нас возле озера необыкновенно вкусная вода была. Всегда гости просили маму: «Александра Григорьевна, водички, водички!» И помню, уже в шубе стоит: «Дайте на дорогу еще водички!» – настолько вода была хорошая. В этот колодец за водой ездили. Бочку нальют и поехали. И эту воду берегли только на чай да на суп. Во дворе у нас был свой колодец, но вода в нем была для питья непригодная, солоноватая. Скотина ее пила хорошо, ею мыли посуду. А на стирку возили воду из озера. И туда ездили за солью. И, помню, как-то раз папе попался громадный кусок соли. Его на телеге довели и у ворот скинули. И к этому куску скотина бежала как сумасшедшая и лизала его.

Кусок лежал долго, во всяком случае, не один год, вылизывали его до блестящей голубизны.

Когда скотину режут, компании собирали. На мясорубке надо накрутить, колба-

су жареную делали. А колбаса всякая была домашняя. Вот вкуснота была! К мясорубке специальная приставка была: она крутит и в кишку скатывает, кишки никогда не бросали – их чистили, выворачивали, скоблили, пока не станут прозрачными. Кишку надевали на специальную трубку, прицепленную к мясорубке. И кто-то режет, солит, перчит, добавки всякие подсыпает, чеснок в том числе, кто-то крутит. Набьют колбасу, завяжут и на листы кладут. И в русскую печку после хлеба ставят. На жарят ее, а после в корчаги – горшки такие глиняные – кладут, салом заливают и в кладовку, а там крышками закроют. В общем, натуральное хозяйство вели: и арбузы сажали, и огурцы. Хранилось все это в большом погребе, в сарае. В этом сарае лавки вокруг стола, плита. Летом готовили на этой плите. Рядом было окно, в него еду подавали.

Был при доме и сад. Мы же были малороссы, куда без сада? В саду ели, чтобы мух в доме не разводило. И когда хорошая погода, в саду ели.

Огород делился на две половины, половина огорода, потом дорога, по которой едут на ток, вторая половина огорода была под садом. Садом занимался отец. Вначале сад был маленький. А после его расширили, и он стал занимать много места. Отец покупал саженцы в Омске, привозил яблони. Как сейчас помню сорт «Крестьянин», еще какие-то. Росли черемуха, вишня, ирга, рябина. Вишня хорошо росла и хорошо плодоносила. Были и ранетки. Сад был со всех сторон обсажен тополями, чтобы ветер не ломал плодовые деревья, а под тополями стояли стол и скамейки. Летом здесь мы обедали. Вот этот сад и был источ-

ником зависти всей деревни. Села в наших краях степные, лишенные зелени. А у нас со всех сторон росли и плодоносили деревья. Кое-кто из селян брал у нас ветки для выращивания у себя. Но такие дворы можно было по пальцам пересчитать. Обеды в саду нам потом припомнили: «Ишь, баре! В садку снедают!» Это был криминал! И эта-то зависть, думаю, и послужила причиной высылки отца.

Мы жили в медицинском пункте, который отец благоустроил сам. Фельдшерский пункт был организован благодаря столыпинской реформе и очень хорошо оборудован. Был хороший зубной кабинет. Было даже гинекологическое кресло! Были стерилизаторы для инструментов, множество лекарств. Теперешние клиники этого не имеют, что имел тогда простой фельдшерский пункт. Людей переселяли на новые земли и всем необходимым оснащали поселения. Это я помню отлично. У отца была в распоряжении санитарка. А сам он был и врач, и фармацевт, и гинеколог, и зубной врач, и акушер, и даже хирург. Он даже готовил лекарства сам. В больнице была просторная приемная, в которой стояли большие красивые шкафы, как буфеты – низ и верх. Наверху стояли лекарства. Причем все было стандартное. Баночки все до одной с притертыми пробками, большие и маленькие, множество различных медицинских инструментов. И мебель шикарная: шкафы орехового дерева! Это была идеальная амбулатория. Я того больше не видела.

Вначале мы жили в старой хате, потом стали строить свой дом. Папа купил глето сруб. Часть его, в две комнаты, была деревянная, а пристроенные еще две комна-

Вера, Леля, Тася. Примерно 1925 год.

ты были саманные. Саман мы сами делали. Это была интереснейшая работа: копают на заднем дворе большую круглую яму. Посредине ее как бы столб земляной не выкопанный, вокруг него – канава. В эту канаву мякину свозят и воду льют. А на круге стоит человек. А по канаве, по этой мякине ходят лошади. Пока они мнут ее, им снова подливают воду, подсыпают глину, мякину. Когда вымесят все, когда смесь станет пластичной, как тесто, лошадей убирают и начинают делать саманные блоки-кирпичи. В ящик определенной длины, как в форму, закидывали эту самую саманную смесь. На эту работу людей нанимали, потому что работа накидывать и утрамбовывать саман очень тяжелая. А потом берут за

ручки, форму подняли, а кирпичики остались. Эти кирпичи крупные: сантиметров 25 на полметра. Первое время эти кирпичики стоят на земле. Подсохнут, и их тогда начинают складывать так, чтобы просветы оставались, чтобы они лучше сохли и проветривались. Высохнут так, что вода не размачивает! Саман делали после копки картошки, когда огород пустой, и эти кирпичики стояли по всему огороду. Из них мы и построили дом: половина – саманная, половина – деревянная.

В деревянном были амбулатория и аптека, а в саманной части мы сами жили, все под одной крышей. У дома два входа. С одной стороны дверь в нашу половину, саманную, а с другой, деревянной, были раздевалка и еще комната для ожидания. Из этой аптеки-амбулатории был вход к нам, в жилую часть.

В амбулатории халаты висели, стояли мягкая кушетка и шкафы орехового дерева, большой письменный стол. У буфетов были выдвижные доски, а папа на этих рабочих столах готовил лекарства. Были там и весы, и ступки, чтобы толочь, мешать. Когда отец прием кончал, то начинал готовить лекарства, сплошь и рядом в халате через комнаты ходил за горячей водой. Вот такая в ту пору была гигиена. Вот когда была холера, было страшно. Тогда отец ходил домой, не раздеваясь, через аптеку. С утра до вечера у него был прием. Санитарка мыла пол, воду приносила, шприцы кипятила. В одной комнате папа работал, во второй сидели и ждали приема больные.

Наша комната была большая, угловая, на четыре окна. Комод между окнами. Возле двери простенок, а в нем буфет и гардероб,

печка, наши две кровати, родителей кровать, детская кроватка. Все это было довольно простое. Зато постели были хорошие. Одежда делали сами. Вернее, мама заказывала в монастырь. Монашки стегали одеяла, это было обычное дело: всегда, когда замуж девица выходит, одеяла там заказывали. Монашки узор красивый на бумаге прикалывали и по нему стежили. А в простых домах в деревнях одеялами служили рядна из овечьей шерсти. Еще была столовая – в ней бабушка спала. Мы в этой комнате уроки учили. Стол был громадный, длинный. А у нас в доме, в комнате, где мы кушали, была 30-линейная лампа висючая, которая могла соперничать с электричеством. И на столе иногда лампа стояла, когда мы уроки учили.

Стоял еще и сундук, куда же без него? На нем вечером старики сидели. Когда обед приготовлен, нас звали: «Идите, зовите дедушку с бабушкой». Надо в другую хату бежать, а зимой одеваться неохота. Вот мы и кричим с крылечка: «Дедушка, бабушка, идите обедать!» Старики приходят. Пообедают. Уходят, не задерживались. Бабка, мамина, вредная была...

Вообще в доме места было мало. Нам негде было поставить кровати, и двое из нас спали на полу, ведь большую часть дома занимала амбулатория. И это имела собственный дом! Позже, примерно в 1928 году, отец вообще написал отказ от дома в пользу медпункта. Мы продолжали жить в доме, который построили сами, но который нам не принадлежал.

Столовая была узкая. В ней стояли большой стол, печка, а возле печки – сундук. В нем лежала голубого цвета головка сахара, укутанная в наволочку. Целая головка са-

Все, что осталось от нашего сада.

хара весила 20 или 40 фунтов. Она была конусообразная, изнутри посередине дырка до самого верха. На заводах на конусы навивали сахар, потом, когда сахар застывал, головку с конуса снимали. Так, головками, он и продавался. Когда кого-то ждут, достают большой нож с деревянной ручкой, молоток. Мама ставит нож на головку, стучит по нему молотком. Сахар был прочный, плотный. У этого сахара кристаллы крупные, при колке отлетали осколки и даже искры высекались! После того как отколется несколько крупных кусков, брали специальные шипчики и ими уже раскалывали большие куски на мелкие кусочки, которые и клали в сахарницу. В сундук входила головка сантиметров в 50. Сахар бер-

ли, ведь он был дорогой и к столу подавался не каждый день.

Еще из мебели были комод и полированный гардероб. У папы в нем висело пальто на кенгуровом меху. При царе-батюшке деревенский фельдшер мог себе это позволить! Драп был очень дорогой и воротник дорогой. Кенгуровый мех мягкий, пушистый, чуть кудрявый. У папы было два пальто: коричневое и серое. Серое пальто было довольно старое, а коричневое – шикарное. И у мамы было два зимних пальто: одно – драповое, очень хорошее. Когда она замуж выходила, отец-священник ей дал на свадьбу 300 рублей. Это были большие деньги, на них и купили это пальто. Дед подарил еще маме доху, большую, как тулуп, на енотовом меху. Рыжий такой мех, как у лисы, большой шалевый воротник. Когда я училась в Москаленках, папа меня в нее заворачивал, отвозя домой. Потом, поскольку он умел шить, он из этой дохи перешил маме пальто и покрыл синим сукном. Все остальные члены семьи ходили в полушубках, в хорошо пошитых барчатках. Тоже очень прилично. (Можно посмотреть на фото, где стоят девочки-подростки и сидит маленький брат Витюшка.)

Самое яркое воспоминание детства то, как мы с мамой ездили в Петропавловск, где жили наши родственники. Мне было лет шесть, и ездили мы на сороковины, на поминание дедушки. До Москаленок нас папа на лошади довез, а там мы сели на поезд и приехали в город ночью. Транспорта не было. Вышли на площадь, и я помню, как мама закричала: «Извозчик! Извозчик!» Подъехал дядька. На тарантасе с откидным верхом. Он нас и довез. Когда мы приеха-

ли, в доме все спали. А тут все поднялись, обрадовались. Дом был деревянный, с большой верандой, с окнами из цветного стекла – синенькие, зеленые. Людей, родственников я не помню. Но зато помню, когда уезжали, тетя сказала: «Саня, у нас елочные игрушки. Скоро елка. Забери детям». И мы повезли с собой большую коробку. А что такое елка, я не знала. Эту коробку мы привезли домой и спрятали. Когда праздник рождественский настал, надо было дерево достать. Местность-то у нас степная. Папа поехал к знакомому лесничему, он и продал ему елку. Папа ее прятал. Мне было шесть лет, а остальные – еще младше.

В Рождество нас затолкали в спальню. Как я уже говорила, у нас были здоровенная кухня и очень большая комната. Часть комнаты была перегороджена шкафами, в другой части – белая ширма в красный горошек. Так разделялись родительская половина и наша, детская. Пока мы спали, родители поставили и нарядили елку. Был выходной, и мы очень любили в выходной день к папе на кровать забираться. Он много чего рассказывал. И в тот день мы еще лежали с папой, а маленькая Леля, ей не было еще трех лет, встала по своим делам и вышла в комнату, увидела елку и оцепенела. Рубашонка сползла. Она стоит голенькая и обалдела. Так у меня в глазах до сих пор эта картина. Мама тихонько подошла к отцу: «Сережа, иди посмотри!» А раз папа встал, то и мы подскочили и увидели голенькую Лелю с рубашонкой в ногах.

В этот день приглашали гостей. Мельника приглашали, Ивана Захаровича, учителей, утиловских рабочих, еще какую-то

интеллигенцию. Я хорошо помню этот день. Папа запряг лошадей, тулуп положил, ездил по селу, собирал ребятишек на праздник. В одной комнате взрослые сидели, в другой – елка с ребятишками. За столом папа был главный и всем руководил. Он хорошо пел. И, как сейчас помню, пел песню «Как по морю, морю синему плыла лебедь с лебедями, со мальми со дитятами. Откуда взялся зол ясен сокол, ушиб он лебедь белую. Он пух пустил по поднебеси, а перышки – по синю морю». Очень красивая песня! Детей кормили, с елки снимали подарки: яблоки, орехи. Ребятишек было много, человек десять-двенадцать.

Потом подарки всем раздали, и отец всех развез по домам. А когда вернулся, нас спать уложили, а взрослые продолжали праздник и сколько там гуляли, не знаю. Так папа с мамой сделали культурное мероприятие для всей деревни. И угощение было богатое: в большом белом эмалированном стерилизаторе мама холодец приготовила, был гусь жареный и много чего еще. Я помню, что залезла под стол и, когда гости сели, какое-то время сидела там. А вылезти оттуда трудно. Я маму за колени дергала. Она думала, что это кошка, и как следует пнула меня. Когда я ойкнула, все стало понятно. Взрослые посмеялись, а я заплакала.

МОИ РОДИТЕЛИ И ДЕДЫ

Сергей Степанович Шамраев. 1912 год. Отец Беллимовой В. С.

СВОЕГО деда по материнской линии, Григория Патрушева, я фактически не знаю и лица его не помню. Он приезжал к нам, стоял на крыльце, чистил репу, разрезал на дольки и ел. Это был священник среднего роста. Вот и все, что запечатлелось в памяти. Потом, когда мне было лет

шесть, я ездила с мамой в Петропавловск на сорок дней после его кончины. А его жена, моя бабушка Екатерина Васильевна Патрушева, жила около ста лет. После кончины мужа она жила со своей дочкой Ольгой в Петропавловске. А потом там стало очень трудно материально, и папа с мамой забрали ее к нам, в Новоцарицыно. А когда нас стали выселять, тетя Оля ее снова забрала в Петропавловск, где она и умерла примерно в 1940 году.

Бабушка у нас по дому ничего не делала, лишь немножко помогала маме. Мама белье стирает, а бабушка его расправляет, складывала. Иногда катала на вальке со скалкой, но это было редко. Иногда чини-

Александра Григорьевна Шамраева.

ла белье и одежду. Где-то пуговицу пришьет, еще что-то по мелочи. Бабушка была грамотная. Она очки носила смешные, на веревочке. Но стекла были немецкие, цейсовские. Очень берегла эти очки, и благодаря им она до конца дней своих читала церковные книги, молитвенники, журналы. Еще она плела очень красивые кружева на коклюшках. Ведь она из-под Вологды, которая славилась своими кружевницами. А мы, конечно, ей вредили. Как только она отойдет, мы эти коклюшки запутаем. Мою сестренку Лелю она научила плетению, а больше никто не умел плести такое кружево. Была у

нее большая коробка из-под конфет, и в ней был сделан валик из ваты. На него прикалывалась бумага с узором, получался сколок. Коклюшки, несколько пар, крепились, перебрасывались, на это место ставилась иголочка с шишечкой. Так сплетались кружева. Бабушка была добрая, никогда не сердилась. Говорила по-вологодски, окая. Меня звала Верушко. У нее многие слова были свои. Одежду называла лапотина. Когда я что-то брошу, говорила: «Лапотину-то подбери!» Она была крепкая, стройная, не гнутая. Мама была у нее самой поздней дочкой. Если учесть, что у нее было 18 родов, то в живых осталось мало: трое сыновей и четыре дочки.

Дед и бабушка Патрушевы родом из-под Устюга Великого. Жили дедушка с бабушкой, думаю, небогато, но всем детям старались дать образование. Так, дочери – мама и тетя Оля – окончили не только церковно-приходскую школу, но даже епархиальное училище в Великом Устюге. Тетя Оля там и работала потом, а все сыновья окончили епархиальное училище и все были священниками. Александр был самый старший. Он был женат, имел много детей (имена двоих я знаю: Георгий и Константин). После революции его первого взяли и расстреляли, а остальные уехали и остались живы. Дядя Саша дослужился до высоких чинов. Он был ректором духовной семинарии. Бабушка рассказывала что-то, но я не помню. Я знаю, что мама со мной в пеленках приезжала к ним в гости. И меня пеленали у них на столе. Интересно, что, когда меня развернули, кто-то из двоюродных братьев подошел и закричал: «Смотрите!», задрал штанину и показал на родимое пятно. И у

меня, и у него большое, фасоминной, родимое пятно на том же месте!

Мой отец, Шамраев Сергей Степанович, родился в 1888 году на Кубани. Точнее я не знаю. Мой папа рос сиротой наполовину. Мать он плохо помнил, она рано умерла, а отец, мой дед, Степан Шамрай, женился на другой. Дед Степан говорил с большим акцентом, по-хохлацки. Думаю, что в молодости он был очень красивый, ведь и в старости он был хорош. Папа был брюнет, а дед был блондин, кудрявый, голубоглазый, высокий. Наверное, был сельский сердцеед, беда сельских бабенок. Насколько я помню по разговорам, он был женат неоднократно. И последняя его жена, Елена Михайловна, ради моего деду бросила мужа и, кажется, сына и уехала в Сибирь. Жили они сперва с дедом где-то возле Омска, вроде на станции Калачинской. Родители моего папу в детстве, считай, бросили: и мальчонкой, после окончания церковноприходской школы (три класса), дед отдал его родителям своей умершей жены в большое село, и, таким образом, его как бы воспитывали деды. Но на самом деле его отдали в подмастерья к портному. Папе плохо жилось в той семье. У портного он жил на побегушках, невесело, точно как Ванька Жуков. Отец годами работал без отдыха: рабочие уйдут, а он до полуночи возится: убирает, моет, а потом петли мечет, пуговицы пришивает. Ребята-портные говорят ему: «Сергея, давай шей что-то, хоть детскую одежду на карманные расходы». Он нашьет, продаст, отец приедет, деньги заберет. Папа не знал, как ему из этой кабалы выкрутиться.

И тут помог случай с генералом. Был выходной день, и папа, подросток, один в

мастерской работал. И вдруг открывается дверь, и входит генерал (это была военная мастерская). Генералу надо было крючок на шинели перешить. Он спрашивает отца:

– Сможешь это сделать?

– Конечно, могу! – отвечает и говорит: – У вас лацкан криво пришит.

– Знаю. Это не твое дело! Ты еще будешь мне указывать!

Генерал ушел, а папа вспоминает: «Я все сделал, погладил. Не могу! Можно же переделать. Распорол. Отутюжил. Заново переделал».

Утром пришел генерал. Надел шинель, вертится перед зеркалом и спрашивает:

– Переделал?

– Переделал, ваше превосходительство!

– Я же тебе не разрешал!

– Виноват, но я не мог терпеть, ведь некрасиво.

– Ну ты смелый парень. Хочешь на лекаря учиться?

– Хочу!

Вот так мой отец Сергей Степанович Шамрай пришел в солдатскую службу и получил возможность учиться. Сидит секретарь, записывает:

– Как фамилия?

– Шамрай!

– Какой Шамрай? Такого не бывает. Бывает Шамраев.

И все записал на свой лад! Так у нас поменялась фамилия. Папу определили в школу ротных фельдшеров, после которой он служил в армии. С этого и началась его судьба.

Мачехе мой отец был не нужен. Зато потом, когда папа стал человеком, они приехали к отцу в дом, и Сергей взял их, отдал

им вторую хату, и они доживали век свой рядом с брошенным ими сыном. Во флигеле все было неплохо обустроено, ведь сначала там жила наша семья. Там были топчаны с мягкими перинами, комода, кованый сундук. Лампа висела большая. И еще была хорошая русская печь, на ней для скотины варили, и там было всегда очень тепло.

Но я думаю, что обиду на отца мой папа сохранил на всю жизнь. Он его кормил, поил, но отцом ни разу не назвал! Степан Яковлевич и Елена Михайловна с моими родителями плохо мирились. Бабка эта вредная была, да и дед был суровый. Но свою жену сильно жалел и, как видно, любил. Он все скандалы заводил из-за нее. Она раньше жила в большом достатке. Я сужу по ее вещам, оставшимся от той, другой, жизни. У нее стоял большой сундук, полный нарядов. Это были дорогие шерстяные кофты и юбки длинные, широкие, по допотопной моде. Но все отделано кружевами, бахромой. Были дорогие платки и шали, которые она надевала, идя в церковь. Крышка ее сундука вся была оклеена крупными купюрами царских денег, «катеньками». Жили старики с нами вплоть до высылки нашей семьи. Деда не ссылали. Они остались в Новоцарицыно одни. Оба были неграмотные, так что писем от них почти не было. Позже кто-то написал, что дедушка умер, а бабушка ушла к кому-то жить. У деда Шамрая было два сына: старший, Василий, и мой отец. Судьбу старшего я не знаю, о нем в семье не говорили...

Папа окончил школу военфельдшеров, а потом работал в госпитале во Владикавказе. Там был гарнизон. И в его практике был такой случай. Когда он работал в

госпитале, какой-то больной солдат просил отца помочь ему уехать в отпуск, и я знаю, что отец ему помог. У этого солдата отец был часовщик, и он в подарок за услугу прислал отцу карманные часы знаменитой фирмы «Павел Буре»: на белом циферблате золотые стрелочки. Эти часы долго служили папе, потом, когда папа умер, их отдали моему младшему брату, Виктору. А после смерти Виктора эти часы висели на цепочке на окне. И его детишки, Сергей и Костя, забавлялись – дергали за цепочку, а часы стучались о стену. Доигрались до того, что часы встали. Достались эти часы папе еще до его женитьбы, до 1914 года. Виктор умер в 1954 году, так что часы работали больше сорока лет.

Папа неплохо зарабатывал, он был большим шеголем, у него и был костюм хороший, и такие воротнички...

По молодости папа трудился в госпитале, а потом заболел. У него гнойный плеврит был, ему сделали операцию, вынули два ребра и сказали: «Езжай в Казахстан, на кумыс!» Он поехал, лечился, выздоровел, и его жизнь пошла совсем по другой линии. Думаю, познакомились мои родители в Петропавловске, после чего уехали жить в Новоцарицыно.

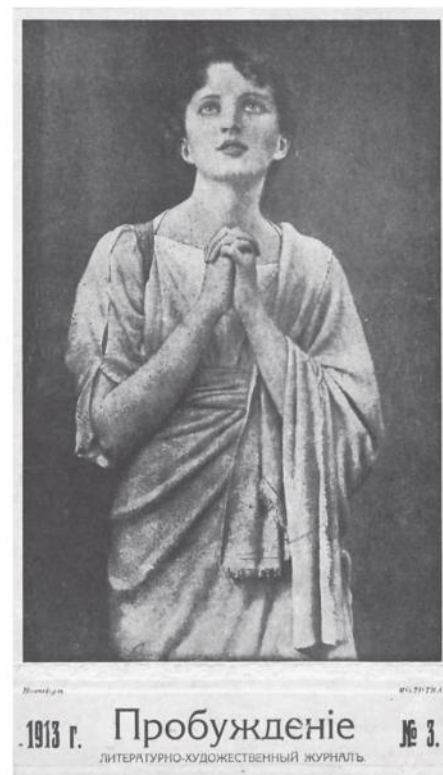
Папа был хозяйственный человек. По мере возможности он помогал деду в мужицкой работе, в хозяйстве. У него всегда шикарные лошади были. Рысак Гринька был самый любимый. Запрягали его только на выезд. Для работы на поле, для подвоза сена и воды был другой конь. Папа был непьющий. Мама даже говорила: «Сережа, хоть бы разок я тебя увидела пьяным!» У нас всегда на столе была наливочка на виш-

нях. Иногда, бывало, гости придут, все перепьются, а он всех пересидит, всех развезет по домам и распряжет лошадь.

С мамой у них были отличные отношения. Пятеро детей. Никогда голоса на маму не повысил. Отец выписывал журнал «Пробуждение». Шикарный такой. Белая картонная корочка, очень много цветных картинок. И было приложение к этому журналу: произведения русских писателей. На шикарной бумаге. Там и Пушкин, и Толстой, и так далее. А так как хранить негде было, хранили на чердаке. Тем, кто был постоянным подписчиком, дарили подарки. И однажды отец получил в подарок большую картину. Она была около метра, цветная. Называлась «Верую, Господи!». На ней изображена очень красивая женщина с распущенными волосами. Она стоит у стола, на котором раскрытое Евангелие, горит свеча. Она сложила молитвенно руки и смотрит на икону. Картина висела у нас на стене, а куда делась, не знаю.

Отец работал у себя в амбулатории, «на точке в селе», и много ездил по аулам, лечил казахов. В то время почему-то было много трахомы – это такая глазная заразная болезнь, глаза как зернами посыпаны. Еще было много воспалений легких. А так как тогда не было антибиотиков, болезнь протекала тяжело, и родные в тревоге ждали кризиса на девятый день. Папа в таких случаях всегда на ночь набирал лекарств и около больного эту девятую ночь дежурил.

А еще он был от Бога диагност. Отец никогда не ошибался, и авторитет был у него огромный. А подчинялся он врачебному пункту в райцентре, Москаленках. Они закупаются там и говорят: «Хоть бы Сергей

Журнал «Пробуждение».

Степанович приехал!» Приедет Сергей Степанович, как скажет, так и будет!

Был такой случай интересный: помню, роженица не могла разродиться, и ей нужно было наложить шипцы. Шипцов не оказалось – их прислали потом. Так он прошел по деревне, поскольку иногда растапливали самовары углем, он нашел угольные самоварные шипцы. У мельника Ивана Захаровича Чернышева, очень интеллигентного человека, и были шипцы угли брать что-

бы, не пачкая рук, их в самовар спускать. Два кольца на длинных ручках. Он взял эти шипцы, обмотал марлей, смазал йодом и с их помощью вытащил ребенка. И этот случай отец описал в своем отчете. На конференции в Омске он отчитывался и рассказывал об этом. И кто-то выступил и стал сильно папу критиковать. Мол, что это за безобразие, что это такое, такие коновальные методы. И тогда один профессор встал и сказал: «Низкий поклон этому человеку. Он спас две жизни. Спас женщину и спас ребенка». После этого шипцы-то и прислали.

А вообще должна еще раз сказать, что папин пункт был прекрасно оборудован. Теперешние клиники в селе порой этого не имеют, что имел простой фельдшерский пункт, оснащенный по столыпинской реформе. Людей переселяли на новые земли и всем необходимым оснащали.

Моя мама Александра Григорьевна, урожденная Патрушева, была дочерью сельского дьякона и седьмым ребенком в семье. Мама была очень развитая, интеллигентная, хотя и замотанная большой семьей и хозяйством. Была она среднего роста, носила длинные волосы, закручивала их сзади узлом. Она окончила гимназию, была культурная, с культурной речью, добрая. Родители жили очень дружно. Их жизнь была и для меня примером. Особенно это воспринял и старался им подражать и мой муж Иван Тихонович. Она окончила епархиальное училище, а позже, для того чтобы помогать отцу, окончила в Омске курсы повивальных бабок или акушерок. Это папа ее отправил учиться после того случая с шипцами. Она очень любила это дело. Бывало, мучается головной болью – у нее

были частые приступы. Приходят: «Александра Григорьевна, роженица у нас!» Ух, она сразу подхватывается, сундучок свой берет – он всегда наготове был – и спешит. Куда и болезнь девается! Ей ничего не платили за эту работу. Ее даже не значилось и не было в штате. Она как верная жена помогала отцу. Крестьянки сами благодарили: кто платок подарит, кто яичек принесет, а иногда и ничего не давали. Тем не менее она делала эту работу.

Нарядов особых у мамы не было: в основном ее платья были сшиты из тканей, которые ей дарили роженицы, так что платья часто были байковые, шотландка – ткань в клетку. Мама была склонна к полноте, но все-таки не полная. Она читала всегда, когда жили в Новоцарицыно, там была шикарная библиотека. Она страдала такими страшными головными болями, что просто ужас. Думаю, что это было высокое давление, о котором тогда ничего не знали. Ей помогала горячая вода – компрессы, поэтому отец остриг ей под кружочек волосы, чтобы косы не мочить. Она сильно реагировала на природные явления. Луна в полнолуние ярко светит, и у мамы голова болит. Папа часто звал: «Веруся, иди сюда. Помогни мне окно завесить».

Иногда она нам читала. Но очень редко. Потому что у нее, бедной, времени ни на что не хватало. У нас семья ведь была огромная: пятеро детей, трое стариков, всего девять ртов, и хозяйство было большое.

А мы, дети, тоже помогали отцу: порошки вертели. Вот отец вечером придет, специальную бумагу рулонную нарежет на ровные квадратики, рассыплет на них лекарства, отвешивая на маленьких весах по-

рошки. А мы все сидим, порошки заворачиваем. Это были хорошие семейные вечера, когда все вместе... Потом весы полопались, и папа смастерил новые из двух коробочек. Проверил все. А гирьками служили монетки: копейка, две копейки – это были граммы. Микстуры папа делал сам. В селе

была одна женщина, которая делала самогон. Он ей заказывал перегон-спирт. Она принесет бутылку, а он самогон в ложку нальет, зажжет спичку. Самогон горит. Если сгорает до конца, брал для настоек. Настаивал йод, валерьянку. Мы, ребятки, смотрели, как горит!

НЕ ДАЛИ МНЕ ДОУЧИТЬСЯ

КОГДА настала пора мне идти в школу, то оказалось, что в селе нет учителя! И в первый класс я ходила учиться на дом к жене псаломщика Ампеннова. На будущий год положение с учителями не улучшилось, и во втором классе я училась в Москаленках и жила у каких-то знакомых, потому что в

нашем селе не было второго класса, а псаломщица меня не стала учить. Жила я там на квартире, за печкой, где за занавеской у меня стояла кровать. Тетка была интеллигентная, окончила гимназию, а дядя Яша был лесничий, он был очень замкнутый. В их семье был мальчик Костя, лет трех. Этот

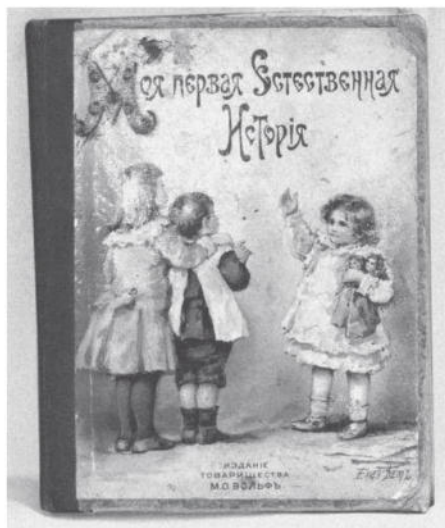

Улица в Москаленках.

Костя меня обижал. Мне мама сшила куклу. Тогда продавали головки, а мама пришла к ней туловище, одела в платье. У меня был сундучок за печкой. Там были мои вещи и игрушки. Я достала куклу, а он прибежал и разбил головку. Помню, это горе было большое.

Когда папа приезжал, он распрягал лошадь и уходил по своим делам. Там, в Москаленках, была большая больница. А папа был блестящий диагност, и его врачи дожидались как Бога. А я залезу в его сани и сижу. Я очень тосковала по дому и чувствовала себя ближе к нему у родных лошадок. Папа за мой постой оплачивал натурой: привозил муку, мясо и прочее. На каникулы папа меня забирал: в санки посадит, укутает в тулуп, и едет. От Новоцарицыно до Москаленок 30 километров. Если ветерок и буранил, то звонили в колокола, потому что в степи переметало дороги. Для ориентиров ставили вешки на дороги: кол и на него солому, но их иногда сдувало – и нет ориентиров. Зимы были такие снежные, что наметало выше амбаров!

Потом я заболела скарлатиной. Папа приехал, а этот Костя кричит: «Ага, Синий камень, а Вера-то твоя заболела!» Синим камнем он папу называл, потому что папа ему им глаза смазывал. Это, кажется, была сулема. Папа меня посмотрел и сказал: «Тоня, убирай Костю!» И он меня забрал и привез домой, а сам уехал в Омск и вернулся только через неделю, а маме наказал, чтобы меня изолировали, и она меня запирала на ключ. Накормит, книжки даст (потом их сожгли), а ребята под окном стояли и со мной разговаривали. Папа вернулся, сделал дезинфекцию, и меня выпустили.

Моя первая естественная история.

Потом школа по-настоящему открылась, и я до четвертого класса училась дома. Школьных зданий было два. Одно хорошее, добротное, с партами. Во втором жила сторожиха. Она же и уборщица. Школьной формы еще не было, ходили на уроки в чем попало. У нас было много старинных учебников. «Моя первая естественная история», «Мое первое естествознание», очень красивые книжки были, изданные еще при царе. Позже появились советские книжки. «Вчера и завтра» – учебник по истории. Позже уже приехали учителя.

Росла я не очень здоровым ребенком. Может, оттого что росла не дома, ведь я жила «в люлях». У нас в селе со школой была какая-то неразбериха. Существовала школа с 1924 года на средства самообложения. Учителя были случайные. Топили шко-

лу плохо, и классы набраны не все. Наверное, потому папа мой и увозил меня в другие школы. И я опять не дома училась. Вроде там, где-то, было лучше. Может, школы и лучше были, хотя вряд ли. А вот ребенку с семи лет на чужбине действительно было плохо. Как поел ребенок, сыт ли он – кому до этого дело? За столом вроде сидел со всеми, значит, сыт. Плохо маленьким одним, без родителей. Ой как плохо! Папа хотя и ездил несколько раз в зиму, но ведь это не то, что каждый день его видеть. Наверное, голам к двенадцати совсем я извелась, у меня развилось малокровие. Ходила как тень. Из 6-го класса пришлось родителям меня забрать домой до конца учебного года. Привез меня папа в начале мая. Смотрел меня, смотрел, вертел, слушал, простучивал, охал, вздыхал. Мама плакала.

А тут как раз из Полтавской больницы до станции Москаленки заехали по дороге врачи. И мама попросила Петра Митрофановича – так звали доктора – меня посмотреть. А папа говорит: или у нее ничего нет, или я ни черта не знаю. Собрали вроде консилиума, покрутили, послушали и пришли к заключению: острое малокровие. Назначили мне особый режим. Решили, что утро – самое здоровое время, и назначили мне вставать рано-рано и выпивать стакан свежих сливок или парного молока, а потом гулять до 10 часов. И как же я благодарна своим утренникам! Я до сих пор люблю утро. Живя в своем саду летом, я не могу дождаться, когда солнышко поднимется, чтобы можно было выйти в сад. И сколько я красот увидела! Как мне много дало это лето!

А потом меня отправили в немецкую школу учиться. Почему? Школа в Новоца-

рицыно была, но моего класса еще не было, я как бы ее переросла, и меня послали учиться в село Маргино (Маргенау). Это был немецкий поселок между станциями Исилькуль и Москаленки, километров 80 от Новоцарицыно. Думали, я там немецкому научусь...

Интересное село было. Богатейшее. Немцы же аккуратисты. Все у них по ранжиру. Дома все одинаковые. Школа была деревянная. А постройки: столовая, кухня – все саманные. Школа-интернат. Все немцы. Почти все учителя с высшим образованием. У всех учителей в квартирах цивилизованно было, картины на стенах. Я жила в общешкольной. По три-четыре человека в комнате.

В школе много переростков было. Была семья – три брата, старший лет двадцати. Я

Учебное пособие для школ.

Маргенау сегодня.

самая маленькая была по сравнению со всеми. Кухня была большая, в столовой – длинные столы, скамейки. Мы были на пансионе. Были там особенности в питании. По утрам давали ячменный кофе – трипс. Сначала он мне не нравился. Потом привыкла. Приехала на каникулы домой и говорю утром: «А трипс?» А родители и не знают, что это такое. Директор школы Николай Карлович был заводной. Ужином кормит и вдруг заявляет: «Давайте пельмени стряпать!» Сразу прикрутят мясорубки, парни тесто месят, мясо крутят, мы лепим. Только успеваем листы на мороз уносить, а после замороженные в мешки ссыпать! Несколько дней потом пельменями подкармливали. Отношение к нам было хорошее. Потом школу закрыли, и немцы уехали в Германию.

Я окончила восемь классов, сдала экзамены и поступила в техникум в Омске. Там я жила в общежитии, где обитали по семь-восемь человек в комнате. Окончила два курса. Потом, когда в 1931 году наших высла-

Старый дом в селе Маргенау.

ли, отец обратился к директору мелучилища, своему коллеге, по поводу моей судьбы. Как быть со мной? Директор сказал, что его все равно заставят меня отчислить. И тогда это будет «волчий билет». Он посоветовал мне самой подать заявление на отчисление, а мне в документы вписали два курса учебы, что давало право работать медсестрой. Так я и сделала, забрала свои документы. Доучиться мне не дали, закрыв дорогу к образованию!

Н АЧАЛО МОЕЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

НАСТУПИЛ 1930 год. Наших: папу, маму, братишек и сестренку – выслали. И вот я, пятнадцатилетняя девочка, осталась одна – ни учебы, ни работы, ни дома, ведь из него семью выселили! Но мой умный папа меня подготовил к испытаниям, и я знала, что надо делать. Сначала съездила в

Новошарицыно, собрала там кое-что из вещей, ковер и пальто папино на кенгуровом меху. Все запечатала и увезла это в Борисовку. А там папин приятель отправил это багажом в Томск, на имя своего знакомого. Но в итоге пальто потерялось, думаем, что его просто украли. После этого я поехала в

Нарым, к нашим, к маме и папе, и это была хоть и добровольная, но ссылка!

До Каргаска надо ехать на пароходе. Родители жили в Староюгино. Меня в комендатуре сразу взяли на работу к папе, и там я помогала ему какое-то время. Но вскоре его забрали в Чижапку на повышение, потому что там отстроили новую больницу. И так получилось, что я осталась одна работать в остояцком поселке и комнату снимала у остояков.

Интересная у них жизнь. Иногда много еды: и рыбу везут челноками, и много добычи. Иногда ничего нет. Тогда кедровый орех напарят в самоваре и грызут. Пареные орехи легко грызутся. Рыбку сухую запарят, ее погрызут, чаем запьют, и все. И так каждый день. Потом дед пойдет на охоту. Если что-то убьет, значит, они сварят еду. Нет – так сидят. Однажды ночью просыпаюсь, за стеной шум, какая-то ходьба, говор. Страшно. Оказывается, вернулся поздно ночью с добычей охотник, и они поднялись готовить еду – до этого больше недели сидели на орехах.

Меня пугали поначалу их обычаи и при-

вычки. Бывало, сижу дома одна. Вдруг приходит незнакомый остояк-охотник и садится молча у порога. На мои вопросы ничего не отвечает, молчит, курит трубку. Выкурит и перед уходом скажет: «Ну, поповедовали» – и уйдет, ничего не объясняя. Такие охотники побеседовать приходили нередко и очень меня пугали. Хотя остояки – люди очень мирные, никакого от них зла не было.

В этом поселке был с нами такой случай. Пришел на прием как-то дядька-спешерселевец с больной ногой. Его отец освободил от работы на несколько дней. Папа должен был уезжать, уже и сани готовы. Видим, этот мужик опять идет. С трудом, хромотает. Отец: «Раздевайся! Покажи ногу!» А она уже и посинела. «А ну сними штаны!» А этот «больной» ногу веревкой перетянул, и у меня бы это сошло. А папа сразу догадался и говорит ему: «Ах ты, сукин сын! Ты кого хотел обмануть? Молодая девочка работает, и ее можно обманывать? Никакого освобождения тебе не будет. Иди работай!»

Потом меня отправили в Васюган. Я там довольно долго работала. Там и замуж вышла. Это близко от родителей, всего километров двести по реке. Там поселок комендатурный, школа и больничка. При этой больнице был домик в четыре или пять комнат. И в этом домике жило много народу, все больничные, среди которых были и такие, как я, вольнонаемные. Все одинокие люди. В комнате я жила с двумя медсестрами. Одна из них, пожилая, Зинаида Михайловна, была выслана из Кремлевской больницы. Ей было под 60 лет. А главврач у нас был Кудрявцев Константин Иванович, очень сильный был врач. После он женил-

Вера Шамраева с мамой. После тифа. 1933 год.

Остяцкая семья.

ся на нашей медсестре. У них была отдельная комнатка. Он тоже был ссыльный, но его очень уважали. Он был политический, арестован и сослан из Центральной России. Сидел в Сиблаге, потом его отправили на поселение в деревню. Так он из Сиблага все время выговоры получал. Не успеет отчет прийти в срок, ему выговор. По каждому пустяку – выговор. А доктор был с большим юмором. И ему надоело без конца эти выговоры получать, и однажды он отправил телеграмму в Сиблаг: «Получил ваш выговор числом 12. Из коих сшил шубу. Не хватило на воротник. Пришлите еще парочку». И перестали ведь выговоры присылать!

Вечерами мы собирались в одной общей комнате. К нам в гости приходила ссыльная интеллигенция. Ее там было много. В карты играли, в шахматы, просто разговаривали. Жили мы без электричества, над столом висела большая керосиновая лампа. Мы не бедствовали. К зарплате полагался продовольственный паек. Цены были низкие, но купить почти ничего нельзя было. Мука стоила 10 копеек, но ее выдавали на паек 15 килограммов на человека в месяц. По-

скольку нас было много, мы объединялись и хлеб пекли сами. Иногда на муку выменивали или рыбину, или глухаря. Картошки у нас почти не было. Ее немного привозили весной и помаленьку раздавали на посадку. И только года через три картошки стало вволю. Варили суп, рыбу жарили, мясо какое-то покупали, сообща нанимали кухарку. У нас была помощница по дому, Полина, она готовила, посуду мыла, убирала и рада была без памяти такой работе. С утра все уходили на работу, а вечером сидим, беседуем, в карты играем. Ужинать надо, а что есть будем? Наш главврач Константин Иванович иногда задавал тон: «Давайте тюрю!» Нарезет колбы (черемши), посолит, нальет постного масла, воды, покрошит хлеба, по тарелкам разольет – вот и тюря!

Как-то раз охотники взломали берлогу, а там медведица. Ее уложили, а медвежат отдали к нам в больницу. Они ползают, пищат. Такие пушистые, забавные. Мишка и Машка. Мы им стуженное молоко разводили, варили кашу на молоке. Они подрастали хорошо. На дверях качаются. Залезут, а слезть не могут. Пищат. Надо идти снимать. В один прекрасный день Машка потерялась. Мы ее всем домом искали. Ну нет ее нигде! Уже поздно вечером эта наша Поля зовет: «Идите, посмотрите!» Оказалось, что она поставила оставшуюся от обеда кашу на плиту, в кружок. А Машка кашу слопала, кастрюльку вынула, да и уснула мордой в печной кружок. Хохота было! И были они такими забавными до тех пор, пока не попробовали крови. У Константина Ивановича были приятели. Они баловались с медвежатами, и Мишка нечаянно зубами одного оцарапал, брызнула кровь. Как он за-

ревел! И с тех пор они стали опасными. И, когда пошли пароходы, их продали на пароход для забавы пассажиров.

Сравнивая отцовский фельдшерский пункт в Новоцарицыно и эту больницу, скажу: они отличались как небо и земля. У отца был образец. А в комендатурской больнице – нишета. Тут и тифозные лежали, тут же и другие больные. В палатах лежали впокат, на нарах. Сиблаг высылал лекарства кое-как. Я сначала работала медсестрой. Потом меня перевели в аптеку. Я делала лекарства, потому что изучала в техникуме латынь. Специалисты в нашей больнице были еще те. Помню такой случай: приехала пара из Воронежа. Оба врачи. Правда, муж занимался только охотой. И даже в отчете как-то написал: «Ходил на охоту, убил глухаря». Однажды к его супруге пришла больная и жалуется. И эта врачиха выписывает для меня рецепт. А потом больная спохватилась и добавляет: «Ой, а у меня еще вот тут колет. Что-то там желудочное». В общем, полагалось мне сделать четыре раствора. Но тут она прибавила что-то еще от головной боли. Я ее спрашиваю:

– Варвара Ивановна, а как это?

– Да добавьте, да и все.

А я не знаю, как ей сказать, что это несовместимо. Все сделала по рецепту, а оно как бабахнет. Прихожу к ней в кабинет и рассказываю, что так и так. Все это не только взорвалось, но и прикипело. Ох как она на меня:

– Ничего не хотите знать!

Я говорю:

– Ну сделайте сами.

А она:

–Ну что тут особенного?

Новый Васюган.

Пришла, сыпанула, и тоже как бабахнуло! А она за свое:

– Что же вы не сказали, что так получается?

Я же и виновата! Я попросила ее написать, что мензурки пропали, чтобы все сошлось в отчете.

В это время я начинала дружбу с будущим мужем. Он был директор школы, а в школе работали учителями и химики высланные. Я его попросила спросить у них, что же тут получилось у нас. Оказалось... цемент!

Вскоре началась эпидемия тифа. Тиф был по всему Васюгану. Я тогда тоже заболела, и все врачи переболели. Эту болезнь вши распространяют, начинаются расчесы, температура 40. А мы, доктора, эту болезнь сами распространяли! Ведь, чтобы температуру измерить, надо на коленях забраться на нары. На халаты цепляли заразу и несли дальше... Антисанитария. Не было боксов, а в бараках скученность большая. Когда я заболела, приехала мама и сидела возле. Она меня и выходила. Морс мне варила клюквенный. Главный уход – лекарство вовремя дать, следить, чтобы язык не запа-

дал. А он так обложен – налет в палец толщиной. У меня тиф был и брюшной, и сыпной. Была без сознания много дней. Кто-то сумел у меня с пальцев кольца снять. Когда в себя пришла, хватилась, колец нет! Тифом болеют 40 дней. Половина больных при этом умирает. А я вот выжила. Как пришла в сознание, меня обрили, и я ходила в панамочке. Кто-то мне дал несколько локонов, я их к ней подшила, как будто я с волосами. А потом волосы стали расти и тут же выпадать. Везде проплешины. Связь с главной каргасокской больницей была только на лошадях, но меня туда доставили, и я там жила. Мне дали мазь на перце, и выросли у меня кудри. Красивые, каштановые. Муж мне сказал: ты у нас гнедая! Я с кудрями замуж выходила. А когда волосы выросли длинными, они распрямились.

С будущим супругом Иваном Тихоновичем я познакомилась еще по дороге в Ва-

сюган, на катере. С ним ехали еще пятеро парней – молодых учителей. Все они ехали по назначению работать в разные школы по всему Васюгану. Вечером в клуб приходили. Там танцевали, в игры дурацкие играли – какой-то круг затевали. Я не танцевала никогда, посижу, посмотрю. Вот так и продолжили знакомство. Я пораньше уходила, и иногда он меня провожал. Он был по сравнению с другими очень образованным. Парней-однокашников по школам разбросали, они только иногда приезжали на встречи, школа от школы километров 70–100. А здесь, в поселке, только эти коменданты. А они – дураки дураками. С ними и поговорить не о чем, все неучи, но зато они начальники! А ваш отец был очень образованный. Книг у него много было, и он давал мне читать. Вскоре он сделал мне предложение...

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В 1930 году отца признали кулаком, раскулачили и выслали в Нарым всю нашу большую семью: папу, маму, Лелю, Тасю, Надежду и крошечного, девятимесячного, Витюшку. К родителям приехали ночью: «Собирайтесь». Я ссылке не подлежала: в это время училась в Омске и не попала под раскулачивание. Погрузили сотни людей на пароход на Иртыше, потом до самого Нарыма везли на баржах.

И неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба нашей семьи, если бы не один случай на той самой барже. Сломался мотор у самоходки, а моторист, молодой парень, починить не может, и папа вызвался ему помочь. И во время этой работы отец и этот паренек познакомились, а папа парня еще и подлечил. И вот во время одной из остановок стало известно, что на берегу заболела жена какого-то начальника. А этот

парень сказал: «А тут доктор есть. Знаете, какой хороший?» Пришли за папой из комендатуры, забрали, повели на берег. Мама испугалась. Вернется? Не вернется? Как им жить без отца? Но все окончилось благополучно: отца оставили на берегу, назначили на местный фельдшерский пункт, и семью ссадили с баржи. А остальные поехали дальше. Отец, как всегда, был на высоте, человека вылечил, у него с собой лекарств было много. Вот так, благодаря папиной профессии, они не пропали.

Можно считать, что семье сказочно повезло: какой-никакой домишко, место работы, должность, зарплата, паек. Но, конечно, при всем при том он был кулак, спецпереселенец, был поражен в правах, лишен права голоса. И, конечно, средств катастрофически не хватало на семью из шести человек. И тут приходила на помощь первая папина профессия портного.

Отец был умный человек. Он взял с собой тайком в ссылку швейную машинку. Не всю, конечно: отобрали бы. Он вынул механическую часть из ящика, завернул в полотенца и привез. И эта машинка кормила всю семью. Мама тоже стала шить. Девчата в ссылке были плохо одеты, она им платьища сошьет: рюшечки, бантики – они и счастливы. А мужики вообще полуголыми ходили. Не во что было переодеться. Папа то фуражку сошьет, то порты. Денег у спецпереселенцев не было. Расплачивались кто как мог. Там на поселении была рыболовецкая артель. Рыбаки «натурой» расплачивались. Обь тогда была полна рыбы. Лодки громадные приходили на засолочный пункт. Иди, бери рыбу. Бери сколько хочешь. Бывало, тетя Леля разуется, за-

Леля, Тася, Надежда, Виктор в дохах папиной работы. 1931 год.

идет в лодку прямо босиком, два ведра наберет – и домой. Так что, когда быт налажился, наши стали сыты. Потом даже корову купили. На следующий год огород посадили, картошку им прислали на семена, огурцы. И, несмотря на то что Староюгино, Каргасокский район, – это суровый край, настоящий Нарым, наши там от голода, по крайней мере, на второй год, не страдали.

Со временем моих сестер, Лелю и Тасю, еще маленьких девчонок, взяли в учителя. И тетя Тася сразу проявила себя, она была от Бога одаренным педагогом.

Так что наша семья жила по сравнению с другими еще очень неплохо. А остальные... Их выслали, лишили всех прав. Выгружа-

На корчевке тайги.

ли на голый берег. Лес, снег и больше ничего. К морозам не успели отстроиться. Не хватало ни пил, ни топоров. Спецпереселенцы, или «кулаки», жили в наспех поставленных бараках, а чаще в землянках по двадцать-тридцать, а то и по сто семей! Дощатые стены глиной обмазывали, так и зимовали! Спали на нарах. Перегородки – тряпки, рядно. Дикий голод был, полное отсутствие витаминов. При этом – тяжелая работа на лесоповале, на пихтовом заводе. Были даже случаи людоедства. Люди умирали повально. Все цингой болели. Это очень тяжелая болезнь, когда чернело тело, распухали суставы, а зубы выпали, как костяшки домино, один за другим.

Помню, мне врач поручил зубы ребятишкам промыть раствором. Я взяла палочку, намотала ватку, смочила раствором и подошла к мальчику. Только провела аккуратно по зубкам, как они посыпались. Двенадцать зубов высыпалось изо рта! Я в ужасе побежала к доктору. Он взял меня за руки – я вся трясусь – и сказал: «Вера Сергеевна, вы тут ни при чем. Это цинга!»

И когда зимой к нам в комендатуру завезли бочки черемши, меня отправили на

базу эту черемшу пробовать и выбирать. Я по этим холодным бочкам налазилась, простудилась, подхватила воспаление легких, а потом и брюшной тиф... Я была очень тяжелой, едва не умерла. Сознания не было, но моментами, когда я выплывала из небытия, обнаруживала, что лежу на боку, салфетка – на подушке, а на ней – струйка крови у рта.

За зиму многие спецпереселенцы разболелись. Но зато весной подросла колба (черемша), она и спасла выживших. Лечили просто: укладывали больных в телегу и везли на поле, где растет колба. Они ползали по земле и, так как руками не могли двигать, хватили ртом эту траву, как звери, и жевали. Их оставляли там ночевать. На завтра приезжают, воду привозят, смотрят, а те уже сидят и руками двигают! А еще через несколько дней люди настолько оправлялись, что потихоньку уходили домой своими ногами. Настолько сильное это лекарство! Потребность в нем была у всех неодолимая.

Вспоминаю, что в клуб, где крутили кино, все шли с пучками черемши, как с семечками. После сеанса или концерта все было усыпано ботвой. Так сибирская природа сама пришла на помощь несчастным людям. Всю последующую зиму ели эту колбу соленую, добавляли в еду. И уже после этого цинга ушла безвозвратно.

Условия жизни были очень тяжелые, суровые, северные и даже дикие: ведь в новых поселках не было даже электричества! Жилье и конторы освещались керосиновыми лампами. Но уже через пару лет и дома построили, и огороды завели: народ-то был дельный, молодой, работающий. Пьяниц, ло-

дырей среди «кулаков» не было. Это были крепкие крестьяне, люди с хозяйственной жилкой, которые и в нечеловеческих условиях стремились обустроить жизнь.

Наше же поселение было остяцкое, со своими национальными традициями. Остятки огородов не имели, но держали скот, хотя и коров-то не доили, а запускали под них телят. Зато земля вокруг была растоптанная, мягкая, унавоженная, и спецпереселенцам было легко заводить на ней огороды.

Людей спасала тайга. Богатства в ней – через край. Рыбы полно. Грибы росли в двадцати метрах от дома. Ягоды, орехи. Наши такого богатства раньше не видели. Что в степных деревнях? Бедно, скудно.

Землянка – жилище первых спецпереселенцев.

Помню, папа говорил, что Нарым – это золотой край. И не раз повторял: «Вот посмотришь, Вера, найдут тут богатства, и очень большие. По золоту ходим!» Он предрекал нефть, уголь и сам находил охру, каолин. Будучи экономным и рачительным, по-крестьянски очень переживал, что гниет много упавшего леса, что не используют эти богатства хотя бы для получения легтя, скипидара и других полезных вещей.

В 1941 году отца арестовали и посадили в тюрьму. Думаю, по доносу своих же коллег. Из зависти к отцовскому врачебному таланту. Приведу один пример – случай с комендантом. У того дико разболелось ухо. Не спал много дней. Приехал в райцентр

Каргасок, к врачам, ему там ничем не помогли. Он разорался, расшумелся: «Поеду к Шамраеву!» Приехал. Я как раз гостила у родителей с маленькой Лилией и все это видела. Папа посмотрел, оказывается, лечить надо было не ухо, а зуб, нарыв вскрывать. Папа вскрыл, почистил, прополоскал. Боль сразу отступила, и комендант как подкошенный упал на кушетку и сутки спал, не просыпаясь. Потом – на лошадь и снова в Каргасок. И там давай орать на врачей: вы такие-сякие, ничего не понимаете! Вот Шамраев – молодец! Это ему запомнили. Вскоре случилась эпидемия кори. У отца восемь поселков. Расстояния – многие десятки верст. Разве на лошадке везе поспеешь? Состряпали дело: вредительство. Вот так папу арестовали и отправили куда-то на поезде в тюрьму.

Когда он вернулся, не жаловался, а рассказывал, как выживал. Жалел нас, не хотел огорчать. Там, в тюрьме, его тоже держали за фельдшера. Он как санитарный врач проверял столовую, пекарни, и это помогало ему выживать. В мясной цех придет, ему хоть хвостик, да отрежут. У папы даже комнатка была своя с железной печкой-буржуйкой. Он это мяско в кружечке сварит, кусочек хлеба – вот и сыт. Люди там умирали пачками, а он выжил.

Пока он был в тюрьме, семью постигло новое горе: умерла мама. Папа попал в тюрьму в декабре 1941 года, а в фев-

рале, всего через два с половиной месяца, умерла мама. У мамы, как я понимаю, было высокое давление, и она страдала дикими головными болями. Тогда про давление никто не знал, но папа спасал маму от приступов. Когда его не стало, не стало и мамы. Ей шел всего пятьдесят второй год. Папа узнал о ее кончине только по возвращении в Каргасок. Вскоре после маминной смерти так получилось, что моих взрослых сестер, Надю и Таисию, разбросали по разным селениям, а Леля вышла замуж и уехала еще раньше, а Виктор учился в Колпашево. Папа опять стал работать фельдшером, жил один. Смерть жены его подкосила, и он ненадолго ее пережил. Заболел воспалением легких. Он умер по дороге в больницу.

Жизнь в ссылке моих родителей я знаю, конечно, хуже, чем мои сестры. Ведь я вместе с семьей почти не жила, рано отпочковалась, завела свою семью. Мои сестренки могли бы рассказать об этом лучше и больше, но они ушли вперед меня...

Правда, папа и мама дожили до первых внуков. Они видели и Лилию, и Эдуарда, ведь я приезжала к родителям погостить с ребяташками. А Валерий даже жил у отца целый год и учился в остяцком селе, что катастрофически сказалось на его грамотности. Нам пришлось потом столько усилий приложить, чтобы выправить его правописание!

МОЯ СЕМЬЯ – МОЯ ЖИЗНЬ

НАША с вашим отцом свадьба была в январе 1934 года. Праздновали ее в доме у друзей. У них был обжитый дом, там и стол накрыли. Гостей было человек двадцать. Одетая я была бедненько. Я вообще бедненькая была. Была у меня белая кофточка, черная юбочка в полосочку и черная жилеточка. Женщины пришли нарядные, в ярких кофточках, а я – в старой черной жилетке. Где-то есть фотография, на которой я в ней. На свадьбе была моя сестра Тася. Она работала в школе недалеко от Васюгана и приехала к нам, ночевала. Тамара – хозяйка, плюшек каких-то напекла, пирогов с ягодами. Выпечка была очень хорошая, рыба была, уха. А я ничего не готовила. Гармошка была, и что-то пели, я не помню. «Горько» кричали. После свадьбы пришли к отцу в дом. С нами – Тася. Она у нас ночевала, и никакой свадебной ночи не было. А утром я пошла на суточное дежурство. И дня не дали отдохнуть! Вот такие суровые времена были.

Муж работал в Васюгане, директором васюганской школы, и у него была квартира: большая комната и кухня в деревянном доме из огромных, толстенных лиственничных бревен на два входа. Комната была перегорожена, и во второй половине был жилец по фамилии Кравцов. Это и был наш первый дом. Потом этому Кравцову дали отдельную комнату, и у отца появился кабинетик. У нас в Васюгане была

В.С. Белимова. 1934 год, г. Томск.

даже домработница. Там за работой, за кусок хлеба очередь стояла. Эти бабы старались, из кожи вон лезли: ведь то ли на заготовках под окрики гэпэушников вкальвать, то ли в тепле работать. Вот была у нас Вера Михайловна. Как она отца любила! Как за ним ухаживала! Соловухой его звала. Он в молодости всегда пел. Умывается – поет. Пообедал – поет. И народные песни, и дере-

Молодожены Белимовы. 1934 г. Новосибирск.

венские. В окошко, бывало, выглянет: «Ой, Вера Сергеевна, Соловушка наш идет! Надо обед собирать». Это пока еще не было детей. А отец так ждал ребенка.

Потом папа получил направление в школу в Новый Каргасок. Уже была поздняя осень. Навигация кончалась. И вдруг по радио распоряжение: нас перебрасывают в Чаинский район директором школы. Оказалось, директора этой школы не то посадили, не то сняли. Кажется, на конференции какой-то идиот в список делегатов вписал не то Троцкого, не то еще кого-то опального. И директора школы сняли тут же, хотя он был совершенно ни при чем. И вот отца переводят из Каргаска, в котором отец всего месяца два отработал. Мы спешно собрались, за несколько ча-

сов, все в узлы завязали и на последний в навигации пароход сели. Все второпях. Ехали по реке Васюган. Первая большая река по верховьям Васюгана – Чижанка. Она так и называется Усть-Чижанка. По ней идут все комендатурские поселения и стоит большое село Новый Васюган. Это было смешанное село, с аборигенами, но комендатура там сильно довлела над всеми. Там была десятилетка, неплохая больница на 25 кроватей, в общем, это было хорошо освоенное село. Там даже радио было самодельное! Тут был даже небольшой док – сюда заходили небольшие пароходики на ремонт.

Наша Лилька там и родилась. Лилия родилась – страшный мороз был, туман, птицы на лету дохли: 54 градуса было! Врачиха, что роды принимала, была дура дурой. Положено, когда ребенок родится, немножко оттолкнуть и чуть повернуть, тогда ребенок хорошо выходит. А она несколько раз ребенка толкала, такая крупная баба, руку заводила и выталкивала. Все говорила: раздавлю нос. Ребенок вышел, я вся в порывах была, без сил.

Отец под крыльцом стоял. Она к нему вышла и говорит: «Иван Тихонович, пойдите узнайте. Может, уж нет живой, так хоть обмыть вовремя». Он помчался, под окнами темно. Решил, что я умерла. А санитарка была пожилая, Марина, очень хорошая, возле меня сидела. Благодаря ей я и ожила. Проскрипел снег, а она караулила. Глянула в окно:

– Иван Тихонович! Вы чего мимо?

А он идет, у него глаза на мокром месте. Он спрашивает:

– А Вера Сергеевна?

– Отдыхает!
– А она не умерла?
– А с чего ей умирать?
– Ну, ей ведь так плохо было...
– Слава богу! С дочкой вас!

Потом приехал из другого Васюгана (есть Средний Васюган и Новый Васюган) хороший доктор, ссыльный. Он сделал правильное назначение, и я на поправку пошла.

Когда пришел срок меня забирать, отец привез одеяло, закрутил в него Лильку, а меня – в тулуп. Я говорю:

– Ваня, она задохнулась.

Переживала. Но когда заташили новорожденную в избу, она заворчалась. Слава богу! Стояли, как я уже говорила, очень сильные морозы. А дом был холодный. Пеленки на стуле возле печки развешивали. Печь раскалялась докрасна. Пеленки даже подгорали, и все равно было холодно. Окна занавешивали, потому что они обмерзали. А потом так потеплело, что даже двери открывали. Никакого освобождения по родам не давали. Несколько дней, и надо выходить на работу. Идти в больницу мне далеко. И отец так расписание свое подогнал, что в то время, когда меня нет, он остается дома. Берет гитару, читает книжку и на гитаре бренькает. Прихожу домой, картина: сидит гитарист у кровати, играет. Пока играет, она молчит. Я думала, она будет музыкальная.

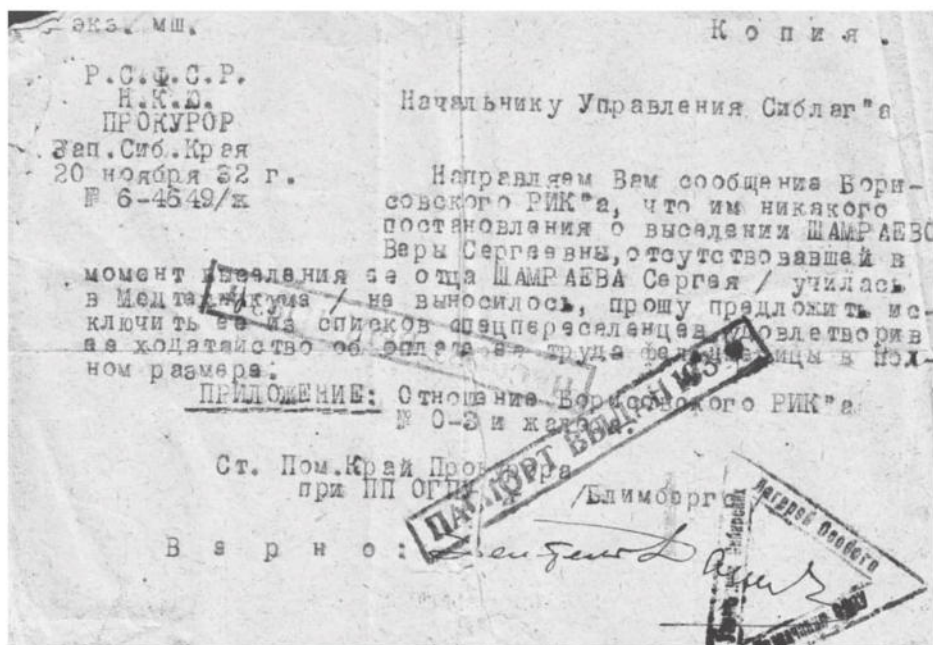
А я прибежала кормить, потому что работу не бросила. Лилия искусственница была. Это просто ужас. Тогда ведь сосок не было, с ложечки кормили. Коровье молоко разводили, манку стаканами покупали на базаре. Очень дорого. А это ведь всего лишь особый помол пшеницы...

Лилия и Эдуард.

И досталось же вашему отцу за то, что женился на кулачке! Его клеймили позором за то, что связался с чуждым элементом. Несколько раз в комендатуре созывалось комсомольское собрание по его персональному делу, где требовали отказать от жены-кулачки, чтобы не бросать тень на чистоту комсомольских рядов. Последнее собрание ставило вопрос ребром: или ты расходишься, или исключаем тебя из комсомола! Это означало автоматическое лишение работы по воспитанию подрастающего поколения, лишение профессии. И тогда отец сказал, что его жена прервала связь с родителями-кулаками.

До смерти буду помнить, как тешились огуэпушники, когда мы отправились в первый отпуск. Пароходик плыл мимо роди-

Справка прокурора Зап.-Сиб. края.

тельского села. Мои папа с мамой стояли на берегу и ждали, когда я сойду повидаться, а я не выходила из своей каюты. Зато высыпали из своих кают комендатурские служаки, наблюдая за событиями. Все эти мерзавцы лечились у папы, их жены рожали у мамы, они лицемерно пожимали им руки, разговаривали о том о сем и смотрели: а не выйдет кулацкая дочка к родителям? Им вовсе не была нужна я – скромная медсестра, им важно было прижать вашего отца, очень авторитетного в округе человека, прижать через самое дорогое – через семью, через любовь. А ваш отец, невзирая ни на что, сошел на берег, на глазах у этих негодяев по-

здоровался с родителями и объяснил вполголоса, почему Вера не выйдет. Мама тихо плакала на берегу, а я – в каюте.

Когда пароходик дал гудок, а комендатура ушла обедать, я вышла и помахала отдалившимся фигурам родителей... Мало было маме моей этого горя, так еще деревенские бабы стали судачить да меня осуждать. Какая я вся такая-рассякая: «Да я бы ее за косу из каюты на берег вытащила...»

Потом все вроде пошло на лад. Но мы же все время переезжали с места на место. И в одном селе какой-то парень-дурак, который вел учетные документы, увидел мои: «А, так у вас родители спецпереселенцы!»

И опять, спустя много лет, история повторилась. Опять вашего отца стали за меня преследовать. Я тогда написала в Сиблаг письмо, и мне пришел ответ, что я не имею никакого отношения к спецпоселениям и проживаю в местах расселения комендатурских контингентов свободно.

Муж показал этот документ в бюро ВЛКСМ, а эти идиоты все равно вашего отца травили. Не то не поверили документу, не то еще что... Пришлось делать новый запрос, и опять мужу пришлось за меня отвечать.

Муж меня очень любил. Помню, лето было. Мы с отцом поругались. И я говорю: раз так, я от тебя уйду! Схватила Лильку и убежала. Пошла в больницу: в тот день зарплату давали, а потом пошла к бабушке Федосье. Она была повариха-спецпереселенка, жила прямо в кухне. Там у нее комната была. В общем, вернулась я домой вечером. А отец стоит, слезы вытирает, написал предсмертную записку и ружье в руке.

– Я бы, говорит, застрелился!

Больше я таких вывертов не делала...

Едва Лилия пошла ножками, как родилась Эдуарда. Больничка, где я рожала Эдика, маленькая была, а родильное отделение – одна палата. Я там одна лежала. Отец Лильку завернул в одеяло и притащил в больницу. Она обрадовалась, кинулась ко мне и тут заметила, что лежит Эдуарда. Мы ей говорим: «Посмотри, ляля какая маленькая». А она как дернула эту лялю. Элька был завернут в простыню, пеленок-то не было. И так дернула, что малыш полетел прямо на урну деревянную. Убился бы! И больше не ползла ко мне, сколько я ее ни звала. Ушла сердитая и потом долго еще, когда папа ей го-

ворил: «Пойдем к маме», фыркала и отворачивалась. Такая была ревнивая! Мы даже боялись за нее. Только много позже смирилась. А ведь ей всего годик был, она была смешная, сосала пальцы. Когда Эдик родился, мы детей поделили. Лилия – его, а Элька – мой. Лильку усыплял на руках. Посмотрели бы за окном: две тени, у одного один ребенок, у другого – другой. А домработница на кухне спит...

Потом отца перевели в «Путь Севера». Там мы недолго были, потом – вверх по Васюгану, это еще севернее, новое назначение. Отец опять школу принимал. Одно время он даже комендантом был: некоего было ставить, одни полуграмотные милиционеры – и его временно, до приезда настоящего, поставили комендантом поселения! Отец ездил по Васюгану: инспектировал школы, учителей назначал, зарплату развозил. И его грозились убить. Он был строгий, порядки наводил, а ездил один, без сопровождения, на хорошей лошади в кошевочке. Рассказывает: «Еду, смотрю, дорога кончается». Оказывается, злоумышленники свалили большое дерево поперек дороги, чтобы перегородить ему путь. Но то ли отвлеклись, то ли еще что. Он успел развернуться, пришпорил коня и ускакал. Вскоре прислали коменданта, и я успокоилась за жизнь мужа.

Однажды ко мне приехала сестра Надя, забрала меня, Лильку и Эдуарда (ему было месяцев шесть-восемь) и увезла к родителям, погостить на период сессии мужа. Папа, Сергей Степанович, работал тогда на Усть-Сельге. Там большой дом был, много комнат, а стационара не было. Вот там мы и жили. Муж окончил сессию. Приехал. Я

Августовская учительская конференция в 1933 году в Каргасокском районе проходила в палатке.

была в доме, когда мне с улицы закричали: «Вера, иди скорей, Иван Тихонович приехал!» Гляжу: идет. Мешок какой-то, ружье, он шел пешком из Каргаска километров 45! Вот как любил, не мог дожидаться okazji, чтобы ехать, предпочел идти пешком! Я вылетела как сумасшедшая, повисла у него на шее. Мы еще какое-то время пожили у родных. Шел август. Перед началом учебного года должна была состояться учительская конференция. Отец туда поехал, а я все оставалась у родителей. Он мне оттуда написал: «Будь готова. Здесь, на конференции, жена коменданта. Он посылает за ней катер, я договорился, и тебя заберут, а я потом приеду за тобой в то место с учителями, которых будут развозить по школам Васюганья». Сажусь на катер, едем и вдруг садимся на мель. И долго мы там сидели, пока другой катер не пришел и не сдернул нас.

Валерка должен был родиться, когда у отца сессия была, и ему надо было ехать в Томск. Мы перед отъездом пошли в боль-

ницу, меня врач посмотрел и говорит: еще с неделю. Тогда отец мне говорит: раз так, я поеду, сдам пару экзаменов и вернусь. Уехал. До Колпашево не успел доехать, как Валерий родился. Мы вечером гуляли с приятельницей, и вдруг схватки начались. Домработница побежала за лошастью, и меня повезли в больницу. Так я родила Валерку. Это было 2 июля. Папе дали телеграмму, но она его не застала уже. Позже я сама дала телеграмму, что все нормально, чтобы оставался в Томске. Через месяц он сдал сессию на отлично и дал телеграмму из Томска, что едет. Из Колпашево еще позвонил, и мы поехали его встречать. Валерка лежит, спит, уже большой. В это время няня у нас такая хорошая была. Валерку я с ней родила и Стальку. Я работала в больнице и после Эдуарда, и после Валерки дежурной сестрой в амбулатории. Работала потому, что эти няньки попались старательные. Ведь у них выбор был такой: то ли на корчевку, то ли нянькой. Мы к ним отно-

сились по-родственному, двух няnek замуж выдали. Стальке попала женщина, у которой самой ребенок был. Она молоденькая была. Ее мужа, портного, забрали как врага народа. А она с ребенком осталась, денег нет. Ее малыш был в трех километрах от Подгорного, в детском доме в поселке Гришкино. А когда Сталинку я рожала, такая хорошая акушерка попала! Она сидит со мной рядом: «Ой, Поля, что так долго? Скоро или нет? Еще немножко. Еще подождать надо». А потом: «Потужьтесь». Раз – и ребенок на руках!

В 1936–1937 гг. ссылку отменили (время принятия сталинской конституции), расформировали и комендатуру. Это был праздник, ведь мы жили под этими комендантами. А они были полуграмотные хамы. А начальник Сиблага вообще был зверь... Боялись его не только спецпереселенцы, но и коменданты, и все опричники. А как они о себе воображали! Однажды начальник Сиблага приехал в Средний Васюган, все обошел: и больницу, и школу. Боялись этого приезда все, тряслись. А у вашего папы в школе радио сделали, ограду, красивые ворота и резную калитку. Были тут из Путиловского завода рабочие – металлист и деревоотделочник. Они пароходики чинили. Этот путиловец выковал очень красивое кольцо для школьной калитки. И вот этот Долгих идет в школу. За ним – свита: коменданты и комендантки. Открывает калитку: «Молодец!» Одно слово сказал. Это в адрес вашего папы. Ну и отлегло. А потом эти питерцы сделали набор шикарный: в большой коробке на зеленом бархате отвертки, плоскогубцы и так далее. Вся эта красота под стеклом. Там не набор – за-

гляденье! И отправили этому начальнику в Новосибирск, в Сиблаг, чтобы умилистить его величество...

Так вот, все управление из комендантской власти перевели на советскую власть. Когда комендатуру ликвидировали, надо было куда-то девать подсобное хозяйство, с которого кормилось начальство. И мы там купили корову за 600 рублей. В тот год многие раскулаченные уехали. А потом Кузбасс начали строить и стали туда постепенно контингент вывозить. И я как медик один раз даже сопровождала группу в пять тысяч человек! Приехали военные, объявили: кто хочет на стройку? Всю вину спишем! И все сразу записались на стройку. Лишь некоторые побоялись. Прислали пароходы с большими баржами. Людей посадили на баржи. Довезли по воде до Томска. В Томске их пересадили в товарные вагоны, в теплушки. Состав сопровождали коменданты в высоких чинах. В Кузбассе я слала всех под расписку и вернулась домой.

В 1937 году отца перевели директором десятилетки в село Подгорное. В Подгорном я работала в амбулатории – это нечто среднее между больницей и поликлиникой: уколы, банки, перевязки. Была зарплата и были пайки. В разных комендатурах по-разному давали: в некоторых – 8 кг муки, в некоторых – больше. Карточки были 1-й категории снабжения и 2-й. Папа был первой категории, получал сахар, масло сливочное, печенье. Понемножечку, но получал.

Там, в Подгорном, родились Валерий и Сталина.

А летом 1942 года мужа перевели в Колпашево. Там в 1945-м родилась Таня. В Колпашево мы поменяли три квартиры. Там мы

Одна из опасных книг отцовской тайной библиотеки.

пережили тоже много всего: случился пожар, и у нас сгорело немало имущества. Особенно жалко ценнейшие книги, которые отец собирал годами. Правилами и неправдами скупал у ссыльных литературу, за которую он мог бы поплатиться. Так, там было много дореволюционных изданий, журналов, запрещенной литературы, в том числе огромнейший и роскошный том «300 лет Дому Романовых». Нашли хотя бы его — не сносить отцу головы!

В Колпашево случилась беда с Эдуардом. У него после удара футбольным мячом в висок началась отслойка сетчатки. Мы лечили его в Москве, он лежал в лучших клиниках,

делали три операции, все наши сбережения ушли на лечение, но ничто не спасло. Эдик потерял зрение. Это наше огромное горе и наша беда. Слава богу, что Эдик оказался настолько талантливым, что не пропал, не пошел с аккордеоном по вагонам, как это было в те времена со многими незрячими, а выучился, получил красный диплом, занимался наукой, ездил в научные экспедиции, получил ученую степень. В общем, стал Человеком.

В Колпашево отец защитил кандидатскую диссертацию и стал единственным кандидатом наук. И вот опять зависть. Полуграмотные преподаватели, среди которых он был как колосс, только и ждали момента, чтобы подставить подножку. Однажды у нас в доме на отцовский день рождения собрались гости. За столом отец сказал, что не любит творчество Владимира Маяковского. Ему возразили, что Сталин его любит. Отец ответил, ну и что, зато Ленин его тоже не любил. Вот и вся его антисоветчина! Назавтра отца вызвали в горком партии.

И пошло-поехало. Девять заседаний партбюро райкома ВКП (б) по персональному делу Белимова! Знакомые переходили на другую сторону дороги. Все друзья куда-то подевались. Только один человек из всей большой компании друзей к нам и заглядывал. Да как! Когда стемнеет. Выставляли на улице караул из старших детей: не идет ли кто? Строгали, строгали, отправили дело в Томск, в обком партии. Уезжал отец пароходом, и я думала: не вернется, арестуют. Он и сам ожидал ареста.

Но уже времена немного изменились. Было начало 1950-х. Отца вызвал секретарь обкома по идеологии. Он его знал по за-

Семейное фото Белимовых-Шамраевых: 1 ряд — Эдуард, Валерий, Сталина. 2 ряд — Ольга Григорьевна, Иван Тихонович, Таня, Вера Сергеевна, Лилия. 3 ряд — Виктор и Таисия.

щите кандидатской диссертации. Тогда таких, как отец, было мало или вовсе не было. Чтобы человек из глубинки, из крестьян, из таежного захолустья стал ученым... Короче, принял он его, поругал, полистал его персональное дело, а потом вышел из кабинета и оставил отца одного. Не было его с полчаса. Тут до отца дошло, зачем он его оставил.

Отец подошел к столу, полистал дело, увидел донос и подпись под ним. Оказалось, один из его друзей, из тех, на кого и не подумаешь, написал на него.

Слава богу, что секретарь обкома не был идиотом, что время стало помягче, что уже было понимание, что не каждый донос должен заканчиваться арестом. В общем, дали отцу строгача с занесением в личное дело, тем дело и кончилось. А ведь могли и упечь!

Я была дома, когда ко мне прибежала знакомая женщина: «Вера Сергеевна! Иван Тихонович приехал! Бегите встречать!» Я кинулась, в чем была, а он уже входит в ограду.

Думаю, этот случай предательства близких друзей и послужил тому, что отец стал стремиться покинуть Колпашево. И в 1953

году мы переехали в Томск. Папа стал директором Томского краеведческого музея и на полставки преподавал в университете, на кафедре марксизма-ленинизма, а вскоре перешел на работу в политехнический институт. В 1959 году мы переехали в Новосибирск, где и заканчиваем свои дни. Много мы познали и повидали на своем веку: и беды, и горя, и счастья, и радости. И ссыльная жизнь, и досрочный уход родителей, война, пожар, уничтоживший почти все имущество, утрата зрения у сына, предательство друзей, ранняя смерть двух сыновей, но и рождение внучат, их становление, мой прекрасный сад и даже моя тихая долгая старость... Господь дал мне долгую жизнь: я уже давно разменяла десятый десяток.

Оглядывая свою жизнь, скажу, что мы не зря ее прожили: благодаря нашему союзу на свет появилось пятеро детей! Все они выросли талантливыми, образованными, умными. Каждый из них – «штучный товар»! Все завели свои семьи, и опять у всех появились свои дети. И в них – частица нашей крови, наших душ, наше продолжение...

НАРЫМСКАЯ

ТРАГЕДИЯ

В ПОИСКАХ БИОГРАФИИ

ЗАКОНЧЕНЫ воспоминания моей мамы, Белимовой Веры Сергеевны. Много лет я уговаривала ее написать их, она даже бралась за перо, написала несколько страничек в школьной тетради. Этим дело и кончилось. А потом я подседа к ней с диктофоном и стала записывать на пленку все, что она вспомнит. Набралось четыре кассеты. Работали мы с ней больше двух месяцев.

Много часов она рассказывала о своей семье и своих родителях. И мне казалось, что мы обо всем проговорили, что не осталось никаких белых пятен. И как же я ошибалась!

Потом, когда она ушла из жизни, мне было легче пережить ее кончину, слушая ее голос, расшифровывая пленки с наговоренным текстом и забывая все это в память компьютера. Вроде бы она оставалась со мною рядом и никуда не уходила, а сидела уютно рядом со мной в кабинете – здоровая и жизнерадостная, предаваясь воспоминаниям своей молодости. Эти воспоминания ее взбадривали, она оживлялась, уходя в далекое прошлое своей большой жизни.

Впервые мысль о том, что бабушка (так мы называли ее много лет) должна поделиться своим прошлым и своей историей, пришла мне еще во времена Ельцина, в начале 90-х годов прошлого столетия. Имен-

но тогда мама неведомо откуда достала старинные фото. С некоторых из них глядели молодые женщины с одухотворенными, светлыми лицами. «Дворянки!» – ахнули мы. Бабушка отрицала принадлежность к дворянскому сословию, но, поскольку что-то недоговаривала, мы были уверены: точно дворянки! Пусть обедневшие, мелкопоместные, но дворянки! У мещанок не может быть таких благородных лиц. И только потом, копаясь в своих корнях, поняла, откуда у этих молодых женщин такая одухотворенность. А потом поняла и то, отчего мама поначалу так скупно рассказывала о себе, недоговаривала, словно чего-то боялась.

Ну а теперь я буду рассказывать о том, как шаг за шагом пыталась найти информацию о своих корнях, что удалось найти и что, казалось, должно было остаться тайной.

Моей семье, так же, как и семьям моих двоюродных сестричек и братиков, не повезло со стариками. Слишком рано они ушли из жизни, и мы так и не узнали, что такое любовь бабушки или дедушки.

Начну рассказ с деда, Шамраева Сергея Степановича, отца моей мамы.

Когда я работала с маминими воспоминаниями, у меня сложилось впечатление, что своего отца она вспоминает с большей

теплотой, чем мать. Анализируя это, я пришла к выводу, что это вполне закономерно, потому что, как говаривала она сама про свою мать: «Ей, бедной, и вздохнуть некогда было. Такая семья на руках. Такое хозяйство. И хлеб выпекать надо было каждый день». А ее папа, Сергей Степанович, конечно, был более свободен от домашних хлопот и потому мог уделять детям больше внимания. А еще он проводил со своей дочкой Верой больше времени потому, что отвозил ее в другое село в школу, «в люди», на своей лошадке, и это позволяло отцу и дочке вдвоём наговориться долгой дорогой...

Как я уже говорила, ни дела, ни бабушки я не знала. Но зато, как мне казалось, уж о деле Сергее мне было все известно из маминых рассказов! Однако, для того чтобы восстановить историю его жизни, мне пришлось сделать десятки запросов в самые разные организации. На многие запросы ответы получены, но некоторые так и остались без ответа. Впрочем, начнем все по порядку.

Для начала я хотела бы узнать хоть что-то о родителях Сергея Степановича. Его отец, Степан Яковлевич, по рассказам мамы, приехал к ним в Новоцарицыно с новой женой, довольно вредной и вздорной особой, мачехой. А его родная мама умерла, будучи совсем молодой. Кто же она была, как ее звали?

делаю запрос по месту рождения Сергея Степановича, в государственный архив Воронежской области:

«Прошу принять мой запрос генеалогического характера на исследование родословной по одной линии, а именно:

Мой прадед, Шамрай Сергей Степанович, родился 25 сентября 1884 года в селе

Мамоновка Павловского уезда Воронежской губернии (Вознесенская церковь). Прошу выслать архивную справку о его рождении с указанием имен его родителей. А также по возможности прошу исследовать родословную по выпискам из метрических книг, ревизий и другим подобным документам – меня интересуют прапрадеды и их семьи: фамилии, имена, отчества их жен, имена детей, годы их рождения, бракосочетания, смерти и т. д., их сфера деятельности, социальная принадлежность и т. д.

Буду Вам очень благодарна за помощь!

Оплату гарантирую.

С уважением...»

И получаю ответ:

«Уважаемая Татьяна Ивановна!

Метрические книги и ревизские сказки по слободе Мамоновка Журавской волости Павловского уезда Воронежской губернии не сохранились по условиям военного времени.

Исходя из предоставленной Вами информации, генеалогическое исследование следует начать с отдела ЗАГС Павловского района Воронежской области и поколение за поколением, начиная со сведений о рождении Шамрая Сергея Степановича, проследить историю Ваших предков по документам отдела ЗАГС.

Руководитель Ю. В. Плисов».

Ну что ж, пишу в ЗАГС. И получаю оттуда вот такой ответ:

«На ваше заявление о предоставлении данных в отношении Шамрая Сергея Степановича сообщаем, что запись акта о рождении в архиве отдела ЗАГС Верхнемамоновского района отсутствует, архив-

Село Мамоновка, церковь Вознесения, в которой крестили моего деда С.С. Шамраева.

ный фонд не сохранен... Ваше заявление направлено в отдел обработки и хранения документов управления ЗАГС по Воронежской области, по месту хранения второго экземпляра.

Начальник ЗАГС И. В. Донских».

Пишу и туда. И из отдела обработки и хранения также приходит ответ об отсутствии записи акта о рождении Шамрая Сергея Степановича.

Ну все, круг замкнулся. Вмешалась война... А может, и революционный порыв, в котором уничтожались все записи, принадлежавшие церкви.

Да, видно, не узнать мне, как звали мою прабабку, за кого молиться и ставить свечи... Ну что ж, зато в деревне сохранилась церковь Вознесенская, в которой крестили деда.

Вот она, взгляните на нее!

Видать, велико было село, если в нем построили такое грандиозное сооружение!

Первые мои запросы остались без ответа, теперь бы узнать, в каком поселении жил «в людях» мой дед, куда его еще маленьким хлопчиком отправили учиться портняжному ремеслу отец с мачехой. Вот сколько ни смотрела на карте, сколько ни делала запросов, так и не смогла понять, в каком населенном пункте он жил в служках у портного.

По логике, это должен быть городок: в нем стояла воинская часть во главе с генералом, тем самым, что потом решил делу судьбу. Эту часть надо было кормить, снабжать – значит, поселение должно иметь и инфраструктуру, и достаточно рабочей силы... И располагался сей городок не очень далеко от Мамоновки, потому что время от времени отец все-таки навещал сына (помните, деньги у него забирал), а ведь железной дороги у Мамоновки не проходит. Вот я и смотрю на карту. Где же этот город-городок?

Решаю, что это могут быть Калач, Россошь, Богучар, Лиски, Кантемировка.

Но мой внук Гриша решил, что это слобода Бутурлиновка. А я склонна думать, что это Богучар, ведь, согласно указу Петра I, первыми поселенцами этой слободы стали казаки, проживавшие ранее в Острогожске. В Богучаре казаки создали Богучарскую сотню Острогожского полка, и даже деревянная крепость здесь когда-то была!

В общем, ценны обе версии, за них говорит и тот факт, что названия с языка не слетают. Вот, скажем, будь это Калач, нет, да и назвал бы его дед. И оно, такое «вкусное», наверняка врезалось бы в детскую мамину память... Итак, тянул лямку мой дед у портного в подмастерьях и затем,

как по взмаху палочки доброго волшебника – генерала, отправлен был в школу военных фельдшеров. И опять встает вопрос: а где же эта школа располагалась?

Куда же направил учиться моего деда генерал? Ответ на этот вопрос оказался неожиданно несложным – в тех краях, на юге России, на Северном Кавказе, было единственное училище военфельдшеров – в Екатеринодаре (ныне Краснодар)! Именно туда, в свой родной округ, и послал генерал деда.

И недаром мама нередко поражала меня рассказами о том, как богата Кубань, какие там плодородные земли, какие черноземы. Эти рассказы были яркие, с деталями.

Откуда бы ей, коренной сибирячке, знать про это? Ясно, что рассказывала она со слов своего отца, который жил и учился в этом замечательном крае.

Как мы знаем из маминых рассказов и из рассказа маминого земляка, приведенного мною ниже, дед Сергей Шамраев был очень знающим врачом, талантливым диагностом, таким, что к нему приезжали лечиться даже сами доктора из областного центра! Значит, в этой фельдшерской школе дали деду такое образование замечательное, которое позволило ему стать прекрасным специалистом.

Звоню в Краснодар, в ту самую школу, которая жива до сих пор. В школе этой

Военно-фельдшерская школа в г. Екатеринодаре, в которой учился С.С. Шамраев.

есть музей истории школы, и работает в нем прекрасная женщина, хранительница и собирательница школьной истории Светлана Николаевна Машенко. И после разговора с ней, а потом и работы в Интернете понимаю, что эта школа могла дать хорошие знания. Школа была открыта в 1879 году, еще при жизни великого Пирогова, который работал на Кавказе и как медик, а позднее и как инспектор учебных заведений. Им были даны предложения по организации системы обучения, и, надо полагать, школу организовывали его ученики и последователи, то есть представители передовой медицинской науки.

В школу принимали мальчиков, предпочтительно сыновей нижних чинов, с четырнадцати до семнадцати лет. Учащиеся жили на полном пансионе и проходили обучение в течение четырех лет. Предметы преподавания: Закон Божий, история России, география, арифметика, начальные основания геометрии, естественных наук, физики и химии, анатомия и физиология, хирургия, десмургия, механургия и учение о повязках, фармация, фармакология и рецептура, патология и гигиена, подание помощи мнимоумершим, уход за больными, практика по дезинфекции, воинские уставы, практические занятия в госпиталях, служебный и дисциплинарный уставы, русский и латинский языки и чистописание. Кроме того, преподавали основы офтальмологии, акушерства и гинекологии, стоматологии, детские болезни и даже ветеринарию. Как видите, наш предок получил довольно обширные знания в этой школе. До Великой Октябрьской социалистической революции медицинская школа готовила

фельдшеров-универсалов, которые могли на большом участке, со значительным количеством населения, оказывать любую медицинскую помощь!

Во время военных действий медицинские работники должны были не только оказывать помощь раненым в боях, но и следить за санитарным состоянием войска, гигиеной казаков, предотвращать вспышки инфекционных болезней, ведь кубанцы принимали участие во всех войнах, которые вела Россия «за Царя и Отечество». Успешно окончившие курс выпускались медицинскими или аптечными фельдшерами с обязательством прослужить по полтора года за каждый год обучения; время это засчитывалось в срок выслуги для производства в первый классный чин; на службе пользовались правами вольноопределяющихся 2-го разряда.

Школа находилась в ведении главного военно-медицинского инспектора; в ней преподавали не заштатные доктора, а врачи, прошедшие суровую школу работы в боевых условиях Крымской и Русско-турецкой войн. Обучение вели последователи школы великого Пирогова, нередко приезжали лекторы из Питера. А в числе постоянных преподавателей был доктор медицины Соколов Алексей Алексеевич, начальник школы Яков Афанасьевич Кароли. После окончания школы, согласно приказу от 1880 года, полагалось три года отслужить в армии, в строевых частях и лечебных заведениях Кубанского и Терского казачьих полков.

Форма воспитанников военно-фельдшерской школы состояла из легкой, ниже колен, черески из хорошего черного или

белого сукна. Черная, с газырями на груди черкеска, под черкеской бешмет со стоячим воротником, ремень с серебряным резным набором, на нем – кинжал. Для повседневной носки – гимнастерка или китель со стоячим воротником, папаха, на плечах – погоны. Папаха (кубанка) словно прибавляла воспитанникам роста. Садись за высокие столы для взрослых, снимая папаху, – над столами торчали носы да уши.

Этот кусок истории жизни моего деда, Сергея Степановича, ясен и понятен. Теперь надо понять, как и когда же он оказался в Петропавловске.

Тут не обойтись без арифметики. Если дед родился в 1884 году и лет в пятнадцать-шестнадцать попал в эту школу, стало быть, он ее окончил примерно в 1904 году. Плюсуюем три года обязательной работы в военных лазаретах – получаем 1907 год.

НА ВСТРЕЧУ СУДЬБЕ

ПОДТВЕРЖДАЕТ мои расчеты и книжечка, на которую ссылается исторический архив Омской области. Это книжка по истории здравоохранения в Борисоглебском районе. Цитирую ее: «...Окончив в 1907 году военно-фельдшерскую акушерскую школу, он (Шамраев) служил легпомом при Александровском полковом лазарете».

Тут необходимо сделать еще одно отступление. Дед проучился четыре года, отработал, как и положено, еще три и только тогда стал фельдшером, получив соответствующий документ.

Но, для того чтобы получить еще и первый классный чин, ему необходимо было отработать на военной службе шесть лет, то есть для полной выслуги делу не хватало еще трех лет! Вот при каких обстоятельствах дед начинает служить при Александровском полковом лазарете. Ох и дался же

Г. Александровск, ныне Запорожье.

мне этот Александровский полк! Сколько месяцев я шарила на просторах Интернета, чтобы найти полк с таким названием!

Но, сколько бы я ни искала, выходило, что был в России только один Александровский Семеновский лейб-гвардии полк, расквартированный в Санкт-Петербурге. Но я же не сошла с ума, чтобы думать, что скромный выпускник из южной провин-

Военный госпиталь. Петропавловск.

ции получит назначение аж в самую столицу и в самый знаменитый, прославленный со времен Екатерины полк, и продолжала задавать бесполезные вопросы и «Яндексу», и военным историкам, и членам исторических обществ.

Пока меня вдруг не осенила самая простая, лежавшая на поверхности идея: а вдруг Александровск – это населенный пункт? Делаю запрос – и пожалуйста, вот он – город Александровск Екатеринославской губернии. Начало городу дала военная крепость, в которой находятся два полковых лазарета... Все ясно! Так вот где дед отработывал необходимые годы, чтобы выполнить обязательство прослужить по полтора года за каждый год обучения. Между прочим, Александровск в 1921 году был переименован и стал называться городом Запо-

рожье. В то время, когда дед находился на военной службе в Малороссии, в Александровске было примерно 60 тысяч населения. Здесь была развитая промышленность, работали библиотеки. Так что дед не работал в полевых условиях, а худо-бедно служил в городах, где совсем другая культура. Думаю, это обстоятельство плюс личностные качества и сыграли свою роль в становлении деда и как профессионала, и как культурного человека.

Когда подошел к концу срок отработки, Сергей Степанович принимает решение демобилизоваться, тем более что здоровье его пошатнулось, в легких открылась каверна, начался туберкулез. Возможно, сказались полусиротское детство, казарменное житье в школе, лечебная работа среди больных солдат. В то время туберкулез был доволь-

но распространенной болезнью. Им болели и дворяне, и разночинцы, и крестьяне. Как известно из истории медицины, еще в начале XX века не очень понимали, как уберечься от заразной болезни, и было очень мало средств профилактики. Туберкулез лечили в ту пору в основном сухим климатом и хорошим, полноценным питанием. Деду посоветовали отправиться жить в Казахстан, на кумыс. Он так и поступил. Примерно в 1911 году он меняет свою судьбу и приезжает в казахские степи. И можно только гадать, где и как он служил и работал вплоть до 1913 года.

Возможно, он приехал в одну из двух кумысолечебниц, которые открылись в начале XX века на территории современного Казахстана. Одна из них работала в Боровом, другая – на станции Берчогур, в 260 км от Актюбинска, очевидно, где-то здесь и лечился с погода наш дед. А скорее всего, он сразу попал в Петропавловск, работал и подлечивался кумысом, покупая его у казахов.

Ведь именно в этом городе встретились и полюбили друг друга моя бабушка Александра Григорьевна и мой дед.

Казалось бы, приведенных сведений достаточно для того, чтобы понять, как соединились их судьбы. Но когда мы, а это моя дочь Светлана, мой внучатый племянник Александр Ключников и внучек Санек, приехали в Петропавловск, чтобы познакомиться со своей вновь обретенной родней – такими же, как и мы, потомками священников Патрушевых, то встретились с замечательным краеведом Лидией Филипповной Мелехиной. И когда она нас повела на прогулку по городу, по историческим

местам, по тем, где, как мы предполагали, могли жить и работать Патрушевы, то мы потрясенно обнаружили, что наши предки не могли не встретиться: все значимые для них места находились в радиусе 500 метров друг от друга!

Так, и женская гимназия, в которой работал священник Александр (родной брат моей бабушки Александры), и храм, в котором он служил (Васильевская старокладбищенская церковь), и военный госпиталь – все это находилось на одном крошечном пятачке. И, как мы позже узнали, и дом одного из Патрушевых – то ли самого прадеда, Григория Максимовича, то ли его старшего сына Александра – тоже находился на этом пятачке, на улице Театральной! Я так и представляю, как на воскресной церковной службе встретились глазами красивый молодой мужчина и юная стройная девушка с нежным, задумчивым взглядом или как молодой доктор пришел по вызову в дом к священнику, где и встретил свою будущую супругу.

Так или иначе, но в 1914 году молодые люди поженились. И, думаю, как человек женатый, Сергей Степанович решил получить более самостоятельную и более оплачиваемую должность. Как раз в то время под Омском (а Петропавловск находился тогда в Омской губернии), в селе Новоцарицыно – новом селе, созданном по столыпинской реформе, создавался медицинский пункт. Пункт должен был обслуживать жителей двух волостей: Новоцарицынской и Эбейтинской. Вот возглавлять этот пункт и был назначен дед все в том же 1914 году. Молодые люди уехали по новому назначению. В подарок молодой чете отец моей ба-

бушки, Григорий Максимович, презентовал большой ковер, пальто на котиковом меху и триста рублей. В общем, бабушка моя, сельской и младший ребенок в семье, не была бесприданницей.

В главе «Воспоминания моей мамы» есть фотография села Новоцарицыно начала XX века. Это в основном типовые дома, которые отстроила царская Россия для своих новоселов, переселенцев из центральных и южных регионов России. Новый дом ждал и заведующего медпунктом.

Где-то здесь и дом-амбулатория моего деда. Вот так и началась семейная жизнь молодой четы Шамраевых.

Конечно, приезд интеллигентной четы, да еще и такой нужной в селении, в округе стал очень значимым событием. В амбулаторию потянулись люди. Работы хватало, ведь дед работал на две волости, на шесть населенных пунктов. Работы хватало и бабушке: она окончила в Омске курсы акушерок и принимала роды.

Жизнь в Новоцарицыно с 1914 по 1930 год – самый счастливый период жизни семьи Шамраевых. И потому, что это был очень удачный союз, основанный и на любви, и на трезвом расчете. Ведь к моменту женитьбы моему деду было уже 30 лет. Думаю, если бы не вмешавшийся в его жизнь туберкулез, дед женился бы раньше, сразу после демобилизации из армии, и тогда он

не повстречался бы с моей бабушкой... К своим тридцати годам за его плечами была совсем не простая жизнь: полусиротское, в людях, детство, казарменное житье в военшколе, работа в военных лазаретах и холостяцкое там существование. И встреча с девушкой из большой дружной семьи, которая наладила его быт, была, конечно, большой отрадой в его жизни. Думаю, что после крикливых, горластых мешанок из южных провинций дед смог по достоинству оценить и воспитанность девушки из священнической семьи, и ее выдержанный, спокойный характер уроженки севера.

Судьбой им было отмерено провести вместе всего 28 лет. Но это были годы, полные любви, семейного лада, взаимопонимания и нежной заботы. Уже на будущий год, в 1915 году, родилась первая дочка – это и была моя мама. А всего в семье Шамраевых было пятеро деток: четыре девочки – Вера, Таисия, Еликанида (Леля), Надежда и сын Виктор, родившийся в 1929 году. Время было суровое: Первая мировая война, принесшая большие тяготы для народной жизни, Гражданская война, революция с ее социальными потрясениями, переустройство всего жизненного уклада, общее снижение жизненного уровня – но все это не мешало им быть счастливыми, созидать, растить и воспитывать детей в сознании счастливо-го детства.

... **Л**ИШИТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ВЫСЕЛИТЬ...

К МОМЕНТУ приезда в Новоцарицыно у деда было практически десять лет службы в медицине – именно столько прошло после окончания военшколы.

То есть на село приехал очень опытный, бывалый доктор, пусть он и назывался фельдшер. Его профессионализм ценили не только сельские, но и медики в районном и даже в областном центре. Вспомните, как мама писала, что нередко в райцентре в больнице ждали: вот приедет Сергей Степанович, как он скажет, так и будет!

Был он таким диагностом, что, по рассказам мамы, даже сами доктора приезжали к ним домой, чтобы Сергей Степанович посмотрел их и поставил им, дипломированным врачам, правильный диагноз. Так что авторитет у моего деда был огромный. И он как никто другой соответствовал слову: место красит человека, а человек – место.

Вот эти свои слова я хочу подтвердить и личными впечатлениями. Летом 2013 года, вскоре после смерти мамы, я расшифровывала диктофонную пленку с маминими воспоминаниями. И до того мне захотелось побывать на ее родине, что я в несколько дней собралась и поехала! Спасибо Лилии, моей сестре, которая, узнав, куда собираюсь рвануть и что у меня возникают трудности с тем, как добраться до села, где

нет железной дороги, сказала: «У нас же в Омске внук Александр, а у него – машина. Вдруг он тебя подбросит?»

Сестрин внук Александр, а мой внучатый племянник, оказался совершенно замечательным молодым мужчиной, который проявил самый живой интерес к своим корням, встретил меня на вокзале в Омске, и мы поехали на мамину родину, в Новоцарицыно. Здесь нас поджидали директор средней школы Вера Васильевна Рыжкова и директор школьного музея Людмила Борисовна. Они очень радушно приняли нас, показали школьный музей, рассказали историю села и устроили встречу со старожилом, Ильей Ефимовичем Белоусом. С огромным волнением шли мы по улице Центральной – именно так называлась улица в то время, когда здесь жили Шамраевы, так она называется и сейчас. Где-то здесь ходила в церковь моя прабабушка, бегали по улице моя мама и мои тетки, тут трудились мои бабушка и дед. Родная, родная, родная земля!

Илье Ефимовичу, к которому мы зашли в дом, было 92 или 94 года, но он был в ясном уме и здравой памяти.

– Вот, Илья Ефимович, – сказали ему женщины, – знакомьтесь, это внучка одного доктора, который здесь работал.

– Какого такого доктора? – неожиданно резко вскинулся Илья Ефимович. –

Старожил Новоцарицыно, помнящий нашего деда, Илья Ефимович Белоус и Татьяна Ивановна – автор этой книги.

Здесь был только один настоящий доктор! Шамраев! А после никого рядом не стояло!

– Так это и есть мой дед! – радостно и торжественно воскликнула я.

– Я его хорошо помню, – рассказывает, уже успокоившись, старожил, – Шамраев все знают. Он хороший доктор был. После него таких докторов не было. Он доктор старой закалки был, царской. Его все хвалили. Все, кто его знал, любой скажет: такого доктора больше нет!

Он говорил, а я подсчитывала в уме: дед уехал из села в 1931 году, сейчас – 2013-й. Значит, минуло... страшно сказать – 82 года! Каким же удивительным человеком и врачом был мой дед, если спустя восемь десятилетий его имя до сих пор стоит первым в памяти человека!

Так что мама моя, рассказывая о своем отце как о медике, ни капельки не преувеличивала!

А Илья Ефимович рассказывал, что было ему лет 10, когда повредил ногу и попал на

прием к деду, и вспоминал, как принимал его дед. «Обходительный был такой. Беседует хорошо, как со взрослым. И так обращался просто. Я два раза у него был. Он мне ногу выправил, бинтовал. Он не походил на местных. Он культурный такой был... После него таких уж не встречал. А какой внешне? Ну, такой, среднего роста...»

Конечно, двух визитов мальчишки маловато для создания мнения о враче. Ясно, что Белоус высказывал нам сложившееся устойчивое мнение односельчан...

Работы для фельдшера Шамраева было много. Вот выдержка из его доклада:

«О состоянии работы Новоцарицынского медпункта 10.04.1924: Новоцарицынский медпункт обслуживает всю бывшую Новоцарицынскую волость и 7 аулов Эбейтинской. Месячный амбулаторный прием больных – от 350 до 400 человек».

Жизнь семьи шла ладно. Через какое-то время построили новый дом на территории усадьбы: семья-то разрослась, и для амбулатории нужно было помещение попросторнее. И, как это часто бывает в дружных семьях, к ним стали подтягиваться родственники. Примерно в 1923 году приехал Степан Яковлевич Шамрай с Еленой Михайловной – мачехой, той самой, которая не захотела жить с пасынком. Они стали жить в старом доме, который, между прочим, сохранился, до сих пор стоит на территории усадьбы и который вы можете видеть на этом фото.

Этот самый Степан Яковлевич, по маминим словам, был красивым и высоким. Помнит Степана Яковлевича и наш старожил: «У него во дворе старик, такой сивый, высокий, ходил – отец его...»

Примерно в 1921–1922 году в Петропавловске умер отец Александры Григорьевны. Его вдова, моя прабабушка, могла остаться в Петропавловске со старшими детьми, но, очевидно, потому, что в Новоцарицыно ее самая младшая дочка обзавелась детишками и нуждалась в ее помощи, приехала жить в семейство Шамраевых. Вот какая большущая семья образовалась у моего деда! Несмотря на трудности времени, семья жила сытно и была худо-бедно одета и обута. Дед получал свое скромное жалованье, не то что в царские времена, но выручала земля: сеялась пшеница (отруб составлял 2,2 десятины; десятина – 1,09 гектара), был огород, держали скотину. Очень пригодилось умение деда шить. На своей зингеровской машинке он шил одежду и даже шубки своим ребятам. В семье царили лад и любовь. Это была трудовая жизнь сельской интеллигенции. Дед нередко выезжал на своем коне на вызовы, в казахские поселения, принимал в амбулатории, которая располагалась в этом же доме, а бабушка не только ташила на своих плечах большое хозяйство, ежедневно пекла хлеб, стирала, готовила, но и принимала роды, не получая за это денег. Крестьянки платили ей натурой по принципу: кто сколько может. Но бабушка обожала эту работу и бежала к роженице в любой час со своим сундучком, даже если ей нездоровилось.

Выписывался толстый журнал, по вечерам сидели за самоваром под лампой с большим абажуром, читали вслух. Самая старшая в семье, моя прабабушка Екатерина Васильевна, привычно плела свои вологодские кружева, много читала. В основном это были церковные кни-

Старый флигель усадьбы Шамраевых в селе Новоцарицыно, чудом сохранившийся в овраге. Новый дом до наших дней не дождался.

ги. Напомню, что бабушка была глубоко верующий человек, ведь она происходила не просто из верующей семьи, а из потомственных священнослужителей. И вот здесь я опять хочу перенести читателей в наше время.

Илья Ефимович Белоус подсказал нам, где находилась усадьба деда. На ее месте не так давно выстроил дом для своего сына житель села Владимир Иванович Волков.

Идем к нему в гости. Владимир Иванович «принимал» нас возле своей ограды, не приглашая в дом. Но говорил охотно. Непростой человек Владимир Иванович. Одновременно и сельский интеллигент, увлекающийся историей, собирающий документы и книги по краеведению, и человек, который никакой выгоды не упустит. Владимир Иванович познакомил нас с книжкой по истории развития медицины в районе, где были сведения и о деде как об основателе медицинского обслуживания в селе, рассказал, что всего несколько лет назад он

Икона Пресвятой Богородицы «Боголюбская», найденная в развалинах дома Шамраевых в Новоцарицыно.

самолично сносил старую амбулаторию – дом моего деда – и вывозил из ограды обломки самана. Это было делом трудоемким, работа длилась много дней, когда среди обвалов он увидел кусочек зеленоватого металла. Когда дошла очередь и до этой груды, он извлек из нее... Тут он загадочно замолчал: «Погодите-ка!» – и пошел в дом. Из дому он вышел, неся на ладони небольшую литую икону. Это было изображение Богородицы с необычным сюжетом: без младенца.

«Бабушкина икона!» – ахнула я в душе, но вслух ничего не произнесла и хорошо сделала, потому что Владимир Иванович

с большой опаской показывал нам икону, держа ее в своих руках так, словно боялся, что мы ее вырвем у него. Конечно, речи о том, чтобы попросить икону подарить или продать нам, и возникнуть не могло. Она была в самом плачевном состоянии. Мягкий металл помят, по лику – потертости, а в двух местах: на шее и над головой – вообще дырки насквозь.

Икону я сфотографировала в уверенности, что она «наша». Конечно, оставался маленький червячок сомнения: вдруг икону потеряли те, кто жил после наших в этом доме? Но против этого возникало сразу же немало доводов. Во-первых, новые медики захали в дом-амбулаторию лишь через несколько лет после наших. С маминых слов я знаю, что руководитель райздрава специально несколько лет не назначал в Новоцарицыно медика, чтобы люди поняли, какого врача потеряли. Значит, в амбулаторию въехали в середине 1930-х годов. Это были годы гонений и преследований религии. Боялись всего. И привезти икону в амбулаторию было опасно. Кроме того, скорее всего, приехали сюда выпускники Омского медреса, того самого, где училась ранее и моя мама. А молодые люди того времени были уже вполне воспитаны в духе безбожия и атеизма. Икона им ни к чему. А вот наши вполне могли ее затерять при поспешных сборах в нарымскую ссылку. И сколько же хлопот доставила мне эта икона! Ведь мне непременно надо было установить ее принадлежность и происхождение.

И начались поиски. Надо было установить хотя бы, как называлась икона. В Интернете идентичного изображения Богородицы не оказалось. Иду к антикварам, они

говорят: икона в плохом состоянии, больше тысячи рублей не стоит. А название иконы? Плечами пожимают.

Обращаюсь к знакомому батюшке, кандидату теологических наук, игумену Феодосию. Он прислал мне по электронке обстоятельный ответ. Привожу его частично:

«...Данная икона является частью триптиха – Деисус, что означает моление. В центре иконы находился Спаситель на троне, слева – сохранившаяся Богородица, справа – Иоанн Креститель... Данная икона является фрагментом семейного или личного походного иконостаса. Чаше всего такие иконы были дорожным благословением, которое брали с собой в путь, разворачивая в нужный момент, ставили свечу и молились... Данная икона состоит из медно-латунного сплава, причем медь составляет большую долю в процентном соотношении, о чем говорит красноватый медный цвет... Буквенная славянская вязь говорит о том, что это именно образ Богородицы, молящейся своему Сыну.левой рукой она держит свиток, в котором представлен известный Евангельский отрывок из ответа Богородицы на приветствие Архангела Гавриила – «Яко сотвори мне величие Сильный и Свято имя Его... отныне ублажат мя вси роди...».

Данное изделие не является индивидуальным предметом творчества, а есть продукт артельной или заводской работы, предназначен не для богатых, а для широких слоев населения...»

Да, много сказано, но ответа на вопрос нет...

Обращаюсь к знакомому иконописцу, Татьяне Луневой. Она-то первая и подска-

Директор Новоцарицынской средней школы Вера Рыжкова и Владимир Волков, нашедший нашу семейную икону.

зала мне название иконы – Боголюбская. Сказала, что, судя по большому содержанию меди в сплаве, икона сделана на Урале или на Севере. Это меня очень устроило. Ведь, если это Север, то икона точно наша, из Архангельской или Вологодской области. Искусствоведы из художественной галереи подтвердили название и определили примерный возраст – лет 250. Но самый точный и вдохновляющий ответ на все мои вопросы дали искусствоведы с нашей исторической родины. Когда мы на следующий год были в музее Великого Устюга и показали фото иконы, они, едва взглянув, определили: «Это наша икона! Тут таких много.

Их делали в соседней области, там и медные разработки...»

Ну, вот так-то! Целый год работы, десятки запросов наконец увенчались успехом. Наша это икона! Патрушевых! Прабабушкина! Ах, теперь бы заполучить икону назад, забрать бы ее у Владимира Ивановича. Но, сколько я ни писала ему, сколько ни звонила, сколько ни убеждала продать, все было бесполезно.

Фотографию иконы я размножила, заламинировала, освятила в храме и раздарила всей родне. И, удивительно! Эта фотография перестала быть просто фотографией, а стала чутко отзываться на молитву, как и полагается старой, намоленной иконе! Так что, Владимир Иванович, у вас теперь просто кусочек сплава меди и латуни...

Ну а мы пока снова идем на Центральную улицу, теперь уже по точному адресу, данному нам бесценным Ильей Ефимовичем. Вот она, ограда вокруг усадьбы и отчего дома моей мамы. А где же сад? Где тополя, которыми была обсажена ограда? А то, что они были, лишний раз подтверждает письмо Ильи Ефимовича, которое он написал мне в ответ на мою просьбу рассказать все, что он помнит о нашей семье. Вот одна из выдержек: «Село было большое, а деревьев было мало. У дома Шамрая с северной стороны росло четыре тополя, а с западной – два тополя, с южной был сад, в котором по краям были тополя, а внутри – яблони и другие фруктовые деревья. Это был один сад на всю деревню».

Безжалостное время ничего не пощадило, за 80 лет высохли яблони и черемуха, и только скелет одного умирающего тополя молча свидетельствует о былом. Здесь сто-

ял саманный, железом крытый дом со ставнями. А вот земля, которая лежит за этой оградой, наверное, помнит своих первых поселенцев. Пытаюсь себе представить маленькую девочку, беззаботно бегающую во дворе, дела в очках и белом халате, деловито идущего вдоль дома, бабушку, идущую с подойником молока в дом... А еще я так и вижу, как семейство сидит погожим летним днем под яблонькой за самоваром и ведет беседу... Здесь текла жизнь большой дружной семьи, которая целых шестнадцать лет творила здесь добро и несла культуру...

Конечно, это были непростые годы. На них пришлось и Первая мировая война, и революция, и Гражданская война, и колчаковщина. И эти события не могли не отразиться на уровне жизни народа и этой отдельной семьи.

А потом началась коллективизация. Еще в 1928 году дед передал в собственность колхоза свой дом, лошадь, корову. У него в хозяйстве остался самый минимум живности, едва ли достаточный для семьи из девяти душ! При этом следует принять во внимание, что жалованье получал только он, а остальные восемь человек были на его содержании.

Вот у меня документ, выданный 26 июня 1930 года Ново-Царицынским сельским советом. Этот документ написан карандашом на пожелтевшей от времени бумаге, и потому отсканировать его с хорошим качеством не могу. Привожу его текст: «Справка дана в том, что имущественное положение отца гр-ки Шамраевой Веры Сергеевны, Шамраева Сергея Степановича следующее: по хоз. № 110 Новоцарицынского с/совета посева за 1930–1931 год числится 2,25 десяти-

ны. Лошадей – 1 и подросток от 2 до 4 лет, 2 головы коровы и 1 подтелок от 1–2 лет, 1 овца и 1 ягненок. Справка дана для предъявления по продолжению образования, что удостоверяется.

Председатель сельсовета Леонов, секретарь Мокеев».

Как видите, не богато. Без лошади крестьянское хозяйство – не хозяйство, тем более что деду лошадики были нужны и для служебных надобностей, для посещения больных в селах и казахских аулах. Для молодых своих читателей сообщаю отдельно, что в советское время даже существовал термин «безлошадное крестьянство», что обозначало крайнюю бедность крестьянина. Ни вспахать, ни на покос съездить, ни дров заготовить. А как без этого прожить в деревне? Так что лошади были практически в каждом дворе и никак не считались за богатство, за кулачество. Так же, как и корова-кормилица. Куда без нее? Счастье, когда корова приносит телочку, – значит, будет мясо. И ничего чрезмерного не было в том, что у деда на момент написания справки были и корова, и подтелок. Нормально это! А хозяйства отчаянной, безлошадной бедноты были наперечет и, как правило, принадлежали спившимся мужикам или отчаянным бездельникам. Именно они всю жизнь завидовали крепким мужикам и ненавидели их. И именно они первыми получили пропуск в новую жизнь после революции. Бедняк? Проходи! Нашим будущее! Вот тебе печать, вот тебе директивы, управляй!

Вот таким и не давал покоя дедов образ жизни, отличный от прочих деревенских жителей. Немало злобных хохлушек (в Новоцарицыно приехали по столыпинской ре-

форме в 1906 году беднейшие выходцы из Малороссии, чему подтверждение – название улиц села: Донская, Полтавская) ярилось, когда семейство в жаркий день обедало или ужинало не в душном доме, где не знаешь, куда деваться от мухоты, а на вольном воздухе, под сенью посаженных дедом деревьев.

– Ишь, बारे, у садку чаи распивают! – завистливо злобились. Как будто им самим кто-то мешал вынести стол с самоваром на улицу, посадить деревца. Ведь на Украине, откуда они в большинстве своем прибыли, было заведено чаевничать «у садку». Но зависть логике не поддается. Когда началась коллективизация, когда начали выселять из села кулаков, кто-то донес и на деда. И после выселки самых богатых кулаков во «второй эшелон» попал и наш дед, фельдшер. И обрекли его на ссылку не только коммунисты и чекисты, но и те самые жители села, которых он спасал и лечил целых шестнадцать лет! Вот архивная справка из исторического архива Омской области:

«На основании постановления общего собрания членов сельскохозяйственной артели «Красная Сибирь» Новоцарицынского сельского совета от 11.05.1931 хозяйство Шамраева Сергея Степановича отнесено к явно кулацким «как эксплуатировавшим наемный труд и за его счет расширившим свое хозяйство». Это выписка. А вот текст самого постановления, написанного той же рукой, что и мамина справка.

«Постановление

Учитывая вполне вред, причиненный сов. строительству кулачеством, и считая необходимым выселение таковых из пределов сельсовета и района, а также наличие

выявленных ранее кулацких хозяйств, постановили считать необходимым выселить ранее не выселенных лишенцев:

1. Чернышеву, 2. Чуракову Анну, 3. Зинченко, 4. Пропкевич Анд., 5. Петрова Федосия, 6. Петрова Григория.

А также лишить избирательных прав и выселить как вновь выявленные кулацкие хозяйства Шамраева Сергея Степановича как эксплуатировавшего батрака и батрачку с 1926 по 1928 г. включительно, непрерывно. За эксплуатацию сепаратора был обложен индивидуально 1929–1930 гг. В 1928–1929 гг. посева имел 21 десятина. Платил налог с 18% надбавкой. С 1922 по 1929 гг., проживая в Новоцарицыно, эксплуатировал под видом родственника своего отца (!). Кроме этого, имел подростка под видом приемыша, которого эксплуатировал с 1923 по 1926 гг. Будучи фельдшером, в 1928 г. эксплуатировал для своих надобностей амбулаторную прислугу. Одновременно с с/х занимался частично фельдшерской практикой. Был советчиком всех кулацких хозяйств. В 1928–1929 гг. имел: лошадей – 4, крупный рогатый скот – 4, овец – 26 шт., налог – 208 руб. 65 коп.».

Вот такие «преступления» вменялись в вину моему деду. Особенно цинично и прямо по-иезуитски выглядит обвинение, что дед эксплуатировал под видом родственника своего отца.

А чего стоят слова «занимался частично фельдшерской практикой», как будто это было не основным его делом, а так, для удовольствия. А между тем именно фельдшерская работа вынуждала моего деда нанимать людей в помощь для ведения крестьянских работ. Ведь он же не был крестья-

нином. Когда было ему, ведущему прием в амбулатории, разъезжавшему по селам и аулам, где приходилось порой задерживаться по нескольку дней, особенно в период эпидемий, заниматься сельхозработами: пахать, сеять, косить? И, конечно же, он нанимал для этой цели людей, готовых подзаработать. Ясно же, что дед не был никаким эксплуататором и кулаком, а просто стал предметом зависти и ненависти кого-то из селян, и этому завистнику было просто уничтожить Шамраева, воспользовавшись проводимой кампанией борьбы с кулачеством, и дело было сфабриковано. Приплели сюда и сепаратор, и налоги, и приемыша. Причем обвинение, касательное приемыша, скорее всего, вообще ложное, потому что ни в воспоминаниях моей мамы, ни в воспоминаниях бабушкиной сестры, тети Оли, которая дожила до 1968 года, ни разу приемный мальчик не упоминался. Чисто гипотетически такой мальчик мог появиться в семье, ведь бабушкиных братьев – троих священников – репрессировали, и их дети могли остаться без опеки, и дед с бабушкой могли бы кого-то из них взять под свое крыло. Но в таком случае об этом бы непременно кто-то да рассказал. Ведь кроме моей мамы у деда с бабушкой было еще четверо детей, с которыми мы часто встречались и много общались. И будь в их семье какой-то мальчишка-приемыш, который несколько лет жил с ними, они обязательно рассказали бы. Но никто из них никогда не упоминался вместе с ними! Так что, скорее всего, приемыш был придуман в «довесок», для утяжеления обвинительных аргументов, которых явно не хватало. И завершить доказа-

4

7

Н о с т а н о в л е н и е

Кем был вносим был признан
 в. ступеней в кулацком и ступеней
 необходимых выселение таковых из
 деревень с/об. и района, а так же наличие
 доведенных ранее кулацких хоз-в
 необходимых ступеней необходимых
 ранее не выселенных жмещев
 Керманшеву, 2) Курманову Анну 3) Зинченко
 4) Кривенко Андр., 5) Петров Федосей
 Петров Григорий

А так же ступеней избирательных
 прав и выселить, как выше выделены
 кулацкие хоз-ва

Шамраев Сергей Степанович как жмещев
 проживавший в Батраки и Батраки с 1926 по 28
 жмещевно, непрерывно. За жмещевацию
 старатора был обвинен индивидуальным 29.30
 1928/29 по севе и миди 29. жмещев навоз с 18%
 адбавкой. с 1929 по 1929. жмещев в Н-Царич
 сепараторов под видом родевинки
 всего отца. Кроме этого имел подростка
 под видом прислужника которого жмещевир
 1929 по 1929. Будучи обвиненным в 1928
 сепараторов дивных надобностей
 избирательных ступеней. Особливо
 с/х жмещев частно жмещев и жмещев. был
 в жмещев всех кулацких хоз-в. В 1929/30 жмещев
 жмещев 4 жмещев. рол. слог 4 жмещев. 2 жмещев. жмещев 208 рб

Постановление о признании Шамраева кулаком.

тельную базу виновности моего дела было призвано последнее обвинение: «Был советчиком всех кулацких хозяйств!» Значит, должен был дел лечить людей по классовой принадлежности? Богач, кулак? Уходи отсюда! Не буду лечить ни тебя, ни твою жену, ни твою бабу, ни твоих детей! Так, что ли?

И дополняет дикость этого облыжного постановления «опись всего конфискуемого имущества выселяемых кулаков Н-Царичинского с/совета». Читайте архивные данные. А фото этой описи я тоже приведу:

- Шамраев Сергей Степанович:
- Пшеница – 80 кг – 5 руб.
  - Мука – 168 кг – 11 руб.
  - Горлироб – старый – 3 руб.
  - Комод – 1–2 руб.
  - Стулья – 5 – 1 руб. 50
  - Стол – 1 – 1 руб. 50
  - Калушка – 2 – 2 руб.
  - Картофель – 400 кг – 2 руб. 05
  - Корова – 1 – 25 руб.
  - Телок – 1 – 5 руб.
  - Сепаратор – 1 старый – 10 руб.
  - Подушки – 2 – 2 руб.
  - Шуба – 1 – 10 руб.
  - Кровать – 1 желез. – 3 руб.

Видите, какие несметные богатства отняли у моего деда, признанного эксплуататором, какой вред он нанес советскому строительству?!

Пишу эти строки, а в душе все кипит от обиды за свою семью, за несправедливость, за издевательство над хорошим человеком! За те невзгоды и ужасы, на которые на долгие годы обрекли ни в чем не повинное семейство эти люди.

Раньше я думала, что дела подвергли репрессиям по команде из органов, но чем глубже погружаюсь в материал, чем больше размышляю, чем больше мне становится известно фактов, тем увереннее прихожу к выводу, что именно кому-то из начальственных односельчан стал поперек мой дел. Ведь именно к его дому заворачивало проездом районное, а то и областное начальство. Начальники райздрави, главные врачи приводили в делов дом и своих партийных и советских боссов, когда ездили совместно на всякие конференции и совещания. Заезжих домов, кофеен, чайных по дороге не было, а нало было и согреться, и дать отдых лошадям, и перекусить. Делов дом располагался на улице Центральной – на главной трактовой дороге, и заезжали сюда именно потому, что их встречал культурный, интеллигентный дом. Мама рассказывала, что в иной день, накануне больших совещаний в районе или области, к ним в дом наезжали по две-три брички! Нередко заходило сразу несколько человек. Сбрасывали свои барчатки, тулупы и садились вокруг самовара. Бабушка встречала важных гостей во всеоружии. Специально для них пеклось сухое печенье, которое складывалось в большую картонную коробку и хранилось на печке-голландке под самым потолком. На самовар сверху набрасывалось чистое полотенце, в которое клались яйца. Закипел самовар, и яйца на пару сварились! Доставалось сало, а иногда и домашняя колбаса. Радушный прием хозяина дополняла культурная атмосфера: хозяйка дома была и хорошо воспитана, и образованна, умела и подать, и накрыть на стол, и беседу подержать.

Думаю, именно эти визиты и служили предметом зависти местных начальников – председателя сельсовета и председателя колхоза. А почему не к ним заворачивали брички из района? Как я уже говорила, местные деревенские начальники были по своему происхождению из крестьянской бедноты, из люмпенов, да в этой деревне и не было других. Ведь все они – украинская безлошадная гольтьба, потому что справные хозяева не поехали бы с благодатной украинской земли в холодную Сибирь. А беднота того времени – это малограмотность, невежество, бескультурье. И хотя в Сибири у них появились и земельные наделы, и свой кусок хлеба, а многие стали и вполне зажиточными, но менталитет-то остался прежним. Свой привычный жизненный уклад, свое мировосприятие они привезли и в Сибирь. Так что и хозяйство свое многие из них вели по старинке, «по-черному», во многих домах еще подавали еду в общей миске, и полы были земляные. И зависть к тем, кто умеет организовать свой быт лучше, особенно сильна в этой среде.

Так что, когда пролетка с начальством въезжала в село, перед ее селками не вставал вопрос, к какому дому завернуть. Конечно, в селе еще был дом священника, но общаться с ним было никак нельзя советским чиновникам, был богатый дом мельника, человека образованного и достойного, но женатого на такой неряхе, запустившей дом до такой крайности, что туда и войти-то было противно, а не то что там угощаться. Была еще учительша. Но она была женщина одинокая и скудно жившая, и навещать ее было бы не с руки.

Так что ледов дом, дом сельского интеллигента, был единственным, куда могло захватить начальство по пути. Сравнения с домом моей бабушки никто в этом селе не мог выдержать. Он был для многих образцовым не по богатству своему, а по культуре. Недаром же, когда бабушка приглашала деревенских девушек лепить пельмени на зиму, девчата приходили как на праздник, принаряжаясь и прихорашиваясь, радуясь возможности побывать в культурном месте! Вот и завидовали, вот и злились местные царьки на леда за то, что не к ним сворачивали брички из райцентра. А тут еще и жены подначивали: «Ишь, баре! У садку чай распивают!» Вот и выместили на нем эту злость и зависть, когда началась коллективизация, а вместе с ней и раскулачивание. И придумали-то обвинения по своей тупости и малограмотности нелепые, невразумительные и критики не выдерживавшие. Но времена были такие, когда лес рубят – шепки летят.

Прошло восемьдесят пять лет. И вот теперь совершенно случайно, благодаря тому, что два документа: справка, выданная маме в техникуме, и постановление сельсовета – оказались рядом на моем столе, сразу бросилось в глаза, что написаны они одной и той же рукой! Вот так мне стали известны по меньшей мере две фамилии односельчан, причастных к злодейскому действию над нашей семьей. Это секретарь с/с Мокеев и председатель с/с Леонов.

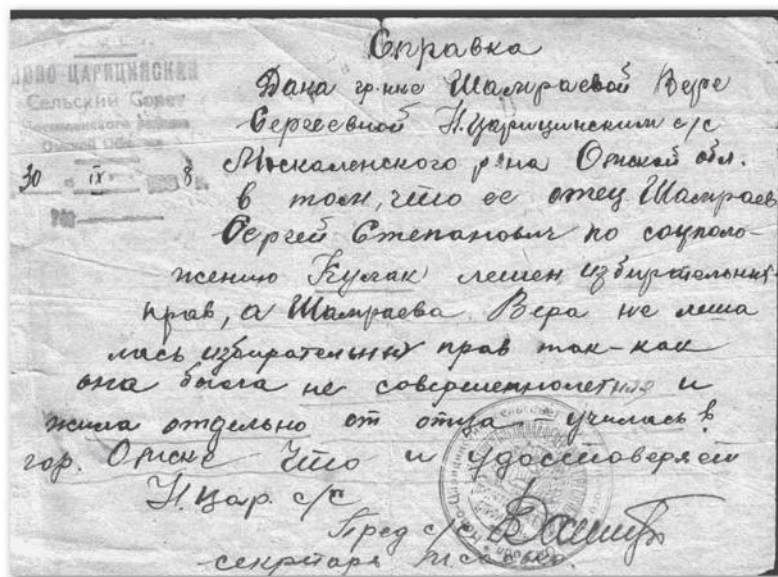
Кто-то скажет: виноваты не они, а собрание, то есть все жители села, они же проголосовали за выселение леда! А я как человек, не один десяток лет проработавший в различных правлениях, знаю, как гото-

Опись 4

Всего конфискованного имущества выселенных кулаков. Н. Царицынского Ч. Совета.

Фамилия, имя, отчество выселенного х-ва.	Наименование конфискованного имущества	Количество	Вес	Состояние (использован и поврежден)	Стоимость	
					р.	к.
Шамрасев Сергей Степанович	Мушкетер	—	80кг?	—	5	—
	Мука	—	168кг?	—	11	3
	Горюхов	—	—	старый	3	—
	Калина	—	—	—	2	—
	Стул	—	—	—	1	50
	Стол	—	—	—	1	50
	Корзина	—	—	—	2	—
	Картофель	—	400кг?	—	2	0,5
	Короба	—	—	—	2	—
	Мелок	—	—	—	25	—
	Складной	—	—	старый	5	—
	Модушки	—	—	—	10	—
Шуба	—	—	—	2	—	
Шуба	—	—	—	10	—	
Куроват	—	—	мелкий	3	—	

Опись имущества кулака Шамрасева.

Справка из Новоцаричино.

вятся собрания и постановления. Во-первых, для того чтобы собрать общее собрание, необходимо для начала собрать правление. Правление обсуждает повестку будущего собрания, подрабатывает решение, за которое потом предложат проголосовать «рядовым». Как правило, постановления общего собрания пишется и редактируется заранее, и утверждается на этом же правлении. Вот почему я со стопроцентной уверенностью заявляю, что и председатель правления сельсовета, и его ответственный секретарь виновны в высылке семьи моего деда, в лишении его избирательных прав, в признании его кулаком. Это именно они со своими коллегами, а их было еще человек пять, задумали его погубить, выслать в На-

рым, это именно они заранее придумывали обвинения, мучились над формулировками постановления, это именно они созывали общее собрание.

Конечно, скажете вы, а общее-то собрание могло и не поддержать эту идею и не высылать своего доктора. Да в том-то и беда, что не могло! Начавшиеся в 1929 году «разоблачительные» процессы набрали уже такой оборот, карательная машина наступила уже столько семей, что к середине 1931 года страх проник так глубоко, что люди не только возразить – пикнуть боялись! Так что гонители моего деда, злодеи, задумавшие его погубить, были вполне уверены в том, что проголосуют «как надо!» Конечно, они были не одни. Свою роль сыгра-

ли и партячейка, и ОГПУ, и другие члены правления, но два имени я знаю и не желаю им добра.

И, размышляя над злодейством, совершенным над делом и его семьей, я задаю

себе вопрос: а как сложилась дальнейшая судьба наших гонителей? Вернулось ли им назад совершенное ими зло? Покарал ли их Господь? А очень хотелось бы, чтобы покарал, прости меня, Господи!

ЗЛОБНЫЙ ЦАРЬ И ДОБРЫЙ ВОЖДЬ

СОБРАНИЕ, на котором вынесли постановление о высылке деда, состоялось 11 мая, а назавтра, 12 мая, уже составлен список кулаков и их семей, высланных из Новоцаричино Борисовского района.

(Надо ли думать, что их выслали уже назавтра после собрания или даже в тот же день?) В этот список вошли: «Шамраев Серг. Степ., жена Александра, 38 лет, дочь Вера Серг., 15 лет (Омск, мединст.), дочь Таисия С., 12 лет, дочь Еликамида С., 11 лет, дочь Надежда С., 9 лет, сын Виктор С., 1 год».

А вот еще один убийственный документ, составленный, очевидно, тогда же.

Это опись на выделенный натуральный фонд на каждое высылаемое хозяйство Новоцаричинского сельсовета. Так вот, согласно этой описи,

«Шамраеву Сергею Степановичу совместно с высылаемым Витебским Ив. Алекс. было выделено:

Сельхозинвентарь:
 топоров – 1 (50 коп.)
 кирок-мотыг – 1 (50 коп.)
 муки – 72 кг – 9 руб.
 соли – 3,6 – 20,12 руб.

и подписи:

председатель сельсовета
 уполномоченный РИК
 представитель ОГПУ».

Вот так, отобрали все, а дали с собой в дальнюю дорогу самую малость: соли и муки (72 кг это на две большие семьи!), кирку да топор. И езжай, медик Шамраев, с женой и детишками, как элемент, наносящий вред советскому строительству, в нарымские болота!

Через день после составления этого вопиющего документа был написан еще один, написанный самим делом. Это заявление, адресованное уполномоченному ГПУ Борисовского района:

«14 мая 1931 года как назначенный за высылку, я производил посадку для поездки с остальной партией. Во время прощания с населением я пожелал здоровья своим близким и знакомым, которые сожалели о моем уходе как медработника. Я дал им ряд полезных медицинских советов, главным образом по охране детей.

По приезде моем в Борисовку я узнал, что я был установлен (восстановлен?) в пра-

вах и отъезда мой был отменен постановлением райпятерки... Но тут ввиду поступления на меня какого-то ложного доноса — то есть совершенно не было постановления пятерки, было аннулировано. Прош у Вас, тов. уполномоченный, расследовать это дело и восстановить факт вымышленной на меня лжи.

Проситель Шамраев,
15 мая 1931 года».

Написано торопливо, путано, не очень разборчиво, не очень внятно. Видно, что текст писался в состоянии крайнего душевного волнения. Да и то представить себе человек, приговоренный к ссылке, едет со-

провождать своих, уже раскулаченных, односельчан, очевидно, до погрузки на баржи. Людей было довольно много. Вот сколько фамилий смог вспомнить малолетний тогда старожил села Илья Ефимович Беловус: «Я помню Золотарева, Донченко, Винниченко — это кулаки большие были. И Витебского, и попа Ампеннова». Да, удивительный человек был дед! Мог бы отказаться от такого тяжелого дела — самому собираться надо, тем более что его уже ото всего отлучили и в правах поразили. Но он едет-таки, дает советы, утешает, может, и лекарствами снабжает. Ведет себя как человек высокого мужества. Ему сейчас о себе, о своих

Ликвидируем кулака как класс.

детях думать надо, а он сопровождает «население». И вдруг, в какую-то минуту, скорее всего, на обратном пути, кто-то ему говорит, что райпятерка якобы отменила свое постановление относительно его высылки. Наверное, время истекало: то ли вечерело или поезд уходил, и ему было необходимо срочно отдать эту бумагу в нужные руки. Представляю, какая надежда возродилась в его душе, как горело сердце! Вот потому так неразборчивы слова, так прыгают строки...

Это страстно написанное заявление так и не возымело никакого действия и осталось храниться в папках уполномоченного ОГПУ, а потом пошло на хранение в Омский архив, из которого мне и выслали его ксерокопию. Даже и теперь, спустя восемьдесят пять лет, эта бумага прожигает мне сердце! Столько в этом документе было страсти и отчаянной надежды. Надежды, которой не суждено было сбыться...

Но зато я теперь поняла, как получилось у Сергея Степановича побывать у директора техникума, в котором училась и моя мама, и составить с ним разговор о дальнейшей судьбе своей старшей дочки, Веры Сергеевны Шамраевой, студентки 2-го курса. Думаю, проследив за погрузкой односельчан на баржи, дед помчался в техникум и составил разговор с директором. Я уже рассказывала, что дед был известен и уважаем в медицинских кругах и потому получил от директора техникума добрый совет: «Дочке надо добровольно подать заявление на отчисление по семейным обстоятельствам».

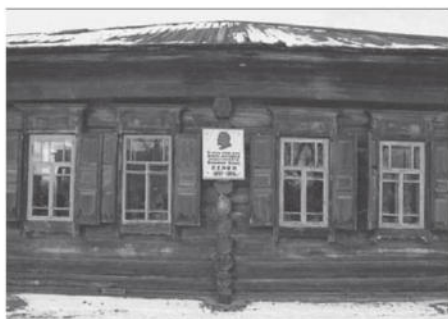
«Тогда мы вашей Вере дали простую справку об окончании двух курсов медтехникума. А если она этого не сделает, то

рано или поздно придут сотрудники из органов и велят ее отчислить как дочь деклассированного элемента. А это — «волчий билет» на всю жизнь».

Вот так моя мамочка сдала весеннюю сессию, получила свою справку и могла ехать куда глаза глядят, в любое место, где тепло, где нет никакой ссылки, и устроиться там на работу. Но она была еще маленькой девочкой, которой не исполнилось еще и шестнадцати лет! Она не представляла пока себе жизни без мамы и папы. Вот почему она отправилась в родное село, собрала кое-какие вещи и поехала к родным, в Нарым! И это была добровольная ссылка. Куда было деваться ей, шестнадцатилетней девчонке, в большом и недобром мире, без родных, без друзей? Конечно же, довериться родным людям, маме и папе...

Я получила образование в советской школе. Нас воспитывали в таком духе, что при царизме все было плохо, что это был режим антинародный, кровавый и жестокий. Злобный царь ссылал всех революционеров, то есть врагов царского режима, в далекую суровую Сибирь. Пламенные борцы за народные права, за свержение самодержавия были правы в своей борьбе со строем, а царизм их, безвинных, преследовал и несправедливо карал. И только советская власть принесла народу облегчение в его жизни как самая лучшая, как страна всеобщего счастья.

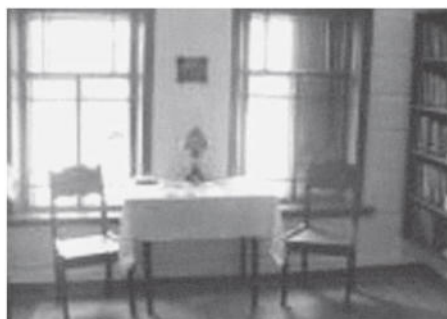
Так было написано в учебниках. Но так ли это было на самом деле? Давайте на примере двух опаснейших врагов монархии проследим за тем, как жесткий царский режим их наказал. В декабре 1895 года еще молодой, но уже очень опытный ре-

Дом Ленина в Шушенском.

волюционер Владимир Ульянов, создатель политической организации, распространитель идей марксизма, был арестован и, отбыв в тюрьме два года, отправлен в ссылку в село Шушенское. Причем ехал сам в поезде как вольный человек, купив билет! А в какой богатый дом поселили там государственного преступника Ульянова, родного брата царевнишицы!

Жил он там себе припеваючи, получал 8 рублей ежемесячного пособия, даже женился в ссылке. «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная, – писала Крупская. – Например, Владимир Ильич за свое «жалованье» – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья – и то считалось, что дорого платит... Правда, обед и ужин был простоват: одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича – тоже на целую неделю... В общем, ссылка прошла неплохо».

Одна из комнат Ленина в ссылке.

Выписывал газеты, писал статьи, вел переписку, ходил на охоту и на рыбалку, встречался с единомышленниками, много читал. И никто не принуждал его к тяжелому труду. Жил припеваючи, как на курорте!

Теперь возьмем Сталина-Джугашвили. Он был сослан, как и мой дед, в Нарым. Он жил не в землянке, как дедовы собратья по несчастью, а в добротном доме.

Даже завел любовницу, прижил ребенка и жил столь свободно, что осуществил побег... На содержание, одежду и квартиру царское правительство также выдавало ему 8 рублей в месяц.

А теперь давайте сравним два строя – две системы. Какая разница между правосудием царской власти и действиями «самой справедливой» в мире! Царская власть сажала в тюрьму или ссылала в Сибирь своих идейных врагов – революционеров: агитаторов, террористов, боевиков – после суда. И в XIX, и в XX веке царь-батюшка слал на поселение только преступников, не трогая жен и детей. А у нас, в мире победившего социализма, самой народной в мире власти, издевались в невиданных масшта-

Дом Сталина в Нарыме.

бах над народом, выгоняя из домов миллионы людей вместе с малыми детьми без суда и следствия! И если «преступная» царская власть высылала приговоренных к ссылке государственных преступников в остроги, тюрьмы, на поселения, то есть под крышу, под кров, то советская власть вышвыривала семьи крестьян под морозное небо Нарыма и Колымы, туда, где ни кола ни двора, лишая их всех прав и обрекая часто на смерть, то есть совершая по отношению к миллионам своих граждан чудовищное беззаконие, аналогов которому не было во всем мире! При этом, обратите внимание, для уголовных преступников: воров, насильников, убийц – работали все правовые институты. И никому не приходило в голову наказывать вместе с самым кровавым убийцей его семью и его детей. И после приговора суда уголовников не обрекали на голодную смерть в диком лесу, а кормили, предоставляли спальное место, хотя и за решеткой, и даже водили на прогулку. Получается, что крестьянин, вся вина которого в том, что он своим трудом обеспечил своей семье достаток, гораздо опаснее для СССР,

Комната Сталина в Нарымской ссылке.

чем уголовный преступник: грабитель, насильник, убийца?

Вплавку прямо под открытым небом, под лождем, ветром и солнцем, плали на большой барже сперва по Иртышу, а потом по Оби в пугающую неизвестность тысячи баб, мужиков и детишек. Еще вчера они были владельцами справных хозяйств, пахали землю и кормили вокруг себя немало людей, а сегодня они – кулаки и муромцы, наносящие вред социалистическому строительству, а потому лишены крова, еды, одежды.

И вот они на большой барже. На ней – сотни человек. Туалета нет. Воду набрать можно не каждый день. На руках у моей бабушки – четверо ребятишек. Младшему, Витюшке, всего годик! (Старшая, моя мама Вера, пока в Омске.) Плынут... Что с ними будет? Что их ждет там, в этой пугающей неизвестности? Их выгнали из жилища, отобрали имущество: с ними лишь несколько наспех собранных узлов. И вот они вплавку плывут на барже, вокруг вода, живут на воде, но нет возможности ни вскипятить чай, ни сварить еды...

Ах, бабушка, бабушка. Мне не довелось видеть тебя, ведь ты ушла из жизни за три года до моего рождения. И я много-много лет даже не задумывалась о тебе. И вот, только когда начала заниматься историей своего семейства, твоя боль, твои душевные муки стали меня наполнять так, словно я была рядом с тобой, пережив ту ситуацию... Я так и вижу этих перепуганных детишек, прижимающихся к вам, на этой палубе. Я вижу, как дед гладит детские головки, утешая и успокаивая своих детишек... Да, досталось вам! Поверь, мне сегодня очень жаль и тебя, и дедушку, мне так и хочется помочь вам... Единственное, что мне остается, – помолиться за вас и ваши многострадальные души. А еще я думаю о том, как не разорвалось от горя сердце моей прабабушки, Екатерины Васильевны, попадьи, которая уже к тому времени оплака-

ла и ссылке старшей дочери Марии, и расстрел старшего сына Александра, и ссылку семьи дочери Анюты, и вот теперь – новое горе! Огэпзушники не стали высылать ее в Сибирь. Она осталась в Новоцарицыно одна, практически без дома. Потому что дом-то был изъят из семьи. Во дворе, во флигеле, остался жить отец Сергея Степановича вместе с мачехой. Но они были словно люди с разных планет и так и не стали родней. Слава богу, что в Петропавловске учительствовала незамужняя дочка Ольга, которая приехала в село и забрала мать к себе. Так и вековали вдвоем в Петропавловске две женщины, отринутые от огромной некогда семьи, горевали, грустили... Позже, где-то лет через пять, придет черед предстать перед Богом Екатерине Васильевне... И тогда ее дочка, Ольга Григорьевна, добровольно уедет в Нарым, к родным: се-

Семья бывших кулаков у своего нового жилища.

стре, племянникам...

Размышляя о той проклятой барже, увезшей нашу семью в нарымскую ссылку, я думаю о своей маме, которая в пятнадцать с половиной лет осталась одна, вдали от семьи. Что она думала? Как ей, былинке на ветру, жилось и училось там?

Ситуация с ней вообще особая. Дед мой был не только хороший врач, но и умный человек. То ли ему кто-то рассказал о грядущем раскулачивании, то ли он сам что-то почувствовал, но он сделал так, что старшая дочка не попала на проклятую баржу.

Наверное, через благодарного пациента он добыл своей дочери Вере документ, согласно которому она стала старше на два года и благодаря этому смогла поступить в Омский медицинский техникум и уехать в Омск на учебу. Так что к моменту ссылки мамочки моей не было в деревне, и она из-

бежала печальной участи остальных.

С маминим днем рождения у нас вообще была путаница. Мы отмечали его 30 сентября – в День Веры, Надежды, Любви и их матери Софьи. Но все знали, что по паспорту, сделанному ей отцом, ее день рождения приходился на 23 октября 1913 года. Но каково же было мое изумление, когда из Омского областного архива мне прислали вот такую выписку: «В архивном фонде Омской духовной консистории в метрических книгах Богородице-Рождественской церкви села Борисовского, поселка Новоцарицынского Омского уезда за 1915 год сведений о рождении Шамраевой Веры Сергеевны, родившейся 23 октября 1915 года, не имеется.

Дополнительно сообщаем, что в метрической книге Богородице-Рождественской церкви... за 1915 год имеется запись № 77

Женщины на лесоповале.

о рождении Веры. Дата рождения – 5 августа 1915 года, дата крещения – 7 августа (по старому стилю). Родители: медицинский фельдшер 4-го участка Петропавловского уезда Сергей Степанович Шамраев и его жена Александра Григорьевна». То есть по новому стилю наша мамочка родилась 19 августа! Вот сколько дат рождения у одного человека! И вот ведь что удивительно: сама мама никогда не упоминала о своем настоящем дне рождения! А ведь этих дней рождения было в ее большой жизни 98! Думаю, что не вспоминала она о своей настоящей дате рождения потому, что всю ее жизнь, с самого детства, праздновали ее именины на святую Веру – 30 сентября. Жаль, что мы не успели с ней поговорить об этом при ее жизни!

И, думая об этом, хочу сказать всем, кто будет читать эти строки: говорите с родными! Находите на это время. Спрашивайте их обо всем, о них самих, о своих бабушках и прабабушках. Придет время, и спросить будет не у кого. И тогда вы не только ничего не узнаете о своих корнях, но, главное, никто вас не избавит ни от угрызений совести, ни от чувства вины. И это горькое чувство будет вас преследовать до самых ваших последних дней! И не дай бог никому носить это в себе.

Впрочем, я отвлеклась. А теперь давайте вернемся к ссылке. Вот что записала со слов бабушки Александры Григорьевны и ее дочек жена младшего члена семьи, Виктора Шамраева, Лидия: «Ехали на барже сотни людей. Голодные, раздетые. Многие люди умирали, еще не добравшись до места ссылки. На каждой пристани выносили покойников».

То есть все те ужасы, которые рассказывали спешпереселенцы из разных областей, пережили и те, кто ехал на «нашей» барже. Но деду повезло: он выгрузился на берег раньше остальных, задолго до белых мух. Спасла профессия. На одной из остановок баржу ждали представители комендатуры: нет ли на ней врача? Моторист, парень с хлипкого катера, которому дед то и дело помогал то запустить, то отладить движок, заявил: «Есть, есть у нас доктор! И, знаете, еще какой!»

И подвел огэпэушников к деду. Те забрали его и куда-то увели. Бабушка очень беспокоилась: не останется ли она одна с детишками на этой барже? Но часа через четыре дед вернулся. Как оказалось, заболела жена коменданта и она нуждалась в длительном медицинском уходе. Поэтому коменданты, заботясь о ее здоровье, приняли решение снять дедушкино семейство с баржи и оставить его здесь лечить комендантшу, а заодно и остальной народ. Здесь, в крошечном таежном поселке, и началась их ссыльная жизнь. А баржа поехала дальше и приткнулась к берегу, лишь когда полетели белые мухи. И кто знает, не спасла ли болезнь комендантши жизни в нашей семье? Могли ли ослабленные долгой дорогой девочки и годовалый Витюшка пережить голодную зиму в холодной землянке, где в антисанитарных условиях, без дневного света кучились десятки человек? Ведь ту первую, самую страшную, зиму не пережило больше тридцати процентов ссыльных...

О том, как жилось нашим в ссылке, я расскажу позже. А пока поведаю о том, как я разыскивала следы пребывания нашего семейства в документах Сиблага.

БОГ ПРИДУМАЛ РАЙ, А ЧЕРТ – НАРЫМСКИЙ КРАЙ

О ТОМ, как жили наши родные в ссылке, довольно много рассказала моя мама, Вера Сергеевна, в своих воспоминаниях. Но мне то было важно установить, когда приехали наши в ссылку и куда. И потом меня очень и очень волновал вопрос ареста моего деду. Хотелось уточнить: как официально звучал приговор, по какой статье его осудили, где он отбывал свой срок?

Со всеми этими вопросами я и начала обращаться в соответствующие органы. Для начала обратилась в ФСБ Томской области. Я как раз в 2013 году приезжала работать в областной архив по поводу семейства Белимовых, ну и зашла в ФСБ, оставила там свое прошение.

И вот получаю ответ от 19 августа 2013 года:

«Рассмотрев Ваше обращение, сообщаем, что УФСБ России по Томской области сведениями в отношении Вашего родственника Шамраева Сергея Степановича не располагает.

В результате проверки по учетам Информационного центра УМВД России по Томской области установлено, что сведения о судьбе, судимости, нахождении на спецпоселении и местонахождении архивного уголовного дела в отношении интересующего Вас лица в архиве ИЦ УМВД России по Томской области также отсутствуют.

Для возможного получения интересующих вас сведений вы можете обратиться в следующие организации:

– УФСБ России по Омской области (ул. Ленина, д. 2, г. Омск, 644099)

– ИЦ УМВД России по Омской области (ул. Ленина, д. 2, г. Омск, 644099)

– Главный информационный аналитический центр МВД России, г. Москва.

Врио начальника управления
А. В. Павлов».

Стою, как Онегин, словно громом пораженная! Как так, нет сведений? Человек – да нет, целая семья провела у них около двадцати лет, и вдруг сведений нет! Советую в Омск обратиться! Так ведь не в Омске же дед был в ссылке... Отправлен из Омска – да. Но куда отправлен? Под Томск, в Нарым отправлен! Черт их там поймет. Пишу в Омск. И получаю ответ:

«...Сообщаем, что в Управлении ФСБ России по Омской области и Информационном центре УМВД по Омской области сведений об осуждении, пребывании на спецпоселении Шамраева Сергея Степановича и членов его семьи не имеется.

Копия Вашего заявления направлена для дальнейшего рассмотрения в УМВД по Томской области, откуда вы получите ответ.

Зам. начальника подразделения
С. И. Позназхирев».

Замечательно! Томичи советуют обратиться к омичам, а те футболят обратно! Замкнутый круг! Ну и что мне делать? Ух я и рассердилась! И недолго думая накатала письмо аж самому генерал-майору ФСБ по Томской области Никитину!

«Уважаемый Юрий Сергеевич!

Получила из Вашего ведомства ответ за № 10/18700 на свой запрос относительно высылки моего деда, фельдшера Шамраева Сергея Степановича. Он был выслан в 1930–1932 гг. как кулак из Омской области с семьей в составе шести человек и остаток жизни провел в Нарыме. Больше того, в 1941 году он был вновь репрессирован: посажен в тюрьму. В Нарыме же жила и вся его семья, пораженная в правах. Вот почему меня крайне удивил ответ, что никаких сведений о моем дедке нет. Я всегда полагала, что ваше ведомство, несмотря на все исторические издержки, обладает бесспорным достоинством: четкостью в работе и умением хранить документы. И потому никак не могу поверить, что семья из шести душ, спецпереселенцы Сиблага, не оставила никаких следов в вашей документации.

Поймите меня правильно: мне не надо никаких компенсаций, мне нужна историческая правда. Я хочу знать, что инкриминировали моему деду, сельскому фельдшеру, когда выдворяли его из дома. Я хочу знать, за что посадили деда в тюрьму в 1941 году и где он сидел.

В жизни моей семьи было много казаклизмов, вот почему документы деда не сохранились. Но зато сохранились косвенные – моей мамы, дочери пораженного в правах Шамраева. Я высылаю вам их копии, возможно, с их помощью вы сумеете

найти запрашиваемые мною документы. И я убедительно прошу Вас дать распоряжение вашим сотрудникам вновь вернуться к поискам и предоставить в мое распоряжение документы о судьбе моей семьи.

Т. Иванова,
член союза журналистов
России».

Довольно быстро я получила ответ, который одновременно и удовлетворил, и крайне изумил меня. Вот этот ответ:

«Рассмотрев ваше повторное обращение, вновь информируем вас о том, что предоставить интересующие вас документы не представляется возможным, так как УФСБ России по Томской области сведениями в отношении вашего родственника не располагает...

Документы Сибирского ИТА (Сиблаг), упомянутого в вашем обращении, находятся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области (ул. Свердлова, 16). Для возможного получения интересующих вас сведений вы можете обратиться в вышеназванную организацию. В 1937–1944 гг. Каргасокский район входил в состав Новосибирской области. Для дальнейшего поиска информации по вопросу осуждения вашего родственника вы также можете обратиться в УФСБ по Новосибирской области (ул. Коммунистическая, 49) и ИЦ ГУМВД по Новосибирской области (ул. Октябрьская, 78).

Зам. нач. управления
А. В. Павлов».

Во как! Томск кивал на Омск, Омск кивал на Томск, а документы хранились рядом с моим домом, в Новосибирске! Спра-

Супруги Шамраевы и младший сын Виктор в 1940 г.

шивается: а вам трудно было сразу сказать, куда стучаться?

Но вот что удивительно: после моего обращения к генералу, вторичного уведомления, что никаких документов у томичей нет, вдруг приходит еще одно письмо из Томска, из МВД:

«На Ваше заявление... сообщаем, что в Информационном центре УМВД России по Томской области имеется карточка по семейному учету на Шамраева Сергея Степановича. Личных дел и архивных документов на Шамраева С. С. и членов его семьи нет. Направляем архивную справку, составленную на основании данных семейной карточки. В картотеке учета семей спецпереселенцев, расселенных на территории Томской области, есть карточка на Шамраеву Веру Сергеевну, 1913 г. р. Состав семьи не указан.

Начальник Мерзлякова».

Во как! Еще месяц назад у них не было

документов, а теперь выходит, что все-таки есть. И очень даже информативная оказалась карточка. Вот какую архивную справку составила по ней госпожа Мерзлякова.

Архивная справка:

«По картотеке учета семей спецпереселенцев, расселенных на территории Каргасокского района Томской области, значится Шамраев Сергей Степанович... Место жительства до переселения – с. Новозарицынское Борисовского района. Выслан на основании постановления райпятаерки 01.06.1931. Прибыл на спецпоселение в п. Усть-Сильга Каргасокского района, осужден в 1941 году (основание и срок не установлены), умер 29.03.1947. Вместе с ним находились на поселении:

жена – Шамраева Александра Григорьевна, 1890 г. р., умерла 15.02.1942;

дочь – Шамраева Таисия Сергеевна, 1916 г. р., освобождена от спецпоселения 03.10.1940 на основании Постановления СНК СССР от 22.10.1938 № 1143 – 280 с. (на полях имеется пометка «бондарка, учительница»);

дочь – Шамраева Еликанида Сергеевна, 1918 г. р., освобождена как вступившая с правовым гражданином в брак в 1936 г. и снята с учета 03.10.1940;

дочь – Шамраева Надежда Сергеевна, 1920 г. р., освобождена от спецпоселения 03.10.1940 на основании Постановления СНК СССР от 22.10.1938 № 1143 – 280 с.;

сын – Шамраев Виктор Сергеевич, 1928 г. р., на основании Постановления СНК СССР от 22.10.1938 № 1143 – 280 с. освобожден от спецпоселения в 1-м квартале 1945 г.

Вся семья восстановлена в избирательных правах 25.06.1936.

Основание: Ф. № 20, семейная карточка форма № 8.

Начальник В. К. Мерзлякова, заместитель начальника ОСФ и РЖПР Е. В. Мерзлякова».

Замечательный, многие вопросы снимающий ответ! Вот, оказалось, все-таки есть карточка, если генерал надавит. И что больше всего меня устроило, что я из него сразу узнала и дату прибытия наших в ссылку, и место их поселения. Судя по документу, деда сняли с баржи 1 июня. И какой я сделала из этого вывод? А такой, что ехали довольно быстро. Сами судите: 11 мая было общее собрание, 12 мая им уже выдали лопату, мотыгу и муку, 15 мая он еще обратился в райцентр, в ОГПУ, с надеждой, что ссылку отменяют. Это выходит, что делова баржа мчалась очень быстро, довезла его до места ссылки всего за две недели.

Как рассказывал старожил Илья Ефимович, приезжали ночью, на подводах... Но не исключено, что в нашем случае прислали и грузовичок: уж больно быстро добрались до Нарыма-то! Ведь надо было еще до Иртыша доехать, на баржи погрузиться. Все это – время. А баржа, хоть и вез ее катерок, все-таки судно тихоходное.

Сколько я ни читала воспоминаний тех, кто ехал вот так, на баржах, все плавали гораздо более месяца. На баржах не кормили – люди питались домашним припасом, если он был. У многих он давно закончился, поэтому от голода и кишечных инфекции на каждой остановке выносили трупы первых жертв ссылки. А нашим повезло много: гажды:

1. Ехали они не так долго и потому не истощали, не оголодали.

2. Они приехали сразу в готовый поселок, с отстроенной комендатурой, а не в глухую тайгу, как их собратья по несчастью.

3. Их не послали на лесозаготовки, а дали работу по профессии.

4. Их не бросили под открытое небо, а дали какое-никакое жилье.

Коль скоро дед получил работу, то и жалованье ему положено было! А это очень повышало шансы на выживание. Ведь остальной ссыльный люд, который проживал в поселке под названием Усть-Сильга, работал «за так». Правда, через какое-то время все-таки стали выдавать скудные продуктовые пайки, но ведь надо было еще и одежду покупать: с собой не напаслись. (Спецпереселенцев снабжали ниже норм ГУЛАГа. Взрослые получали 16 кг муки в месяц, дети – 5–8 кг [Спецпереселенцы в Западной Сибири, 1993: 234, 278].)

Семейный бюджет помогла пополнить и оставшаяся за старшую дочь Таисия. Она в свои 14 лет стала работать учительницей в начальных классах Сильгинской школы! Кстати сказать, этот вынужденный дебют маленькой учительницы оказался очень удачным. Со временем наша тетя Тася стала выдающейся учительницей. У нее орден «Знак Почета» и медаль «За трудовое отличие»! Очевидно, сказались гены предков-священников с материнской стороны. Ведь все наши батюшки, начиная со времен Ивана Грозного, были учителями в своих церковноприходских школах!

Теперь о самом поселении. К сожалению или к счастью, но его больше не существует. Опричники Сталина намеренно заселя-

ли переселенцев в самые не приспособленные для жизни места. Достаточно сказать, что Васюганье, долина реки Васюган, – это самые большие болота в мире! И именно сюда прислали сотни тысяч людей. Туда, где гнус, где топь, где вредные испарения. Люди раскорчевывали земли, и им стали через год спускать план по сдаче зерна государству!

Первая зима, конечно, прошла впроголодь: не было картошки, пайки скудные, трудности с молоком. Коров не завезли. А коровы местного населения были малочисленны и не приучены к дойке, а потому давали мало молока.

Но, так или иначе, наши все-таки благополучно завершили переход из мирной жизни в жизнь ссылную. Все остались живы. В июле 1933 года, когда подрост младший сынок, работать медсестрой в Усть-Сильгинский фельдшерско-акушерский пункт пошла и бабушка, Александра Григорьевна.

А возможно, именно в 1933 году к ним на помощь приехала из Петропавловска Ольга Григорьевна, незамужняя, одинокая сестра бабушки. Она всегда бросалась на выручку семье. И, конечно, не могла не помочь своей многолетней сестре в ссылке. Но и оставить свою престарелую мать, а мою прабабку, в одиночестве она не могла. Моей прабабке, Екатерине Васильевне, Бог подарил долголетие: умерла она в возрасте не то ста, не то ста двух лет! И была она старше своего покойного мужа. Могла она приехать, лишь схоронив свою маму, попадьё Екатерину Васильевну. К сожалению, вопрос даты смерти моей прабабушки пока остается невыясненным – надо ехать в Петропавловск и отрабатывать за несколько лет церковные книги с записями о смер-

ти... Вряд ли у меня это получится...

Мама мне рассказывала, что деду будто бы нравилась природа Нарымского края. Он ей говорил, что по золоту ходим, что тут вскоре найдут новые богатства. Радовался и удивлялся обилию рыбы, ягод и грибов. Но, оказывается, он все-таки сильно тосковал по другой, вольной, жизни, без комендантов. Страдал и от сурового климата... Работники областного Омского архива прислали мне ксерокопии двух деловых писем, в которых он просится на родину, то есть в Новоарицыно. Ему, малороссу, очень неуютно жилось в стылой нарымской земле. Вот эти письма, о которых не знала моя бедная мама.

«С.-х. артель «Красная Сибирь» Новоарицынского с/с

От бывшего члена сельхозартеля Шамраева Сергея Степановича
Заявление

Прошу общее собрание членов сельхозартеля «Красная Сибирь» рассмотреть мое заявление. Как всем известно, я работал в селе Новоарицыно 16 лет в должности заведующего медпунктом. За 16 лет моей работы я не помню такого случая, чтобы я кому-то отказал в медпомощи. Во всякое время дня и ночи я всем помогал. К своим служебным обязанностям относился аккуратно и добросовестно, и никто из вас этого отрицать не станет. До последнего дня я стоял на страже вашего здоровья, сам неоднократно подвергался тяжелым болезням, которые тяжело отражались на моем здоровье. В особенности стало заметно здесь, в суровом северном краю, как постоянные сырость, холод, лютые зимы убийственно отразились на моем здоровье. Я старался

Шамраев Сергей Степанович и его супруга Александра Григорьевна в сельской амбулатории в ссыльном поселении.

примириться с судьбой, старался привыкнуть к суровому Нарымскому краю, но оказывается, что не с моим здоровьем. В феврале месяце я с великим трудом перенес крупозное воспаление правого легкого. С тех пор чувствую себя еще хуже. Ввиду вышеизложенного обращаюсь к вам с великой просьбой: помогите мне выбраться с холодного севера путем восстановления в правах гражданства.

Как вам было известно, я был восстановлен пятеркой Борисовского исполкома и от высылки оставлен. Но благодаря создавшемуся, ничем не подтвердившемуся кон-

фликту в момент выезда мне пришлось обживать Нарымский край.

Заканчиваю письмо с той великой надеждой, что граждане поселка Новоцарицынского припомнят мои труды и помогут мне в моей просьбе.

Проситель Шамраев
Сергей Степанович
30.07.1934.

Город Каргасок, Б-Гривская комендатура Нарымского округа, поселок Усть-Сильга, зав. больницей 1 Ш. С. С.

Р. С. На днях я получил письмо от своего отца, из которого узнал, что отец стал

совершенно нетрудоспособный, нуждается в постоянной посторонней помощи. Его старость и тяжелая болезнь меня очень беспокоят. Мне хочется ему помочь в его глубокой старости. Я уверен, что мое пребывание не было бы лишним и бесполезным».

Наивный дед! Не знал он, что не для того его выслали, чтобы он мог вернуться! Раз попал в эту государственную мясорубку, то будь ты хоть святее Папы Римского, все равно будешь виноват!

Но дед еще верил в справедливость и летом 1935 года вновь обратился к своим заклятым односельчанам:

«Заявление

Прошу вышеозначенный сельсовет рассмотреть мое заявление. Около 4 лет тому назад как я был Новоцарицынским с/советом сослан в Нарымский край.

Считаю себя весьма обиженным. Не могу примириться с мыслью, что я якобы заслужил ссылку на такое продолжительное время. Население Новоцарицынского сельсовета и его окрестности знают и помнят мои труды за долгие годы моей службы. Это первое.

Второе: с/совету неизвестно, что я свое хозяйство не растранижил, а все полностью передал в колхоз «Красная Сибирь». Кроме того, с/совет хорошо знает, что я за свои шестнадцать лет, прожитых в пос. Новоцарицыно, не подвергался административным взысканиям или суду, никогда не делал никаких выступлений против советской власти и ее мероприятий. Наоборот, всегда активно участвовал в разных общественных мероприятиях, которые проводились. Во время постройки клуба, ко-

операции, капитального ремонта школы и т. д. Активно участвовал в хлебозаготовительных кампаниях, в распределении государственного займа и т. п. До последнего дня ссылки я не был лишен в правах гражданина, до последнего дня ссылки я работал на своем посту. За 16 лет моей службы в поселке Новоцарицынском не было случая, чтобы я отказал кому-то в медицинской помощи. Никогда моя жена не отказала роженице. Сотни женщин-колхозниц, надеюсь, подтвердят, что отказа никому никогда не было.

Здесь, в Нарымском крае, я с первых дней работаю по своей специальности на постоянном медпункте, имею очень хорошие отзывы и от переселенческого сектора, и от коренного населения. Но все эти отзывы меня здесь не устраивают. Никак я и мое семейство не можем привыкнуть к этому суровому, холодному северу, да к тому же и здоровье не позволяет обживать Нарымский край. Ввиду всего изложенного еще раз осмеливаюсь просить своих односельчан и гр. Новоцарицынского с/совета о восстановлении меня в правах гражданства. Вы этим поможете мне выбраться из холодного нарымского севера. Надеюсь быть полезным.

Проситель
Шамраев Сергей Степанович.
7 марта 1935 года».

Эти просьбы моего деда остались без ответа... Думаю, что даже если бы односельчане из Новоцарицыно взяли на себя смелость «простить» деда и вернуть его в село, то ни ОГПУ, ни органы власти, ни партийные боссы ни за что не позволили бы ему

Поселок Усть-Чижанка.

вернуться. Потому что это был бы опасный прецедент. Тогда все «кулачье» захотело бы вернуться. И уж эти люди знали бы, как поступить со своими гонителями... И как же идти против линии партии, поставившей задачу «искоренить» кулачество как класс?! Бедный мой, наивный дедушка!

Вот так и остался не по своей воле мой дед на севере доживать свой век, а вместе с ним – и его любимая жена, моя бабушка, разделившая с ним его печальную судьбу.

За годы жизни в ссылке им пришлось несколько раз поменять место жительства: комендатура перебрасывала дедушку с места на место. Туда, где эпидемическая обстановка была тяжелее, где без медика не обойтись. Приведу кусочек лишь одного доку-

мента, чтобы вы поняли, в каких условиях трудился наш героический Сергей Степанович Шамраев.

«Признать, что в эпидемическом отношении Каргасокский район и по настоящее время является неблагополучным по сыпному тифу, оспе и особенно с наступлением весны по брюшному тифу... Крайняя загрязненность населенных пунктов и источников водоснабжения, чрезмерная скученность... В части цинготных заболеваний является неблагополучной особенно Средне-Васюганская комендатура, где цингой поражено около 30 процентов всего населения.

ЦДНИ ТО, ф. 206, оп. 1, д. 1, л. 29, 22–24 марта 1932 г.»

И это только один документ!

Посмотрите на карту Каргасокской комендатуры, которую я с трудом добыла у краеведов. Весь огромный район, территория которого в два раза больше Дании или Швейцарии, занимают поселки спецпереселенцев – раскулаченных крестьян, леса да топи и болота. Красными точками я обозначила селения, где работал дед, где жила наша семья. Думаю, вам будет интересно посмотреть хотя бы на карте эти места печальной юдоли наших родных. Спасибо чудом сохранившейся в семейном архиве трудовой книжке бабушки Александры Григорьевны, в которой отражены места ее, а значит, и деловой работы!

Усть-Сильга. Это именно сюда привезла баржа кулаков из Омска. Здесь и дед, и бабушка работали в фельдшерско-акушерском пункте целых семь лет. А в январе 1938 года обоих перевели в Усть-Чижанскую больницу, в которой проработали всего-то год.

Думаю, покидать ее было жалко, потому что это была вновь отстроенная, а значит, и более удобная для работы. Но кто же будет спрашивать ссыльных? В январе 1939 года их опять перебросили, на этот раз в Усть-Чурульку, в фельдшерско-акушерский пункт, где им тоже не дали толком закрепиться. Приказом Каргасокского райздрава ровно через год их опять перебросили, на этот раз в Ново-Югино. Это село и стало местом последнего упокоения бабушки. Здесь же похоронен и дедушка. Царство им небесное!

Сегодня вы не найдете, сколько ни будете искать даже на самой подробной карте, поселка Усть-Сильга. Он перестал существо-

Вид жилого барака спецпереселенцев.

Спецпереселенцы у барака перед выходом на работу.

вать в конце 60-х годов XX века. Построенный на болоте, он был обречен на вымирание. Даже нефтяники и изыскатели покинули его. В память о нем осталось лишь название: «Усть-Сильгинское месторождение нефти». Нет больше и Усть-Чурульки. Осталось 267 жителей на начало 2016 года в Усть-Чижанке. И только в Ново-Югино жизнь идет полным ходом: там живет около двух тысяч человек!

ГОРЬКИЕ ГОДЫ ГОРЬКОЙ СУДЬБЫ

В СУДЬБЕ моего многострадального деда была еще одна трагическая страница – тюрьма. О том, что деду довелось пройти еще и испытание тюрьмой, в нашем семействе было известно. В семейных преданиях говорилось, что арестовали деда за вредительство в период эпидемии не то кори, не то тифа. Говорилось и о том, что опять постарались завистники, на этот раз доктора. Потому что главы комендатур предпочитали лечиться не на своих местах, а старались ехать к Шамраеву, да еще и вслух сравнивали местных, якобы плохих, докторов с хорошим врачом – моим дедом! Но за что на самом деле дед был осужден – конкретно было мало. Тем более никто не мог сказать, куда, в какую тюрьму направили отсидеть деда. Куда его можно было послать далее Нарыма? Вот это и пыталась я узнать, обращаясь в разные ведомства Томска, Омска, Новосибирска. Как водится, поначалу получала отказы: мол, нет таких сведений. Но мое упорство в конце концов победило.

И вот из Информационного центра ГУ МВД России по Новосибирской области получаю долгожданный документ:

«Шамраев Сергей Степанович, 1884 г. р., уроженец г. Павловска Воронежской губернии, русский, из крестьян, беспартийный, медицинский фельдшер. Проживал в пос. Югино (так в карточке) Каргасокского района Новосибирской области. Осужден народным судом Каргасокского райо-

на Новосибирской области 20.09.1941 по ст. 109 УК (злоупотребление служебным положением) на три года. Срок с 02.09.1941 по 02.09.1944.

Прибыл 25.10.1941 в Новосибирский пересыльный пункт из Новосибирской тюрьмы № 2. Содержался в Орлово-Розовском отделении, убыл 01.05.1943 в Сиблаг. Других сведений нет.

Основание: архивная карточка.

Начальник Т. Г. Игнатьева

Начальник ОАИ Н. П. Голубева».

Наконец-то! Я опускаю перипетии переписки. Я пыталась узнать, что же конкретно вменялось деду в вину, писала запросы и в итоге выяснила, что якобы нет ни протоколов допроса, ни самого судебного дела. По крайней мере, есть статья 109 Уголовного кодекса РСФСР. Вот эту статью, принятую в 1926 году, я и скачала из Интернета. В ней ничего не говорится о вредительстве, но зато она такая всеобъемлющая, что под нее можно подвести любого работающего человека. Привожу ее целиком.

Глава III. ДОЛЖНОСТНЫЕ (СЛУЖЕБНЫЕ) ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ст. 109. Злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не

Село Орлово-Розово.

вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия, влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Если вы внимательно прочли статью, то должны были обратить внимание на нака-

зание. Как вам нравится «не ниже 6 месяцев»? А верхняя планка вообще отсутствует. То есть эта статья дает простор для репрессивной машины. Судьи могут дать и 10, и 20 лет, и расстрел... Как будто мы должны еще и Бога благодарить за то, что суд был милостив к моему деду, назначив наказание «всего» в три года! Как знать, может, того судью дел когда-то вылечил. Он хоть и работал в Усть-Сильге, но слава о нем как о докторе бежала вперед. Так или иначе, но дедушку осудили. И вот я о чем думаю. 1941 год, идет большая кровавая война, а эти негодаи в тылу стряпают дела, строчат доносы, гнобят честных людей. Мало им, что он никакой не кулак, а добросовестный медик, не повинный ни в чем, лишен в правах, выгнан из родного дома, сослан в

Административное здание колонии в Орлово-Розово, где отбывал срок С.С. Шамраев.

болота Васюганья, живет под надзором комендантских служак, так решили еще и в тюрьму усадить!

Так что же представляла собой тюрьма, в которую отправили деда? Читаю:

«Поселок в Верх-Чебулинском р-не Кемеровской обл., в 30–35 км от г. Мариинска. Образован в 1929 г. как отделение СибУЛО-На (Сибирского управления лагерей особого назначения, Сиблага). Орлово-Розовское отделение включало четыре лагерных участка. Заключенные занимались земледелием, животноводством, разводили свиней.

Среди заключенных были: режиссер А. Г. Алексеев, хормейстер Конник, художник Романов, актриса Жуковская. В конце 40-х – начале 50-х здесь была в заключении Ольга Юльевна Талькова – мать Игоря Талько-

ва. Через Орлово-Розовский лагпункт пролегли также судьбы А. М. Лариной-Бухариной, артиста Спартака Мишулина, поэта Виктора Бокова.

В настоящее время женская колония-поселение УН 1612/2».

Деда, как всегда и везде, спасала от общей тяжелой участи рядового заключенного профессия. Он и на этот раз находился на особом положении. И, судя по всему, был единственным врачом в тюрьме на тот момент, раз именно ему досталась высочайшая честь в то голодное время снимать пробу с еды. Он даже жил в отдельной камерке. Думаю, что пережить тюрьму ему в какой-то мере помогли и годы, проведенные на военной службе: казенный быт, суровый устав, армейская дисциплина – все

Заключенные колонии в Орлово-Розово.

это было ему знакомо с юности, помогало переживать тяготы заключения и потому не сломило его дух.

А вот для тех кто, кто остался без его поддержки: жены и детей, это была даже не трагедия, а катастрофа! После дедушкиного ареста в доме остались одни женщины. А жить в тайге без мужских рук невероятно трудно. Налю и дрова заготовить, и сено накопить, и картошку накопать.

Мужские руки нужны в доме каждый день: подстилку скотине поменять, стайку почистить, сена задать и дров нарубить. Теперь всю эту работу должны были делать тетя Тася, тетя Оля, тринадцатилетний Виктор и бабушка. Но моя бабушка была настолько больна, что жила только уходом и медицинским мастерством своего супруга. У нее были страшные головные боли, и, как мы сейчас думаем, она страдала тяжелой формой гипертонии (болезнью, которую тогда еще не знали медики), и у нее было большое сердце (похоже, эти милые болячки достались мне в наследство). Когда у бабушки начинались приступы, с ними справ-

лялся только дед. Оставшись без мужа, бабушка лишилась и медицинской помощи. И, как мы знаем, она не пережила его отсутствия... Не прошло и полугода, как бабушка тихо истаяла, ушла из жизни. И это в пятьдесят один год!

Смерть ее, такой молодой, как громом поразила дочек и сестру Ольгу, и все они написали подробные письма о ее кончине моей маме. Вот письмо от бабушкиной сестры, или тети Оли, как мы ее все звали:

«Милая Верочка!.. Твоя мама умерла 15.02.1942. Смерть была тихая, спокойная. С 2 часов ночи на 15-е она начала нервничать, тосковать. Стала говорить «как я изнервничалась». Я ее спросила: «Из-за чего ты нервничаешь? Скажи. Мы все сделаем». Она сказала: «Я и сама не знаю, что мне надо».

Страдания стали усиливаться. В 12 часов сделали укол ракторони. После укола стала успокаиваться. Еще спросила: «Мне не опасно спать теперь?» Стала забываться и больше не проснулась. В 2 часа 15 минут вылетел последний вздох из ее груди.

10 февраля, когда она заболела, вечером приезжала заместитель райздрави и заходила к нам. Сказала, что у них в райздраве есть подушки с кислородом, и пообещала по почте послать. Дождались почты, ничего нет. Ночью на 12 февраля с почтой я поехала в Каргасок, но там ничего не было. Что нашли в аптеке, с нарочным послали. Приехала я из Каргаска в 3 часа дня, и мне показалось, что ей стало лучше. Мелькнул луч надежды. Но 15-е число показало... Страдания ее были очень тяжелы, мучительны. Когда я приехала из Каргаска, она позвала меня и спросила: «Когда дедушкины именины?» Говорит, я считала, считала, и кажется, сегодня? И правда, в тот день он был именинником. Да тут же забыли. 26 марта ей будет 40 дней».

А вот отрывок из большого, не в один день написанного письма маминой сестры Надежды – она жила и работала в другом поселке, в Старо-Югино, за рекой, и «домой» приезжала нечасто:

«...7 февраля я возила маме сено с Недоступного. Привезла сено, она накормила меня пирогами с осердием, я еще немножко побывала дома и поехала. Крепко-крепко поцеловала ее и сказала, что не скоро буду опять. И как приеду, хочу, чтобы и папа был дома. А когда поехала, почему-то подумала: «Почему я поцеловала только один раз?» Но я и не думала, что вижу ее здоровой в последний раз. На другой день я уехала в тайгу, за 60 км. 15-го числа должны были приехать за мной. Я как будто ничего не почувствовала, но дожила до 13-го, взяла у рабочих лошадь и сама поехала домой, в Старо-Югино (именно там жила Надежда). Приехала ночью, узнала, что с мамой пло-

Александра Григорьевна и сын Виктор.

хо, перепрягла лошадь – и в Ново-Югино. Только открыла дверь, услышала стоны, забежала в комнату, мама сидела на кровати. Витюшка поддерживал ее голову, а Тася кормила ее. И вот только две ночи я побывала около нее. В последнюю ночь я потушила лампу, села около нее, целовала ее руки, молилась, звала папу на помощь. Она мне сказала: «Ох, Наля, как тяжело, а что будет днем?» А днем уже не стало ее. Мы все трое стояли у ее постели. Как я грела ее руки, как дышала на нее, как целовала ее ноги, они у нее долго были теплые. Но не согрела ничем. Как страшно было, когда умерла она. А когда мыть стали, а потом ночь, день. Она все время лежала как живая. Народу было очень много. Ее одели во все то, что сказала она сама.

Веруся, ты, наверное, видела материал у нее, в темно-синюю и желтую клетку, ей давно его покупал папа в торгсине. Вот из

Шамраев Сергей Степанович с дочерью Надеждой. Примерно 1940 год.

этого материала платье, вниз комбинацию надела. Коричневые чулки и белый платок концами назад повязали на голову. Сделали два больших венка из пихты с цветами из бумаги и стружек. Гроб красить и обивать она не велела, только обтянули внутри его и по краю гроба сделали белую рюшку. Один венок положили в гроб, а второй прибили к крышке. Так и отправили ее в последний и путь.

И неужели больше никогда не вернется она? Бывало, идешь домой и встречает тебя худенькая сутуловатая старушка. А как идешь обратно, перейдешь реку, а она стоит и машет тебе рукой, долго-долго. Пока не

скроется за кусты, она все стоит и машет. А теперь приедешь, поплачешь над ее капотом, в котором она ходила в последнее время, а на могилу приедешь, отгребешь рукой снег, помотришь на мерзлые камни, поплачешь над ними, вот и все. Тетя Оля и Витюшка рассказывают, что она хорошо чувствовала себя в последние дни.

9 февраля как раз получили ваше письмо и фотокарточки. Она была очень веселая. И чувствовала себя совсем хорошо.

И никак, никак не верится, что нашей милой мамочки уже нет. Все думали, что, может, в самую тяжелую минуту вернется папа. Но тот даже ни одного нашего письма не получил во время болезни мамы. И вот уже три недели как умерла мама, а мы все еще ничего не получали от папы. Что с ним, где он – ничего не знаем. Всех выпускают, выпускают. А когда на нашу долю будет это счастье? Мы так боимся за папу, просто не знаю. Хотя бы он был жив и здоров да вернулся скоро домой! Хотя бы все вместе были. Сколько осталось нас...

Вот смотрю на карточку, а она сидит и улыбается, и папочка рядом. Больше ведь никогда-никогда не увидим их вместе. Теперь нет ни дома, ничего. Не стало папы и мамы, и хозяйства сразу не стало никого.

...Материально живем пока ничего. Вчера ездила на Четвертый, купила на 500 рублей картошки, сена еще на 300 рублей. Вот только с хлебом плохо. Если можно, то достаньте на папу. Думаю, пуда два, в какую бы то ни было сумму. Денег переведем, а то вернется папа, а у нас и хлеба нет. Получили от папы письмо. Он его писал еще на маму. Живет ничего. Пишет, чтобы весной кто-нибудь приехал.

Как будем жить дальше, не знаю. 13-го была у мамы, прочитала ей папино письмо и передала твой привет. А сегодня ровно месяц как мамы нет. Ну, пока все. Пишите. Крепко целую, Наля. Привет от Таси, Вити и тети. 15.03.1942. Ново-Ютино. 2 часа дня».

Эти письма нельзя читать без слез. И в самом деле, сколько горя досталось этим девочкам! Ссылка, тяготы жизни под комендантскими хамами, холод, сырость Васюганских болот, арест отца, болезнь мамы. А вот теперь и ее смерть. Формально девушки были взрослые, но по факту совсем юные, беззащитные, в разоренном гнезде, в суровом, злом краю, с мальчиком-подростком на руках...

Будь прокляты навеки Сталин и сталинские времена, сталинские сатрапы, души-тели, гонители, доносчики! Никогда, никогда не прощу им того, что они сделали с нашей семьей.

...Я часто думаю о том, что уж больно много горя досталось на долю моих деда и бабушки. И хоть я их никогда не видела, по мере того как узнавала истории их жизни, они становились мне все ближе и родней. И мне иногда даже кажется, что ощущаю их так, словно они рядом со мной и нас не разделяют ни годы, ни бездна под названием Вечность.

И тем более страстно и настойчиво я занималась своими исследованиями. И вот сейчас передо мной встала задача: найти место, где отсидивал свой срок дедушка. Где это Орлово-Розовское отделение?

Открываю Интернет, задаю поисковый вопрос – и вот, нате вам! Орлово-Розовская тюрьма и колония располагаются в Чебулинском районе Кемеровской области.

Последнее фото бабушки (слева во втором ряду).

К сожалению, сайта у тюрьмы нет, но есть телефон, и мне отвечает милейший человек, С. Г. Марченко. Я прошу его поискать любые документы о пребывании моего деда, фото колонии и т. п. И он с большой охотой соглашается мне помочь!

Буквально в канун Рождества Христова я получаю ответ, в котором Сергей Георгиевич, председатель регионального отделения ветеранов, полковник внутренней службы в отставке, написал, что постарается в архиве ГУ МВД России по Кемеровской области найти сведения о моем деле, и приложил несколько фото лаготделения Сиблага. И буквально через несколько дней прислал те сведения, которые были у них в архиве:

«...Шамраев Сергей Степанович, осужден по ст. 109 на три года исправительно-трудовых лагерей. Конец срока наказания – 2 сентября 1944 года. Срок заключения отбывал в Орлово-Розовском отделении УИТЛиК УНКВД по Новосибирской области. Освобожден из Орлово-Розовского лаготделения 21 мая 1942 года, то есть досрочно!»

Получается, что отсидел дедушка в тюрьме меньше года! Наверное, у кого-то из верхов началось понимание, что сидящие в тюрьмах политические или осужденные по гражданским делам заключенные будут на фронте и на воле гораздо полезнее, чем на нарах, что они могут заменить ушедших на фронт специалистов...

Но вот эти недолгие, в общем-то, девять месяцев отсидаки деда оказались трагичными, катастрофичными в судьбе моей семьи. Всего пяти месяцев деда отсутствия хватило для того, чтобы не выдержало бедное сердце бабушки...

Как же жилось деду после ссылки в опустевшем доме? Читаем выдержки из его письма к моей маме от 22 декабря 1942 года:

«...Я, Вера, никак не могу себе твердо внушить, что мамы нет и больше никогда не будет. Мне все представляется, что мама где-то в отлучке и т. д. Мамина смерть так резко изменила наше семейное гнездо, что его теперь нет. Как будто мама все взяла с собой в могилу. Ничего нет... Ничего нет. Ничего не стало. На самом деле тут и время такое тяжелое, что ничего нет. Если бы не тетя Оля, то наше гнездо совершенно бы развалилось. Только благодаря тете Оле, которая его еще поддерживает. В настоя-

щее время, проще сказать, в этом году, так сложились обстоятельства, что приходится жить за счет тети Оли. Мне со службой вышло неудачно. Хотя я ничуть не жалею, потому что мне там было работать очень тяжело. Каждый угол, каждое место, каждая мелочь мне напоминали маму».

Пять лет еще будет жить на этом свете дедушка. К нему будут навещаться внуки: и Эдуард, и Валерий. Валерик-то вообще будет жить там довольно долго и даже учиться в школе в первом классе. Думаю, отослали его к деду летом 1944 года, когда мама ходила беременная мною. С тем чтобы, когда я появлюсь на свет, ей было бы легче справиться с такой оравой. Так что учиться Валерий начал в селе, где кроме спецпоселенцев было и коренное население – остяки. Дедушка регулярно писал всем своим детям, и его письма полны огромной любви, нежности и заботы. Всем-то он посылал посылочки, деньги, всем что-то шил, обо всех беспокоился, как о малых детях. В семейном архиве сохранилось его письмо, в котором он журит Эдуарда за тройки и грозитя отпороть рукава от гимнастерки, которую он шьет для него, если тот не выправит учебу! Ах, как жаль, что мне не довелось испытать любви моих дорогих, незнакомых мне стариков!

Дед умер 29 марта 1947 года, на шестьдесят третьем году жизни, на подводе по дороге в больницу... Помните, еще в 1935 году он писал своим закатным односельчанам о том, что у него крупозное воспаление легких? А еще раньше, в молодости, у него был туберкулез... Болезнь догнала и доконала его. С больными легкими жить в болотах Васюганья опасно. Ведь там нет того

Поклонный крест на месте бывшего поселка спецпереселенцев.

сибирского климата, когда сухой морозец в ясный день только прибавляет здоровья. В тот роковой для себя день дед уехал по своим врачебным делам в одну из соседних деревень, к больным. По дороге, на подводе, очевидно, он простудился. Ведь где тонко, там и рвется. Как мне объяснила знакомый и очень хороший доктор, дед, скорее всего, умер от крупозного воспаления легких. Как она сказала, и в наше время далеко не всех больных удаётся спасти от этой хвори, потому что это очень грозная болезнь, от которой даже в условиях стационара удаётся далеко не всегда вытащить человека из лап

смерти. Человек сгорает за несколько часов! А тогда ему, волею случая оказавшемуся далеко от дома, от амбулатории, ничего бы не смогло помочь. Вот так и получилось, что человек, спасавший тысячи жизней, остался без медицинской помощи и умер на зимней дороге! Горько! А ведь его последние письма были полны энергии и оптимизма, надежды на лучшее будущее...

Заканчивая рассказ о своих поисках и находках семейной истории и о роде Шамраевых, я не могу не сказать о том, как трудно было мне писать эти главы. И дело вовсе не в том, что я тонула в архивных документах, что, несмотря на их обилие, все-таки оставались пробелы, а в той неизбывной душевной боли, которая сопровождала меня все время, пока я работала. Все: каждое написание любого текста, осмысление каждого факта из жизни моих дедушки и бабушки – все приносило мне огромную боль, все травмировало, все напоминало о несправедливости, об огромной обиде, о загубленных ни за что ни про что жизнях. Можно сказать, что сердце мое кровью умывалось сотни раз, пока я вела эту работу.

Милые мои, дорогие дедушка и бабушка! Если бы вы знали, как я полюбила вас, как вы стали близки мне. Сколько раз я оплакивала вас, находя тот или иной документ! Плачу и теперь. Последним моим долгом перед вашей памятью было не только рассказать обществу вашу историю, но и получить свидетельство о реабилитации. Ни за что на свете я бы не посчитала свою миссию законченной, если бы не получила от государства свидетельство о вашей невиновности. Рассказываю, как это было. Вот ответ на мой запрос о реабилитации дед:

«УМВД России по Омской области от 28.01.2014.

Уважаемая Татьяна Ивановна!

Ваше обращение рассмотрено в Информационном центре УМВД РФ по Омской области. Сообщаю, что архив ИЦ УМВД России по Омской области не располагает какими-либо сведениями в отношении Шамраева Сергея Степановича.

Проведенными проверками в архиве Информационного центра УМВД России по Томской области, в казенном учреждении Омской области «Исторический архив Омской области», в архивном фонде Москаленского районного Совета народных депутатов по Омской области в документах о раскулачивании установлены сведения о том, что Шамраев Сергей Степанович в 1931 году в административном порядке по классовому признаку был выслан из Омской области.

Разъясняю, что в соответствии с пунктом «в» статьи 3 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 (далее – Закон) подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселения, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД».

Для получения справки о реабилитации Шамраева С. С. вам следует обратиться в наш адрес с соответствующим заявлением, приложив к нему нотариально заверенные копии:

документа, удостоверяющего личность;

документа, подтверждающего факт смерти репрессированного;

документов, подтверждающих родственные отношения с репрессированным.

...Начальник А. Г. Коротов».

Получила я этот документ и загрустила, затосковала: да как же я получу его? Это ведь почти невозможно! Нет у меня справки о смерти дед, не хватает документов, доказывающих мое родство с ним! Но нет таких преград, которые не могли бы одолеть большевики!

Значит, чтобы получить свидетельство о смерти дед, мне надо:

1. Доказать, что я – его внучка!
2. Доказать, что моя мама – его дочка!

Где же мне взять свидетельство о маминном рождении? Пишу без всякой надежды в Омский архив. И тут начинается! Нет у них свидетельства о рождении Веры Сергеевны Шамраевой, рожденной 23 октября 1915 года!

Как так? Ну, положим, мы отмечали ей день рождения на святую Веру – 30 сентября. Положим, в паспорте стоит 1913 год рождения. Но это ведь результат усилия моего дед, который, справляя ей паспорт, сделал так, что она стала на два года старше и поступила благодаря ему в техникум... Что же мне делать? Но какие молодцы работают в Омском архиве. Они написали: «Дополнительно сообщаем, что в метрической книге Богородице-Рождественской церкви села Борисовского Омского уезда за 1915 год имеется запись № 77 о рождении Веры. Дата рождения... 5 августа 1915 года. Дата крещения – 7 августа 1915 года (по старому стилю). Родители: медицинский фельдшер 4-го участка Петропавловского уезда

МВД России УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (УМВД России по Омской области) ул. Ленина, 2, Омск, 644099	
06 » февраля 2015 года	№ 9/4 ку/И-1/6
СПРАВКА о реабилитации	
г. Шамраев Сергей Степанович	
дата и место рождения 1884 г.р., г. Павловск Воронежская губерния	
дата, когда и каким органом репрессирован в 1931 г., выслан по классовому признаку.	
содержание применения и вид репрессии по политическим мотивам и административном порядке	
Постановление ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 г.	
на основании п. «в» ст. 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессии»	
Шамраев Сергей Степанович реабилитирован.	
заключение УВД Омской области от 06 февраля 2015 года.	
заместитель начальника отделения внутренней службы С.Н. Клевакин	

Справка о реабилитации Шамраева С.С.

Сергей Степанович Шамраев и его жена Александра Григорьевна». И интересуются, нужна ли мне такая бумажка? Да, конечно, нужна! Высылаю денежку и получаю архивную справку!

Идем дальше: свидетельство о браке моей мамы с отцом сохранилось в семейном архиве! Ура! Мама теперь Белимова. И я – урожденная Белимова. И свидетельство о моем рождении есть! Но теперь-то я Иванова! А свидетельство о регистрации моего брака с первым супругом утеряно! Я считала, что мне оно не нужно. Ведь я не только в разводе с ним, но и вышла замуж и много лет живу с другим человеком. И вот, нате вам, пригодилось! Пишу заявку. Через пару месяцев получаю свидетельство о том, что

я в результате этого брака с Ивановым В. И. тоже стала Ивановой.

Ну вот, теперь можно обращаться за свидетельством о смерти моего деда в Каргасокский архив. Ведь дедушка скончался там. Написала без всякой надежды – сколько отказов я получала из Томской области, не перечить! Но вопреки моему ожиданию получаю быстрый ответ: «Высылаем свидетельство в ЗАГС Центрального района, где вы его и получите». Но высылали они его быстро, а вот само письмо шло так долго, что его вернули назад, о чем и сообщили. Мол, за отсутствием адресата. Звоню в Каргасок, умоляю вновь отправить. Отправили. Теперь уже на ЗАГС Калининского района. Иду в Калининский ЗАГС, а там на меня давай наезжать: «Нет у нас вашего документа, езжайте в свой, Центральный район». Умоляю все-таки посмотреть. Посмотрели: есть! Ура!

Подаю пачку собранных с таким трудом документов и получаю долгожданное свидетельство. Свидетельство о смерти: 29 марта 1947 года не стало дедушки... Тяжелый документ. Да и само слово «смерть» – очень горькое, тяжелое. Но ведь как бывает: радуешься этому документу... И вот теперь я высылаю всю пачку документов в УМВД РФ по Омской области и в результате 6 февраля 2015 года получаю справку о реабилитации!

Тринадцать месяцев мне понадобилось, чтобы получить эту справку. Тринадцать! Я все понимаю, в документах должен быть порядок. Но! Когда деда высылали, когда отнимали имущество, когда выгоняли из дому, никто не заботился ни о каком порядке, ни о законности. Поступали как ди-

кари и варвары. А тут простая справка о том, что человек невиновен, чтобы получить ее, надобно поднять историю трех коллен рода. Надо на уши встать! А сколько денег потратить? А если бы мои документы оказались в оккупации под немцем, попали в войну под бомбежку, если бы их затопило или они погибли в пожаре? Разве так не бывает? Вот в Петропавловске архивные документы залило из-за лопнувшей батареи... Не видать бы мне тогда справки о реабилитации? Да и бумаженция крайне несерьезная – ни тебе водяных знаков, ни гербовой бумаги, а я считаю, что такую справку должны давать по первому требованию. Без всяких оговорок. И не мурьжить людей. Государство было виновато в этой ситуации. Государство должно было сделать все, что-

бы максимально сгладить все последствия своего преступного отношения к моей семье. Оно должно было мне эту справку не только по первому требованию выдать, но еще и свои извинения принести. Но вот читаю справку и опять возмущаюсь: реабилитирован дедушка на основании ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 года. То есть до этого времени целых шестьдесят лет мой дед числился как бы виноватым перед страной? И опять мое сердце кровью обливается.

Вот сколько времени я работаю над историей семьи моего деда, столько и негоуюю, столько и соболезнаю, столько оплакиваю, столько и сопереживаю: за что? Чем навредила родине моя семья? И почему родина вела себя как враг? Зачем это нужно было моей любимой России? Зачем?

* * *

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Федор ТЮТЧЕВ

НАСЛЕДНИКИ СУДЬБЫ

В ЕРА

НАЧАЛО своей жизни наша мама очень хорошо изложила в своих воспоминаниях. Я же расскажу другую, более позднюю, свою историю про нашу маму, Белимову Веру Сергеевну.

Одно из самых ярких и невеселых впечатлений детства – мы живем на «погорелой квартире» в Колпашево. Значит, мне лет пять. Я кручусь в гостиной, или в родительской спальне. Это самая уютная и красивая комната нашего дома. Посредине – круглый стол. На нем скатерть невообразимой красоты: парчовая, золотая, с голубыми узорами. Скатерть эта просто волшебная. Если ее перевернуть на другую сторону, то окажется, что она голубая с золотыми узорами! А еще у скатерти синие бархатные кисти! Я люблюсь скатертью, и в голове моей всякие мечты про царские палаты – ведь только там может быть такая красота!

Эту скатерть привез в подарок отцу его племянник Иван Фаркашев, который служил в самой Германии! А еще он привез необыкновенный ковер из шелковистого бархата. На ковре пасущиеся лани. Ковер висит над родительской кроватью, увенчанной пуховыми подушками под кружевной накидкой. Рядом с кроватью – тумбочка, на ней – патефон, духи «Красная Москва» и пудра с таким же названием в красивых

Вера Сергеевна Белимова (Шамраева), 85 лет.

красных коробочках с золотым тиснением и шелковыми кисточками. Красота!

Но тут мои радостные мысли прервала мама самым неожиданным и страшным в моей недолгой жизни предложением: «Становись на колени! Будем за Эдика молиться!»

Что такое молиться, я и знать не знала, но мама приказала повторять за ней незнакомые слова и просить Боженьку, чтобы по-

слал нашему брату исцеление, чтобы операция прошла хорошо.

Я была страшно напугана и внезапной строгостью мамы, и унижительной позой, и необходимостью класть поклоны – чего раньше никогда не делалось – и незнакомыми словами и горько-прегорько плакала и от страха, и от обиды, и от жалости к брату.

А брат в это время лежал в московской глазной клинике на операции, на которую возлагались надежды, что после нее он снова сможет видеть... Увы! Видно, плохо и мало мы с мамой молились в нашем атеистическом доме, в котором не было ни единой иконки...

Домой брат вернулся лишь через несколько лет, окончив 10 классов в столице, в самом привилегированном интернате для слепых детей, куда его определил известный в ту пору писатель и переводчик, лауреат Сталинской премии Александр Дейч, с которым брат лежал в одной палате. Будучи уже пожилым человеком, Дейч проницая к судьбе очень одаренного мальчонки из глухого таежного угла и похлопотал о его устройстве в эту спецшколу. Спасибо ему и вечная память!

Мы жили в Томском музее, когда вернулся Эдуард с серебряной медалью, с мечтой о высшей математике, с кипой тяжелых долгоиграющих пластинок с классической музыкой, с целой серией московских сплетен и влюбленностью в певицу Звездину – приму оперных подмостков. Поскольку у брата была потребность постоянно слушать трансляции из консерватории и музыкальных театров, специально для него в доме появилась радиолка «Звезда». Можно было и ловить разные ради-

останции, и слушать по радио классику, коей было очень много на Всесоюзном радио, и ловить запрещенный «Голос Америки», про который мы, провинциалы, и слыхом еще не слыхали.

Когда встал вопрос о поступлении брата в институт, он собирался подать заявление на математику. Но тут мама просто зарыдала: да как же смогу тебе помогать? Что я пойму в этих интегралах, этих значках и закорючках? Выбери себе такой факультет, чтобы я смогла тебе читать. И брат выбрал иняз. Это был факультет, на котором надо было ежедневно, как в школе, делать домашние задания. Иначе язык не выучить. И мама работала с братом как личный репетитор. Но потом, на братово счастье, он свел дружбу с одним пареньком-одноклассником, который и стал ему помогать. Через это он практически стал нашим членом семьи, питался у нас, думаю, родители когда-нибудь и какую-то копейку ему подкидывали. Как бы там ни было, а Эдуард окончил институт с красным дипломом! И, конечно, в этом немалая заслуга нашей мамы, которая была его «глазами» много лет.

И еще я вспоминаю один случай, когда наша мама, в общем тихая и очень уравновешенная женщина, кинулась спасать сына как настоящая львица!

В это время брат был уже преподавателем кафедры английского языка в НЭТИ. И квартира у него была рядом, прямо на проспекте Карла Маркса, в двух остановках от института по прямой. Интересно, что Эдик, абсолютно слепой, ходил в институт сам и даже без тросточки. Его там, в Москве, учили этому: достаточно было пару раз сводить его по этой дороге, и он

Семейство Белимовых. Стоят: Сталина, Лилия, Эдуард, Валерий. Сидят: Вера Сергеевна, Татьяна, Иван Тихонович. Колпашево. 1951 год.

каким-то особым способом дорогу запоминать, а после уже добирался самостоятельно!

И все было хорошо, пока разгильдяи не оставили на тротуаре открытый люк и брат туда не попал ногой и едва не провалился. Узнав об этом, мать помчалась к хозяевам люка с требованием его немедленно закрыть. А те стали чего-то возражать, отговариваться, что не получится, что люков нет, что надо подождать, что...

– Ах так?! – сказала мать. – Пеняйте на себя! Я сейчас же иду на улицу, нанимаю самосвал и к чертовой матери заваливаю ваш люк песком!

Тут уж чиновники забеспокоились.

– Не имеете права, гражданочка, так нельзя! Мы вас привлечем.

– Привлекайте! А я пока сына спасу.

И ушла. И что же вы думаете? Уже через пару часов на люке лежала крышка. Нашли!

Был еще один случай, когда мама проявила себя героиней.

На этот раз со Сталиной. Та попала в начале лета в больницу скорой помощи с высокой температурой, и доктора считали, что это острая форма не то ОРЗ, не то гриппа. Но несколько дней лечения результатов не дали: температура неустанно ползла вверх, и никакие уколы не брали. Пришла мама, сидела, глядела. И как раз начался обход зав. отделением вместе с лечащим

врачом. И, как поняла мать из их реплик, назначения они менять не собирались. А температура уже за сорок!

– Вы что думаете? Вы хоть понимаете, что делаете? Да она ж у вас умирает! Немедленно отправляйте ее в инфекционку!

– Женщина, вы что, врач? Вы чего тут распоряжаетесь?

– Я не врач, но я на таких больных на севере насмотрелась! Немедленно вызывайте скорую!

И что же вы думаете? Вызвали! Повезли нашу сестру Сталину в инфекционную больницу, где сделали верное назначение, поставили правильную капельницу, и температура сестры резко пошла вниз. Спасли!

А вообще-то мама была негромкая женщина. Атмосфера нашего дома всегда была спокойной, бесскандальной, нравственной. Никогда никаких скабрзностей, грязных слов, перебранок – и сейчас, перешагнув семидесятилетний рубеж жизни, наславшись, навидавшись всякого и закалившись в этой не всегда доброй жизни, я до сих пор испытываю дрожь омерзения, когда слышу грязный мат!

Вспоминаю, как привела в дом однокурницу, девушку из Карасука, из бедной семьи и явно из маргинальной среды. Она, как по Пушкину, ни ступить, ни молвить не умела. Ее словарный запас был очень скуден и речь была крайне неразвитой. Остается удивляться, как она выдержала огромный конкурс и поступила на дневной. Ну, да я не о ней, а о маме. Мама в тот момент разговаривала по телефону и любезно кивнула Тоньке:

– Проходите, пожалуйста, располагайтесь, девушка!

Даже эти простые слова потрясли мою однокурницу: «Таня, какая у тебя мама хорошая!» И она впилась ухом в мамину телефонную речь, впитывая каждое ее слово. И «будьте любезны», и «не сочтите за труд», и т. д., и т. п. Потом мама кормила нас обедом, расспрашивала Антонину про институт, про родителей. Уходя, Тонька шепнула мне: «Какая у тебя мама хорошая! Вот бы мне такую!» Да, тогда у нее точно было бы другое детство!

Нас было много в родительском доме, но мама никого не выделяла, у нее не было любимчиков, но в то же время не испытывали мы и особой нежности, никогда она нас не заласкивала, не зацеловывала, не баловала. Так же и к внукам относилась, коих было у нее девять человек!

Когда мы выросли и сами стали семейными людьми, родительский дом продолжал служить центром притяжения. Почти каждый праздник все семейство собиралось за родительским столом. Мама умела и принять, и вкусно приготовить, и красиво подать. Ее торты были безупречны, а холодцы, заливные, горячие блюда – вообще выше всяческих похвал! Часто она баловала нас пирогами, и они полностью соответствовали нашим представлениям о доме, уюте, «красной избе».

Она была человеком широких интересов, интересовалась не только нашей жизнью, но и жизнью страны, новинками. Была легка на подъем. С энтузиазмом подхватывала что-то новенькое: последний рецепт, новый сорт, новую методику выращивания, последнюю хохму...

Мы переехали в Новосибирск в 1959 году. Это были годы правления Хрущева,

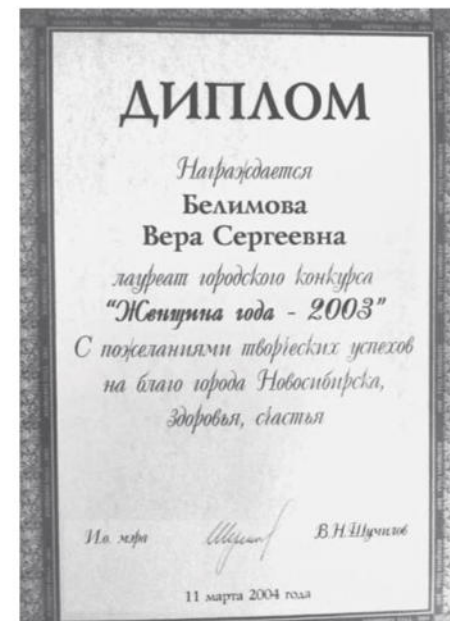
который наряду с невероятными глупостями типа отчуждения Крыма от России, выращивания кукурузы на всех широтах страны сделал немало добрых дел: развенчал культ Сталина, выпустил из лагерей и тюрем ни в чем не повинных «врагов народа» и реабилитировал их, начал массовое строительство жилья, стал развивать города и космическую отрасль и, наконец, совсем по-ленински, дал обещанную с 1917 года землю народу.

Миллионы людей по всей стране получили кто четыре, а кто шесть соток земли и тем самым смогли наконец обеспечить себя хотя бы овощами. В Новосибирске для новоявленных дачников и огородников были организованы при сельхозинституте специальные курсы, которые вели преподаватели вуза. Подобные курсы, но с более узкой тематикой, мама уже окончила в Томске и с большим удовольствием стала посещать и новосибирские курсы. Продвинутую ученицу заметили и предложили ей по окончании поступить на работу консультантом в только что созданный городской совет садоводов.

Отлученный на долгие годы от земли народ был чудовишно неграмотен в вопросах земледелия и агрономии, и потомков вчерашних крестьян надо было учить всему с самых азов, с самого примитивного.

Какой стороной надо сажать луковицу в землю, где у молоденького саженца корни, а где – побеги и т. д.

Мама начала трудиться с огромным энтузиазмом, ездила по товариществам, показывала ошибки, наставляла, обучала. Привозила саженцы из питомников соседних областей: в Новосибирске тогда своего ниче-

Диплом Вере Сергеевне Белимовой от администрации Новосибирской области в 2003 году.

Страница из книги «Женщины Года - 2003».

го не было. А потом, спустя лет десять, когда вырос пласт своих грамотных садоводов, организовался общегородской клуб садоводов-любителей, который в зимнее время по субботам собирал желающих и читал для них лекции и по вопросам борьбы с вредителями, и по выращиванию плодов и овощей, и по цветоводству, и по обмену опытом. Год от года число членов клуба росло, лекции проводились в больших залах домов культуры. О клубе заговорили, он завоевал авторитет городских властей, экспонировал на ежегодных выставках урожая выращенные плоды, ягоды и фрукты. Маму постоянно награждали грамотами облсовета и администрации. И члены клуба решили

присвоить клубу имя «Вера» – в честь его бессменной руководительницы. Более тридцати лет мама руководила этим клубом, обучив за долгие годы многие тысячи горожан земледелию, садоводству и огородничеству. А в 2003 году наша мама, Белимова Вера Сергеевна, была удостоена звания «Женщина года» и занесена в специальную книгу! Было ей в ту пору девяносто лет!

Общественная работа, за которую она никогда не получила ни одной копейки, доставляла ей радость и продлевала дни. Она чувствовала свою необходимость и потому была бодра духом и нацелена на жизнь.

Она была человеком большой силы воли и мужества, полна желания жить и действо-

Шамраевы, Полянские, Белимовы в гостях у тети Веры Белимовой.

вать. Ей было семьдесят шесть лет, когда тяжёлый перелом тазобедренных костей надолго уложил ее в постель. Больничные нянечки, которые знают больше всех, посоветовали нам готовить «смертное»: многие старики после таких травм уходят. Мы наняли ей сиделку и приготовились к худшему. К счастью, мама не только выжила, но и через несколько дней после выписки, никому ни слова не говоря, одна отправилась на свой любимый дачный участок, чем повергла нас всех в настоящий шок и состояние восторга!

ТАИСИЯ

ТАИСИЯ родилась в 1916 году. Ссылка семьи в Васюганье распорядилась ее жизнью: девочка начала работать в четырнадцать лет!

Таисия стала учительницей начальной школы, проехав по распоряжению РОНО, которое с каким-то варварством перебрасывало юную учительницу из поселения в поселение, по всему Нарыму: Старо-Югино, Ново-Югино, Усть-Чижалка и пр., и так до 1946 года. Заочно окончила Колпашевское педучилище.

Болезнь, сломавшая ее жизнь и до срока загнавшая ее в могилу, начала проявляться рано, уже к концу войны. Дело в том, что в период войны школам был установлен лимит на сбор дикорастущих лекарственных трав. И ребяташки вместе с педагогами с

У нее до последних дней были прекрасная память и ясный ум. Она помнила и мелочи, и важные события, не забывая ни одной памятной даты, ни одного дня рождения. Живо интересовалась всем происходящим, умела радоваться каждому дню и не впала в уныние, даже когда слегла... Ушла из жизни на девяносто восьмом году.

Но у нас такое ощущение, что ее добрый дух не покидает нас и она всегда где-то рядом, живо интересуясь нами и благословляя нас на добрые дела.

Сестры Таисия (слева) и Надежда Шамраевы.

ранней весны, когда набухали почки, до самой поздней осени собирали по тайге дикоросы для фронта. И это в болотах Васюганья, как известно, самых больших болотах мира! Стылая северная погода, постоянная сырость, отсутствие теплой одежды, сменной обуви подорвали ее здоровье и обрекли на инвалидность.

Но она очень мужественно переносила свою болезнь: тяжелейший полиартрит и связанные с ним боли. Даже врач Новосибирский горбольницы, повидавший всякое, удивлялся и говорил, что больных с такой формой этого заболевания почти не бывает, потому что не выдерживают, умирают от болевого шока!

До самой последней возможности, превозмогая боль, она продолжала трудиться. Да так, что была ДВАЖДЫ удостоена государственных наград: медали «За трудовую доблесть» и ордена «Знак Почета»! Она была не только блестящий преподаватель, вдумчивый педагог, но и настоящий энтузиаст просвещения. Должно быть, сработали гены предков Патрушевых – ведь все они на протяжении столетий преподавали в церковноприходских школах! В своей квартире, на дому, она готовила наглядные пособия, с которыми в те годы было очень плохо. Вдохновляла коллег, и они приходили к ней в дом и рисовали, чертили, клеили. Целые кипы учебных картонов-пособий хранились у нее дома. Все свободное время она посвящала школе. Недаром многие родители из кожи лезли вон, чтобы отдать свое чадо в класс к Таисии Сергеевне!

Еще она умела прекрасно шить. Ее дочка Наташа всегда была одета как картинка: кантики, оборочки, рюшечки... Все со

вкусом, аккуратно и тщательно! С не меньшим удовольствием она обшивала и соседскую ребятню. Еще она прекрасно вышивала и украшала вышитыми занавесками, салфетками и полотенцами свою квартиру и дарила свои изделия родным. А какие кружева выходили из-под ее крючка! Это и воротнички, и подзоры, и накидушки, и даже скатерти и вазочки!

С 1957 года из-за болезни она работала уже только периодически: от ремиссии до ремиссии; потом заболевание все-таки одолело ее, оно стало постоянным спутником... Но на пенсию вышла, как и полагается, по старости, получив так называемую «северную пенсию» в пятидесятилетнем возрасте, и переехала жить в Новосибирск. В 1974 году, в возрасте шестидесяти семи лет, Таисия Сергеевна Шамраева ушла из жизни...

Ее дочь Наталья стала инженером, работала всю жизнь в новосибирском проектно-институте. Родила дочь Надежду, которую воспитала как очень самостоятельного и ответственного человека.

Внучка Таисии Сергеевны завершила высшее образование, получив красный диплом отличника, и, отработав несколько лет в родном Новосибирске, отправилась искать счастье в Северную столицу, где сумела заработать на собственное жилье и куда забрала мать-пенсионерку.

Таисия с дочерью Наташей.

Наталья Шамраева.

Надежда Шамраева.

ЕЛИКАНИДА

ЕЛИКАНИДА, или Леля, родилась 28 февраля 1918 года. Ей было всего двенадцать лет, когда семья была выслана в суровый край. На ее детские плечи легла забота о младших детях.

А в шестнадцать лет она уже пошла работать по-настоящему, в детский дом, где и встретила свою судьбу – будущего мужа, Георгия Степановича Токарева. Судьба его по молодости складывалась не менее трагично: будучи еще мальчишкой, рассказал какой-то невинный анекдот, в котором увидели скрытый смысл, арестовали и отправили на Беломорканал, а затем сослали в Нарым. Когда закончилась война, молодая семья Токаревых уехала на родину мужа, в Нижний Тагил. Очевидно, война списала его «грехи», и Георгия Степановича пригласили в качестве главного бухгалтера на Алтайский вагоностроительный завод, на котором супруги отработали девятнадцать лет, а потом все-таки вернулись на родину мужа, в Свердловск. Там супруг вплоть до выхода на пенсию занимал высокую должность, работая главным бухгалтером на шарикоподшипниковом заводе, а тетя Леля – начальником машиносчетной станции. Детей им Бог не дал, и они отдавали свою нерастратченную нежность племянникам и друзьям, которых у них было много.

Вот что вспоминает о своей тете Леле внучатая племянница Надежда:

«Иногда мне кажется, что тетя Леля уме-

Леля и Георгий Токаревы.

ла все. Настолько удивительного человека я больше не встречала. Наверное, начать перечисление того, что умела тетя Леля, стоит с ее тортов. Ее знаменитые «Сказки Пушкина» в виде книги прибегали посмотреть даже известные кулинары в Свердловске! А корзиночки из песочного теста, украшенные грибочками, цыплятами или клубничками, рассыпающийся торт из безе! Кто пробовал, тот запомнил их на-

всегда. Самое интересное было наблюдать, как все это великолепии создавалось! На небольшой кухне с маленькой газовой плитой на две конфорки выпекались торты на полстола, а корзинки пеклись сотнями. Листы незабвенных «Сказок Пушкина» создавались обычной мужской расческой. А металлические наконечники для мешков с кремом тетя Леля ловко подправляла плоскогубцами, придавая крему разнообразную форму. Самым дорогим подарком для тети Лели были дефицитный в то время латвийский миксер или пакетик пищевого красителя. Казалось, что она не устает от многочасовой стряпни, а, наоборот, заряжается энергией. В какое бы время ни нагрянули гости, через полчаса они уже пили чай с пирожными.

А уж гостей в их доме было много. Точнее сказать, они были всегда. Ко всем праздникам знакомые заказывали торты по особому списку, попасть в него было непросто. Как вы понимаете, в советские годы все это стряпалось бесплатно, но благодарность всегда выражалась продуктами: сгущенкой, орехами, сахаром и т. д.

Самые радостные воспоминания детства – это копошащаяся на солнечной кухне тетя Леля, пение канареек и разливающийся по всему дому запах свежеспеченного бисквита.

Еще она шила, шила все, от палаток и брезентового чехла на их знаменитую «Волгу» с оленем до шифоновых платьев. Шила очень хорошо, легко, чего только стоило сконструировать чехол на машину?! И ведь сидел идеально.

Во времена моего детства Токаревы очень увлекались загородными поездками: боль-

шая компания на нескольких машинах ехала с ночевками на озеро. Разбивались палатки, ночью ловили раков, утром мужчины рыбачили на лодке. Рыба там водилась вкусная, но очень мелкая. Почистить ее могли не все, а вот тетя Леля чистила ее мгновенно, помню, в последний раз я видела ее за этим завораживающим занятием в 1986 году. На природу тогда мы ездили уже не с палатками, а просто на дачу к друзьям. Как всегда, наловили полведра мелкотни, тетя Леля, уже скрученными полиомиелитом руками, очистила их за полчаса.

А в зимние вечера она вязала ажурные платки, потом их после стирки натягивали на деревянные рамы сушить. Поэтому платки, которые были частым подарком знакомым, возвращались в дом на сушку.

Еще отдельной темой идет фантастическое черноплодное вино! Это правда было что-то особенное, почти ликер. Заветные бутылочки прятались в большом холодильнике ЗИЛ и доставались только для действительно дорогих гостей. Но и чуть менее дорогим гостям всегда доставалось отличное домашнее вино из смородины. Когда она все это успевала делать, непонятно.

Постоянно в окружении людей. Всегда множество гостей, застолья, разговоры о литературных новинках, стихах. Большая библиотека в доме была не просто украшением – книги читали, обсуждали, спорили.

В детстве поражающий недостаток в их доме, было все: машина «Волга», французские духи, красное дерево, хрусталь, сгущенка и т. д.

Став старше, я обнаружила еще один удивительный талант у тети – это ведение домашнего хозяйства. То ли в силу профессии

(а они с мужем оба были бухгалтерами), то ли из-за личных особенностей – ведь мало кто из бухгалтеров в советские годы так хорошо жил – но домашнее хозяйство было на высоте. Хозяйственные книги велись ежедневно: сколько тратилось на лекарства, проезд и т. д., было точно известно. Все продукты были учтены, ничего не пропадало и не выбрасывалось. И даже книги были все каталогизированы и просто так не терялись, кто когда и какую взял, было записано.

Что еще умела тетя Лея, не берусь судить, думаю, что могла она все, но, будучи

мудрой женщиной, позволяла и мужчине проявлять себя в доме.

Удивительно, как много энергии, работоспособности и таланта было в этой женщине. Самой тете ее жизнь казалась обычной, а мне в силу возраста было не догадаться, что таких женщин на свете не так уж много... Не записать, не расспросить, не научиться.

Супруги Токаревы ушли из жизни друг за другом: сначала Георгий в 1990 году, и два года спустя тетя Лея, оставив о себе самые добрые и нежные воспоминания.

НАДЕЖДА

МЛАДШАЯ из четырех дочерей, Надежда, родилась 6 августа 1921 года в Новоцарицыно, вместе с семьей отбывала нарымскую ссылку, там же окончила среднюю школу и два года отработала учетчицей на лесозаготовках в тайге. После чего ей было разрешено учиться дальше (вот какие были времена), и она уехала в Новосибирск, где поступила в институт геодезии и картографии. Прошло два года, шла война, но органы не дремали, и именно в это время ей припомнили, что она – дочь политически неблагонадежного человека и потому в вузе ей не место! Так Надежде пришлось отчислиться из института. Хорошо, что в то время Надю поддерживал своими письмами ее добрый и любящий отец. Эти письма до сих пор невозможно читать без вол-

Надежда Сергеевна Шамраева-Полянская.

нения: столько в них доброты, любви и заботы! Так что Надежде, точно так же, как и ее старшей сестре Вере, власть закрыла путь к образованию. Пришлось поступать на работу – в контору 22-го домоуправления Кировского района.

В 1944 году Надежда повстречала свою любовь и вышла замуж за Алексея Степановича Полянского, который работал на оборонном заводе № 179.

В том же 1944-м у них родился первенец – сын Анатолий, а в 1946-м на свет появилась и дочь Людмила. Вскоре семья переехала в г. Черепаново, а затем в Чистоозерное, где Алексей Степанович стал главным бухгалтером райпотребсоюза. Семью не обошли необоснованные преследования: по несправедному обвинению отца семейства арестовали и осудили сроком на 10 лет с конфискацией имущества, поскольку приписывали ему имущественное преступление. А на самом деле кто-то покрывал свои грехи, подставив честного человека.

И вот тут двое малышей и их мама в полной мере познали и холод, и голод, и жизнь в землянке. Все имущество, от детского белья до матраца, было конфисковано! Бедная мать билась изо всех сил, чтобы выжить, чтобы дети не умерли с голоду. Но мало того, что у семьи забрали все, что возможно, но и выселили из служебного дома!

«Позднее мама нашла работу, если правильно помню, в Доме Союзов, – вспоминает Анатолий. – Но что это за организация, я до сих пор не понимаю. Было холодно, голодно и одиноко нам с Людочкой, когда мы сидели в этой избушке и ждали нашу мамочку с работы. Иногда мы ходили к ней на работу и учили там уроки.

Алексей Степанович Полянский.

А еще на всю жизнь сохранили в памяти ужасную картину, как отца, согласно правилам того времени, постоянно переводили, а вернее, гоняли из КПЗ в КПЗ других тюрем. Все родственники заключенных каким-то образом узнавали, когда погонят этап на станцию, и выжидали на улице, чтобы хоть одним глазком увидеть своих дорогих родных. Люди бежали за этапом и кричали заключенным, пытаясь что-то услышать от них, а конвой из солдат с оружием и собаками пытался всех отогнать. На перроне вокзала в ожидании состава этап сажали на корточки, но собаки и конвоиры не подпускали к ним никого. А когда начиналась посадка в вагоны, заключенных били прикладами, ускоряя замешкавшихся арестантов.

Алексей Степанович Полянский и Надежда Сергеевна Полянская (урожденная Шамраева).

Тогда на помощь пришла мамина семья. Помогали, чем могли. Таисия даже приехала из другого города, привезла продукты и подкормила голодную семью. Даже младший брат Виктор, студент, передал деньги, отложенные себе на костюм, пришли деньги и от семьи Белимовых».

Но самую неоценимую помощь оказала семья Еликаниды, или просто Лели: супруги Токаревы просто спасли несчастную семью, поселив ее в своей двухкомнатной квартире в городе Чесноковке (ныне Новоалтайск) и поддерживая их во всем. Благо, возможности позволяли: муж Лели был главным бухгалтером вагоностроительного завода. А сама сестра работала бухгал-

тером одного из цехов. Жизнь стала потихоньку налаживаться, особенно после возвращения отца, которого освободили, сняли судимость и реабилитировали.

«С 1953 года Надежда работала на «семейном предприятии» – на вагоностроительном, – вспоминает Людмила, – тоже бухгалтером, при этом она была активной общественницей, членом профкома. И она много лет активно занималась детскими садиками, жилищными вопросами сотрудников. Просители нередко приходили прямо домой, и она помогала всем: кому с устройством на работу, а кому – с садиком или жильем.

Она вообще была добрейшим человеком, для которой забота о своей семье была всегда на первом месте. Она очень любила и нас, и нашего отца, и своего младшего брата Витю, и сестер: Веру, Тасю, Лелю. Ее самой большой мечтой было выучить нас, чтобы мы получили высшее образование, особенно потому, что ей самой не удалось окончить институт...

Потом в эту же квартиру в 1955–1956 гг. вернулся и наш папа после досрочного освобождения из лагеря. Все обвинения с него были сняты, и его реабилитировали. Позже наша объединенная семья переехала с первого этажа на второй, в большую трехкомнатную квартиру, где мы и жили, пока Токаревы не вернулись назад, в Свердловск. Позже, через несколько лет, уже отец занял должность гл. бухгалтера. Когда Токаревы вернулись на Урал, мы остались в трехкомнатной квартире одни, и у нас началась более-менее достойная жизнь».

Много лет мать семейства, Надежда, мечтала посетить могилы родителей в ссылке в

Надежда Полянская с детьми Анатолием, Людмилой и племянницей Натальей.

Васюганье. И вот наконец в 1960 году она осуществила свое желание и поехала туда с сыном Анатолием поклониться дорогим могилам. Вот как об этом вспоминает сам Анатолий:

«Эту поездку наша мама вынашивала все свои годы. Я стал достаточно взрослым и уже окончил девятый класс. Мы втроем, с Людой и мамой, сели на пароход в Барнауле и направились в Колпашево, к тете Тасе. В Колпашево провели несколько дней. В этом городе меня поразили дороги, которые были вымощены просмоленными чурочками, поставленными на попа – торцами кверху: так называемые торцевые мостовые. После дождя воздух вкусно пах ле-

сом и хвоей. И вот мы: я, мама и тетя Тася – втроем поехали в Каргасок. Там мы пробыли пару дней, а затем на почтовом катере отправились вверх по реке Васюган, в Ново-Югино. Причалили уже в темноте. На берегу сидели несколько молодых ребят и пели под гармошку. Они поинтересовались, к кому мы приехали. В ответ мама спросила, кто их родители, и, услышав знакомые фамилии, попросила отвести к ним. Это оказались старожилы, и когда они услышали, что мы – Шамраевы, все заохали и расплакались! Они помнили нашего дедушку, единственного фельдшера на всю большую округу, и то, как он лечил и спасал этих людей.

Надежда Полянская с Людмилой, Натальей и Анатолием.

Переночевав, мы отправились следующим утром на деревенское кладбище, чтобы найти могилу нашего деда. Дедушку хоронил только дядя Витя, который к тому времени уже погиб. Утро было солнечное, и мы шли через поселок, который производил странное, можно даже сказать, страшное впечатление. Он был почти пустой. Стояли дома, в огородах росла картошка, а людей не было. Многие двери в домах были подперты березовыми полешками. Прошли здание двухэтажной школы, в которой училась наша мама. Все стекла в окнах выбиты, штукатурка отвалилась, дверей нет. Жуткое впечатление. Мама сказала, что здесь в ее школьные годы шумела жизнь, было много молодежи. Сейчас все уехали, перебрались в другие поселки и города (должно быть, мало осталось желающих жить в этом

созданном для ссыльных поселке, в котором все напоминало о недобром прошлом). И вот мы на старом заброшенном кладбище. Все поросло высокой травой. Там, где, как мы и предполагали, похоронен дедушка, по рассказам дяди Вити, было несколько маленьких, почти вровень с землей, могильных холмиков со стгнившими и упавшими крестами. Походили мы, походили, постояли, постояли у нескольких холмиков. Где могли, поправили кресты и пошли потихоньку назад, вспоминая нашего дедушку и всю их большую семью. Потом на берегу кто-то нас посадил в моторку, перевез через Васюган и далее вверх по течению, в недалекий поселок Старо-Югино. Там еще теплилась какая-то жизнь: работала лесопилка, ездили грузовики. Мы дождались почтового катера, доехали до Каргаска, а затем на пароходе вернулись в Колпашево. Это был наш первый и, как видно, последний приезд в эти глухие места, где жили когда-то наши дедушка и бабушка и их большая семья».

Надежда Сергеевна ушла из жизни совсем молодой, в том же возрасте, что и ее мама, в пятьдесят один год. Детство на холодном севере, в гнилом климате, годы беды и пережитого горя, очевидно, сказались на ее здоровье, и она ушла, стгорев до срока, оставив о себе светлую память. Супруг пережили ее на десять лет.

У четы Полянских, как читатели успели понять, двое детей: Анатолий и Людмила. Анатолий окончил Томский госуниверситет, работал как ученый в Ногинском научном центре в Подмоскowie. Когда в СССР начался развал науки, он уехал работать в США, где преуспел, стал доктором наук. У

Дети Надежды Полянской Анатолий и Людмила.

Анатолий Полянский с супругой Ириной.

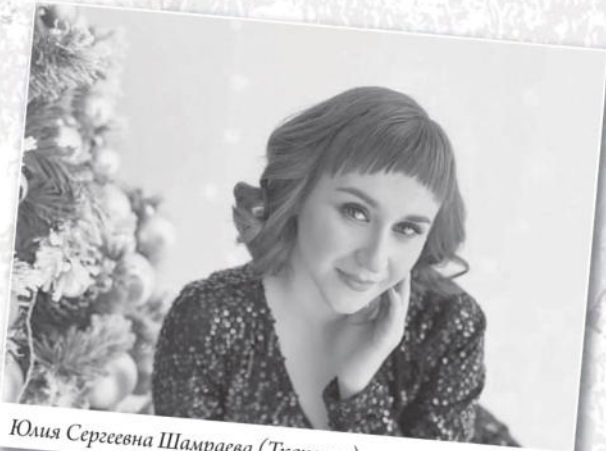
Дмитрий Анатольевич Полянский с супругой Ириной и дочерьми Варей и Катей.

Светлана Анатольевна Полянская.

*Сергей Викторович
Шамраев.*

Юлия Сергеевна Шамраева (Ткаченко).

Константин Викторович Шамраев.

Андрей Константинович Шамраев.

него двое детей: сын Дмитрий и дочь Светлана; трое внучат и правнук.

Дочь Людмила окончила Алтайский политехнический институт, стала инженером, работала, как и родители, на АВЗ, а затем в проектно институте «Сибгипросельхозмаш», потом в налоговой инспекции, где

и завершила свою трудовую деятельность. У нее двое детей: дочь Ольга и сын Алексей. Оба отпрыска имеют высшее экономическое образование. У Людмилы подрастает третье поколение: две внучки, Софья и Анна, и внук Александр.

ВИКТОР

ДОЛГОЖДАННЫЙ сын, пятый ребенок в семье Шамраевых, Виктор родился в 1929 году. Если учесть, что детство и юность Виктора прошли в тайге, лучшим отдыхом для жителей глухой тайги был лес: охота, шишки, грибы. Еще одним его увлечением, можно сказать, даже страстью были стихи. Он начал их писать в раннем детстве и облачал в поэтическую форму свою жизнь и все, что его волновало. Особенно пронзительные стихи он написал на смерть своей мамы, с болью и талантом описывая ее последние часы... Ему не исполнилось и тринадцати лет, когда ее не стало...

Виктор окончил школу в Каргаске и поступил в Томский медицинский институт, после получения диплома женился на однокурснице Лидии Чекалиной, и супруги уехали по распределению в Камень-на-Оби, где Виктор стал главным санитарным врачом. Там у четы родились два сына: Костя и Сережа, растить и воспитывать которых Виктору было суждено недолго: 1 мая 1959 года на охоте произошел несчастный слу-

Виктор Сергеевич Шамраев с сыновьями – Костей и Сережей.

чай, самострел, и Виктора не стало. Было ему всего тридцать лет!

Все, кто знал этого чудного, веселого и красивого человека, до сих пор скорбят о его безвременной кончине. Он нес столько в себе света, добра и любви, что его уход стал для всех настоящей трагедией.

Лида осталась одна с двумя детишками на руках, но семья не бросила ее. Точно

так же, как когда-то все помогали Надежде, стали помогать и Лидии. Родные люди пригласили их пожить в Новоалтайске. И Леля, и Надежда оказывали им действенную помощь: несколько лет все жили одной дружной семьей!

Лидия пережила мужа на пятьдесят лет. Выростила сыновей, дала им высшее образование и на всю жизнь сохранила память о своем любимом муже.

Дочь Сергея – Ткаченко (Шамраева) Юлия Сергеевна, родилась 26 декабря 1985 года в г. Новосибирске. Образование высшее, окончила Томский экономико-юридический институт, юридический факультет, по специальности юрист в сфере уголовного права (бакалавр). Работает в ПАО «Сбербанк» руководителем направления.

У Константина два сына: Андрей и Виктор. Оба также получили высшее образование.

Андрей Константинович Шамраев, 1987 г. р. Образование – юридическое. Специалист по сопровождению сделок с недвижимостью.

Виктор Константинович Шамраев, 1978 г. р. Образование – экономическое. Специ-

альность – управление предприятием. В основном занимался созданием и развитием перерабатывающих предприятий при металлургических комбинатах.

Его жена – Татьяна Александровна Шамраева, 1985 г. р. Образование – экономическое. Предприниматель. Специалист туристического и экскурсионного направлений.

Их дочь – Вера Викторовна Шамраева, 2010 г. р.

Виктор, Вера и Татьяна Шамраевы.

* * *

Пропашее время, сгоревшие души
Твоих дочерей и сынов самых лучших,
Страна, запалившая вечный костер,
И пеплом погибших устала простор

Бескрайних лесов и полей, и степей,
Где в тысячах страшных твоих лагерей
Сжигалось и время, и души, и жизни
В чающих кострах нескончаемой тризны.

Спаленное время, пропашие души,
И горько, и больно. Что может быть хуже,
Чем остовы храмов, застывших без сил
В кольце миллионов безвестных могил,

В огромной стране, что забыла о них,
О детях, безвинно погибших своих,
Чьи души пылают в нас вечным огнем,
Зовут к покаянию – ночью и днем...

Александр Андреевский

* * *

Вот такая судьба у детей раскулаченного фельдшера Шамраева.

На первый взгляд судьба как судьба. Ничего особенного. Но это только на первый, равнодушный взгляд. Но нам-то с вами не все равно, раз вы дочитали до этого места! Давайте внимательно посмотрим, как отразилась ссылка на жизни повзрослевших детей семейства.

Еликанида – застудилась на севере, на сборах дикоросов. «Заработала» полиартрит и бесплодие, прожив жизнь, так и не познав радости материнства.

Таисия – с молодости страдала полиартритом, стала глубоким инвалидом, которому было трудно не только ходить, но и держать столовые приборы.

Надежда – многие скорби и работа в тайге, в сырости и холоде лишили ее здоровья. Сгорела, умерла в пятьдесят один год!

Виктор – подающий надежды поэт. Раннее сиротство, жизнь в поселке спецпереселенцев в нужде и несправедливости подрезали ему крылья. Мог ли он, сын кулака, лишенный прав, даже и помечтать о том, чтобы выучиться на поэта, поехать в Москву в ли-

тинститут? Он, бедный, ни разу не отправил свои стихи даже в районную газету: и подсказать некому было, и сам не додумался. А стихи были у него стоящие!

Вера – самая старшая дочь в семье, приехала в Нарым как вольнонаемная, а не как спецпереселенка. И замуж вышла удачно, и в тайге не надрывалась, в тепле работала, и здоровых детей родила. А с ней-то что не так? А «не так» было то, что на всю ее жизнь в ней поселился страх. И она боялась всего. Боялась, что соседи что-то услышат и не так поймут. Боялась неосторожного слова – привлекут. Боялась, что она дочь кулака и внучка попа, и скрывала это даже от своих собственных детей много-много лет! Уже после смещения Горбачева и прихода Ельцина немножко расхрабрилась и осторожно показала старинные фото. И только в самые последние годы своей жизни, а прожила она без малого целых сто лет, стала рассказывать о своем непролетарском происхождении...

Вот что натворили с моей семьей, вот как изуродовали жизни моих ни в чем не повинных родных «товарищи» – последователи дела Ленина – Сталина!

СЫНЫ РОССИИ

РОД БЕЛИМОВЫХ

В оин и хлебобор

КАК я уже говорила, своих «больших родителей» – дедов и бабушек я не знала. Слишком рано они умерли. И если о своем деде с маминой стороны я знаю очень много из рассказа матушки, то о деде Белимове не знаю почти ничего. Отец не делился со мной воспоминаниями детства. Пока я была мала, сажал на колени, целовал в макушку, играл в лошадку: «поехали за орехами», а вот разговоры никакие не вел. А когда подросла, то его собеседниками стали мои старшие братья, Эдуард и Валерий.

Покупалась бутылочка, мужчины садились за стол в отцовском кабинете и под самую нехитрую закуску проводили вместе долгие часы.

Очевидно, во время такого общения отец и рассказывал моим братьям всю свою жизнь, про свое горькое, полусиротское детство. И не раз отец вместе с братьями и со своим племянником Иваном Фаркашевым ездил на свою родину, на поклон родительским могилам. Но мне по-прежнему ничего не рассказывал, а я сама и не интересовалась, о чем теперь горько сожалею.

В 2013 году ушла из жизни и наша мама. И, готовя поминальные столы по поводу ее ухода, я вдруг внезапно очень остро ощутила, что мамина смерть порушила наши

семейные скрепы, почувствовала, что теперь наше родство, наше семейное гнездо начнет рассыпаться и мы отдалимся друг от друга. А с уходом из жизни и нашего поколения родство и вовсе может сойти на нет.

Вот почему мне очень хотелось на мамины сороковины подарить собравшимся родным по альбомчику с семейными фото, чтобы они хотя бы по фотографиям рассказали нашим детям и внукам, кто мы такие, чтобы и детям своим передали нашу родословную. Вот с этой мыслью я начала рыться в семейном архиве, перебирала фото, листала старые альбомы и грустила: нет фото отца моего папы – деда Белимова! И стала в памяти перебирать: а видела ли я сама когда-нибудь эти фото? И выходило: не видела! И у кого ни спрашивала, получалось, что нет такого фото в природе. И объяснялось очень просто: деревня Ольгинка Чистоозерного района, где жил дед Тихон Белимов, была глухая, далекая, дед был малограмотный, бедный, до фото ли ему?

Но как-то, в очередной раз перебирая архив со старыми письмами, вдруг увидела уголок пожелтевшей фотографии. Потянула за него и обнаружила деревенское семейство: каких-то детей, старушку, рядом с которой сидел неказистый дедок с кудрявой бородкой.

В другой раз я бы отбросила фото в сторону – нет на нем знакомых лиц! Но что-то удержало меня, и я принялась пристально вглядываться в этого старика. И что-то вдруг зашевелилось в глубине души. Зачем это фото чужого человека лежит тут? А вдруг он не чужой? А если не чужой, то чей? А вдруг это и есть мой дед Тихон? Да нет, конечно же, нет! Не мог такой крошечный старичок быть отцом моего папы – очень высокого и крупного мужчины! Но я все-таки продолжила внимательно вглядываться в его черты, а потом решила сравнить фото старичка с фото моего папы. И что же вы думаете? Чем дольше и пристальнее я вглядывалась, тем сильнее убеждалась: вот этот старичок и есть мой родной дед. Посадка головы, строение лица, или, как говорят скульпторы, конструкция лица, его пропорции, посадка глаз, брови, строение лба, окат плеч – все напоминало отцовские черты.

Если не дед, то уж точно родственник! Сомнения мои окончательно разрешил подросток, стоящий за дедовым плечом. Да это же сын папиной сестры Александры, мой рано осиротевший двоюродный брат Иван Фаркашев и потому воспитывавшийся в семье у деда Тихона!

То есть это наше семейное фото. Так вот ты каким был, мой неизвестный дедушка! В старенькой мятой одежке, в старых-престарых башмаках и сидит как-то косолапенько, но приглядишься, отбрось вот эти внешние неказистости – и вдруг увидишь: глаза-то светятся добротой и любовью. Прямо святой старец! И лицом-то хорош, и борода замечательная, курчавая. Да такого деда приодеть – и хоть на экран, сказки сказывать!

Дед Тихон с супругой, сыном Гришей и внуком Иваном.

Долго хожу под впечатлением от обретения такого классного деда, а потом звоню своим двоюродным братьям Зреловым: Анатолию и Михаилу – и спрашиваю, нет ли у них случайно фото деда Тихона.

И неожиданно слышу: «Есть!»

И вот держу фото, выполненное профессиональным фотографом, наклеенное на плотный картон, и радуюсь тому, что я правильно угадала на старой фотографии своего деда. На этом фото сидит мой дед Тихон в возрасте примерно лет сорока: красивый мужчина, полный сил, умное, дышащее отвагой лицо. С каким достоинством сидит, как красиво посажена голова – прямо офицерская косточка! И, что удивительно, ничего в этом лице не выдает его за малограмотного крестьянина. Вот мужички,

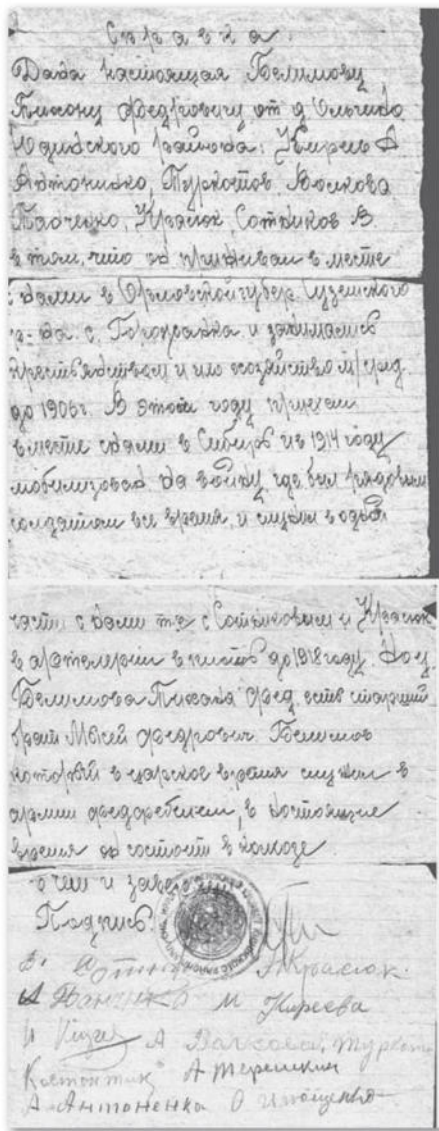
что стоят за его спиной, – сразу видно по лицам: из крестьян! А у деда лицо образованного человека. Посади его среди интеллигентной публики начала XX века, и кто скажет, что это простой крестьянин? А еще чем-то он напомнил мне фото молодого Ульянова-Ленина.

В общем, знакомство с делом Тихоном меня и удивило, и обрадовало, что придало мне сил для работы над исследованием его биографии.

Отец мой, Иван Тихонович, частенько говаривал: «Я – коренной русак! Я из Орловской губернии!» Так и сложилось мое впечатление с детства, что Орел – исконно русская земля. Но Орловская-то губерния большая! Откуда же приехал в Сибирь мой замечательный дед-красавец Тихон? Как бы это разузнуть? И опять помог семейный архив. Папа мой, историк по образованию, трепетно относился к документам и сумел защитить их и от пожара, который спалил наш дом в городе Колпашево, и от частых переездов. Правда, архив этот не имел системы, но все-таки был! И вот нахожу маленькую, но прямо-таки историческую справочку!

«СПРАВКА

дана настоящая Белимову Тихону Федоровичу от деревни Ольгино Юдинского района: Киреев А., Волкова, Сотников, Красюк, в том, что он проживал с нами в Орловской губернии Суземского района село Горожанка и занимались крестьянством и хозяйством м/сред. до 1906 года. В этом году приехал вместе с нами в Сибирь и в 1914 году мобилизован на войну, где был рядовым солдатом все время и служил в одной части с нами до 1918 года. Но у Бе-

Справка на Белимова Т. Ф.

лимова Тихона Федоровича есть старший брат, Моисей Федорович Белимов, который в царское время служил в армии «фельдфебелем». В настоящее время состоит в колхозе, о чем и заявляем:

подписи Киреев, Волкова,
Красюк, Сотников...
Ольгинской сельсовет
Юдинского района
Западносибирского края».

Это замечательная справка, которая раскрывает для меня сразу много тайн о жизни моего семейства:

1. Приехали из села Горожанка Орловской губернии.
2. Приехали сразу несколько семей в 1906 году. Стало быть, по реформе Столыпина приехали в Сибирь. За лучшей долей. Значит, были бедны: от добра добра не ищут! Поняла я из справки и то, что деревня Ольгино, в которую они переселились, была образована из переселенцев, точь-в-точь как и деревня, в которой родилась моя мама.
3. Мой дед Тихон Федорович воевал в Первую мировую (ну, это я и так поняла по фотографии), но вот то, что воевал он все четыре года и прошел всю войну вместе со своими односельчанами, – тоже очень ценная информация.

4. До отъезда в Сибирь дед крестьянствовал и числился малоземельным середняком... Вот вам и причина переселения. Ай да справочка! Но и это еще не все. Справочка-то написана для какого-то органа, который интересовался: а в каком чине дед служил? И односельчане, и сослуживцы отвечают: рядовым он был! Вот его старший брат, тот был фельдфебелем, а этот, мол, чист: рядовой!

Тихон Федорович Белимов (в центре) на Первой мировой.

Ой, неспроста запросили органы эту справочку! Ой, неспроста! Значит, у кого-то было подозрение, что имел дед Тихон Федорович чин-то повыше. А это означало – белый офицер, а это означало – виноват перед советской властью! В этой справке я почувствовала желание односельчан защитить нашего деда. И ведь защитили! Спасла эта самая бумага нашего деда от репрессий! Слава тебе, Боже. И низкий поклон вам, дорогие, неведо-

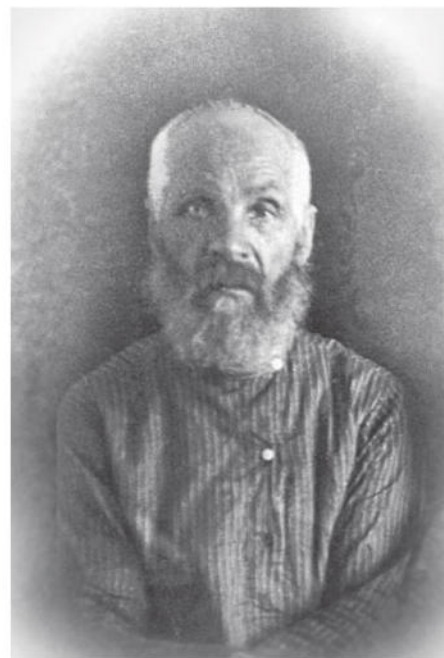
мые мне люди: Киреев, Волкова, Сотников, Красюк – за эту бумагу!

И очень захотелось узнать наверняка, имел ли дедушка офицерское звание или был рядовым? Вглядываюсь в историческую фотографию и вдруг замечаю: а китель-то у деда явно сшит из сукна подороже, чем у стоящих солдат. У них одежда уже смялась от носки, а у деда – как новенькая! Потом, почему дед сидит, а друзья стоят? По возрасту они близки. Может, оказали ему уважение как старшему по званию? Еще гляжу и вижу: солдаты стоят с ремнем через плечо, а у деда такого не имеется. А еще, если приглядеться, вокруг воротников солдат, вдоль груди тянется не то позумент, не то галун. И уходит он за левое бедро. Для чего этот позумент нужен, не знаю. Но это обязательной атрибутом для нижних чинов артиллерии – это я выяснила по рисункам в энциклопедиях. Были эти позументы красного цвета, а предназначались... может, для удобства ношения скатки – солдатской шинели через плечо, а может, просто для украшения? У Тихона Федоровича нет этой чересплочной ленты – в общем, разница в обмундировании налицо. Неужели и в самом деле дед дослужился до какого-то звания? В том, что он уходил простым рядовым, сомнения не было – ведь он простой и не очень-то грамотный крестьянин. Но ведь мог человек получить повышение за свои заслуги во время боевых действий!

Эх, найти бы архивы царской армии, призыва и точно узнать. И начала я стучаться в архивы. Но Российский государственный военно-исторический архив до сих пор не каталогизировал многие документы, но обещает выдать их в электрон-

ном виде. Когда это будет, неясно, а в наших – Новосибирском и Томском – документы того времени хранятся хаотично, обрывочно. И, как оказалось, нет у них ни документов о призыве на Первую мировую войну, ни других прочих относительно службы призывников. Оставалось надеяться на нашего замечательного военного историка Аркадия Фабрику. Может, он даст совет? Служит этот замечательный ученый и не менее замечательный человек директором музея Дома офицеров у нас, в Новосибирске. Посмотрел он наше фото и подсказал: обратитесь к Юрию Ладыгину. Лучше него нет специалиста по этому вопросу! И в самом деле, этот молодой еще мужчина уже очень известен как автор и соавтор работ по военной форме Русской армии периода конца XIX – начала XX века, истории полков Русской армии, истории Гражданской войны в Сибири, истории сибирского казачества. Экономист, кандидат технических наук, писатель, член Новониколаевского военно-исторического клуба, относится к числу энциклопедистов. Он знает все про военную форму русской армии. У него собрана большая коллекция этой одежды. Ему достаточно бросить один взгляд на обмундирование, и он точно скажет, к какому роду войск принадлежал солдат или офицер, в каком звании служил. Вот ему-то я и выслала сильно увеличенное фото нашего деда, представив себя как автора книги «Мой Новосибирск». Как оказалось, книгу мою он читал с огромным интересом и потому отвечал неформально:

«Здравствуйте,
Татьяна Ивановна!

Тихон Федорович Белимов.

...Если Вы точно знаете, что он служил в артиллерии (кстати, по фото очень похоже), то на фото он в звании младшего фейерверкера (это равно младшему унтер-офицеру)...»

Ага! Все-таки односельчане и в самом деле спасали нашего деда от преследования органов ОГПУ. Все-таки стал наш дед пусть младшим, но офицером. Значит, проявил себя, значит, умело воевал! А если так, то голову даю на отсечение: была у деда и боевая награда, но за нее можно было и в тюрьму, а то и под расстрел угодить, и думаю, что он ее никому не показывал, а может, и вообще спрятал так, чтобы никто не

нашел! Ай да дед! Горжусь тобой, мой незнакомый, мой неизвестный дед! А награду твою я разыщу, дай мне срок! И пусть все знают, какими замечательными были деды у нашего рода!

Но что же это за звание такое – фейерверкер? Мастер огня, это понятно... Но что за должность, что за работа? Слава Интернету! Открываю нужную страницу и узнаю: «Младший фейерверкер, или вице-фейерверкер, приравнивался к младшему (отделенному) унтер-офицеру в других родах войск. Звание это присваивалось лучшим бомбардирам и канонирам. Фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически, и особенно практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира; они быстро и точно исполняли команды по наводке и стрельбе, отлично руководили и следили за исполнением обязанностей расчета при орудиях и зарядных ящиках. Фейерверкеры были незаменимыми помощниками офицеров и служили примером для всех солдат батареи и в смысле практического знания службы, сознания долга и самоотверженности».

Вот вроде бы и все точки поставлены, но документов-то нет, только одни косвенные доказательства. Военно-исторический архив начал наконец выкладывать данные о солдатах Первой мировой, но пока этот сайт только наполняется.

Вот потому и мучил меня этот вопрос долго-долго. Пока буквально меня не осеңило! Господи, да как же я это раньше-то не видела? А борода? Не носили бороду рядовые в XIX–XX веках! Борода – это приви-

легия высших чинов! Вот так, три года глядела на фото, часы проводила в библиотеках, в архивах. А ответ – вот он, на поверхности лежит!

И еще раз от души поблагодарю земляков моего деда, отстоявших своей дружной лужью деда от лап опричников ГПУ. Размышляя над жизнями моих дедов, я не могла не подумать о том, что именно односельчане сыграли огромную роль в их судьбе. В одном случае они ее сломали: это новоцарицынские жители, погубившие жизнь моего деда по материнской линии – Шамраева Сергея Степановича. А вот жители Ольгино спасли жизнь другому моему делу. Почему

так по-разному поступили они? Размышления мои привели меня к выводу о том, что с дедом Белимовым односельчан связывала общая судьба: они родились в одной деревне, на Орловщине. Вместе сорвались с места, вместе отправились в Сибирь, вместе начинали обустраивать свое житье в Ольгино. И, самое главное, вместе воевали, вместе хлебали солдатские щи и вместе кормили вшей в окопах... Нет ничего дороже фронтового товарищества!

Ну вот, пожалуй, и все, что можно было рассказать о фотографиях, через которые я познакомилась со своим дедом Тихоном Федоровичем Белимовым.

РОДОМ ИЗ РОССИИ

ИТАК, из той самой исторической справки, без всяких обращений в архив, мы выяснили, что наши предки приехали в Сибирь в 1906 году из Орловской губернии, села Горожанка.

Что же погнало людей в холодную Сибирь? Возьмите любую исследовательскую статью по истории экономики или развитию сельского хозяйства в Орловской губернии в начале XX века, и вы прочтете, что «Орловская губерния характеризуется самыми низкими размерами наделов и наиболее высокими ценами на землю, а также арендной платой за нее». Соответственно, здесь была высока доля беднейших и низка доля зажиточных крестьян-

ских хозяйств. Многие крестьяне обрабатывали свою землю с помощью одноконной сохи и деревянной бороны. В бедных уездах уборка урожая производилась косами и серпами, в более богатых – конными жатками. В начале XX века в России голодными были: 1901–1902, 1905–1908 и 1911–1912 годы.

В 1901–1902 гг. голодали 49 губерний. В 1905–1908 гг. голодало от 19 до 29 губерний: 1906 г. – 17,3 % населения, число умерших от голода шло на сотни тысяч.

Господин Голод гнал людей со своих маленьких земельных наделов в бескрайнюю Сибирь, где хоть и холодно, но много плодородной земли.

Я долгое время вела переписку с Белимовыми из села Горожанка, проживающими в ней и по настоящее время.

Много интересных историй узнала из этой переписки о судьбах жителей села, в том числе и Белимовых, семей которых тут было немало. И узнала из первых рук и саму историю села. Вот что пишут наши возможные родственники из этого села по фамилии Воеводины: «Место, где мы жили в Горожанке, было на берегу реки Городня, и, по словам дедушки, Белимовы жили там двести лет. Село было большое, после революции насчитывалось более 600 домов (если посчитать, что в каждом доме было не менее десяти человек, то уже выходит тысяч шесть населения). Земли у нас неплодородные (песок). Люди уезжали в Сибирь, как ваш дедушка».

Вот так, и в личном письме получаем подтверждение, что земли у крестьян на нашей исторической родине было мало, да и та была тошная, песчаная, неплодородная. А учитывая еще и неплодородные, неурожайные годы, при которых люди от голода гибли, станет понятно, почему люди потянулись в Сибирь: за лучшей долей, за лучшей жизнью.

Следующим этапом моих розысков было намерение разузнать, кто именно из села Горожанка поехал в Сибирь, в каком составе на 1906 год была семья деда Тихона.

Я надеялась, что данные мне будет получить легко, обратившись в архив Орловской губернии, – ведь столыпинская реформа была очень грамотно подготовлена, и крестьяне должны были перемешаться в

Горожанка. Этот дом, наверное, помнит Тихона Белимова.

Столыпинский вагон для крестьян-переселенцев. С торцов этого вагона имелись подсобные отсеки, где размещался сельхозинвентарь и перевозился скот.

Сибирь в сопровождении соответствующих документов, так как они должны были знать, куда ехать, где их ждал новый земельный надел, должны были получить подъемные деньги.

Но меня ждало крупное разочарование. Из архива Орловской области я узнала, что Горожанка уже давно находится в Брянской области, туда и следует писать. Написала и получила ответ: «... Также в архиве не имеется документов по переселению крестьян Горожанки Трубчевского уезда Орловской губернии в Томскую губернию. Рекомендуем сделать запрос в Орловский архив!

Директор А. М. Турилина,
М. М. Горбачева».

Это называется «здравствуйте, приехали!». Я ведь уже получила оттуда отрицательный ответ.

Но я решила не расстраиваться, ведь в соседнем старинном городе Томске тоже есть архив, в котором-то уж наверняка я получу ответы на все вопросы. И я решила ехать туда сама, чтобы на месте поискать необходимые документы.

Из Интернета я узнала, что Томский областной исторический архив к 100-летию столыпинской реформы в 2006 году вел огромный проект под названием «Переселение в Сибирь как национальный проект». Это окрыляло и давало надежду.

Созвонилась, убедилась, что, хоть и лето,

архив работает, предупредила: я завтра приеду! И поехала. Прямо с автобуса, с чемоданом, еду в архив, чтобы посмотреть описи и заказать на завтра-послезавтра документы для исследования. Но не тут-то было! Архив закрыт на профилактику и будет закрыт еще несколько дней. Я в отчаянии. Вхожу-таки в здание, упрасываю охрану, они созваниваются с читальным залом. Невиновата ведь я в том, что вчера они не сказали про свои технические работы. В общем, проявила необходимый напор, и меня впустили в здание, в читальный зал, дали описи. Но увиденное не порадовало крайне нелюбезным отношением заведующей читальным залом. Она швыряла мне описи, грубо разговаривала. Но я все-таки кое-что выбрала и сделала заказ.

К моему большому огорчению, и в Томском архиве оказалось крайне мало документов, которые бы помогли мне узнать историю переселения нашей семьи в деревню назначения – Ольгино.

А ведь их должно было быть очень много: государство всесторонне подготовилось к этому масштабному перемещению крестьянства. Семьям переселенцев предоставлялся льготный железнодорожный проезд с багажом. Дети до 10 лет перевозились бесплатно. По пути следования переселенцев на крупных станциях были организованы специальные пункты временного размещения: обустроены бараки, столовые, медицинские пункты и др. Начиная с 1906–1907 годов правительство издавало огромным тиражом различного рода справочные пособия под названием «Что нужно знать переселенцу», справочные книжки по губерниям, которые становились центрами

переселения: Томской, Тобольской, Енисейской и т. д. Крестьяне могли из них узнать, какие льготы и пособия полагаются переселенцам, что их ждет на новом месте.

Находясь уже в Сибири, переселенцы имели право на различные льготы. Например, им разрешался проезд по удешевленному тарифу на родину и обратно в течение трех лет, с них снимались налоговые задолженности, им предоставлялась трехлетняя отсрочка от службы в армии и др. Помимо этого переселенцы могли получить материальную помощь. Она полагалась тем крестьянам, которые ехали легально, имея на руках переселенческие свидетельства. Такие переселенцы имели право на получение ссудной помощи и пособий. Ссудная помощь разделялась на два вида. Первая давалась на строительство домов. Причем ссуда была беспроцентная и возвращалась после окончания пятилетнего льготного периода на протяжении следующих десяти лет.

Понятно, что этот хорошо организованный переезд сопровождался соответствующей документацией, из которой я очень рассчитывала получить ответы на многие вопросы относительно переезда моей семьи.

Но увы! Несмотря на то что Томский архив вел большую работу в честь 100-летия столыпинской реформы, документов в нем касательно нашего села Ольгино оказалось до досадного мало.

Но все-таки кое-что мне удалось выяснить. Например, нашелся этот документ:

Фонд 196, опись 15, стр. 17
Орловская казенная палата,
по отделению стол 2, г. Орел.
в Томскую казенную палату:

Орловская казенная палата на основании Высочайшего указа 5 сентября 1906 года постановила:

«Крестьян Орловской губернии села Горожанка согласно их желанию считать состоящими в двух названных обществах впредь до добровольного выхода из состава крестьян Горожанки».

То есть, уезжая в Сибирь, наши предки оставляли за собой право вернуться в случае чего на родину.

Томский архив ГАТО, 4, фонд 196, оп. 19, дело 2726

Томское губернское управление
Крестьянское отделение

Согласно ст. 18: Временных правил Высочайше утвержденных Губернского Управления имеет честь препроводить при семъ Казенную палату копию с именем списка переселенцев Тубуагинской Казаткульской волости Каинского уезда в числе 9 семей, получивших ссуду, разрешенную журналом Губернского Управления состоявшую в 1906 году в сумме 930 рублей из кредита, по параграфу 8 сметы расходов Министерства внутренних дел за счет фонда вспомогательных предприятий железной дороги.

Непременный член...

Делопроизводитель...

Стр. 37. Расчет по ссуде 1906 года выданный август 1906 год переселенцам Ольгинского поселка Казаткульской волости Каинского уезда:

Панченков Василий Гаврилович – 90 руб.
Пархомов Трофим Васильевич – 90 руб.
Белимов Тихон Федорович – 90 руб.
Рыбченков Николай Петрович – 90 руб.
Яценко Ипатий Трофимович – 90 руб.

Мироудский Степан Миронович – 100 руб.

Буханевский Лука Константинович – 75 руб.

Алепников Павел Васильевич – 75 руб.

При этом следует отметить, что все семьи, кроме 90 рублей на домообзаводство, получали еще по 35 рублей на путевые расходы.

Жаль, что этот архивный список далеко не полный. Ведь в него не попали братья моего деда – Тихона Федоровича (1871 г. р.), которые выехали в Сибирь вместе с ним. Это были Иосиф Федорович 1860 года рождения и Моисей Федорович 1872 года рождения. Был еще и Гаврила Федорович, который приехал чуть позже, получил ссуду, но что-то не заладилось, и его семья то ли вернулась на родину, то ли просто переехала куда-то. То есть большое гнездо Белимовых из пяти мужиков вместе с женами и семьями стронулось с места и отправилось в неизведанные края.

Во главе клана Белимовых, прибывших в Сибирь, был их отец – Федор Егорович Белимов, настоящий старейшина рода, 1818 года рождения! Интереснейший был человек! И здесь мне очень хочется попенять моему батюшке, который никогда не рассказывал о нем. Как-то не принято было у нас делиться детскими воспоминаниями. Так вот и получилось, что всю информацию, которую я сейчас изложу, я собирала по крупинкам от моей мамы, от сводной сестры Ларисы Шпак, от моего двоюродного брата Василия Михайловича Белимова.

Прадел приехал в Сибирь глубоким стариком. Судя по всему, он был женат два-

жды и дважды хоронил своих жен. Ведь в Сибирь явно приехали дети от второго брака – дети от первого были уже сами стариками: ведь если к моменту отъезда их батюшке было 88 лет, то детям от первого брака – от 60 до 70 – не самый лучший возраст для того, чтобы кардинально менять свою жизнь! Да и младшее поколение его детей было уже в возрасте зрелости: мужики от 33 до 46 лет!

По воспоминаниям, которыми поделилась Лариса Шпак, прадел Федор был очень красив лицом и хорош той самой брутальной красотой, которая так привлекает женщин. Он знал об этом и очень этим пользовался. По семейному преданию, он, уже будучи вдовцом, отбил невесту у сына и взял ее в жены! Да еще и пережил ее и в Сибирь приехал вдовцом!

Федор Егорович был настоящим главой семьи и вел себя так, как будто он здесь главный, до последнего дня! А умер он в возрасте 105 лет, в 1923 году. Это удивительное долгожительство породило чуть ли не легенды.

С детства я не раз слышала историю его кончины. По ней выходило, что прадел был на ногах до последнего дня, а почуввав приближение смерти, оседлал коня и верхом поехал проститься с пашней, с лугами. Вернулся, лег на печку и помер! Красивая история! Себе бы такую кончину! Говорят, Господь посылает такую легкую смерть праведникам. Может, оно и на самом деле так.

В подтверждение этой удивительной праделовой кончины служит рассказ тети Нали, младшей сестры отца. Она вспоминает, что еще в 1922 году, когда все семейство выезжало за пять километров на свой

сенокосный надел и ставило там балаган на период сенокоса, в обязанности деда входило ездить в деревню за продуктами. И прадел Федор каждый день верхом отправлялся домой, забирал еду, а потом «возвращался и командовал». При этом напомним, что было старику на тот период 104 года!

Федор Егорович был строг, жестковат, держал в руках своих невесток и взрослых дочек, покрикивал на домашних. А то и наказывал по-своему. Был такой случай, когда он, уже перешагнув за сто лет, не смог унять женскую ссору. Ну как тут не поссориться, когда в одной избе, у одной плиты толкуются сразу три бабы? Одна на другую так осерчала, что, видя, как одна солит суп, урвала минуту, да и посолонила снова, чтобы, значит, досталось ей потом от мужиков! Столетний дед не стал бабам уподобляться и скандалить. А слез с печи, да и всыпал в горшок еще одну пригоршню соли, чтобы знали, как друг другу пакостить.

И вообще у него был крутой нрав. Однажды в сараях внучку Настасью кнотом отхлестал за то, что конопляную домотканую рубаху на заборе порвала.

Крепок был очень долго, самолюбив, никак не мог свыкнуться с тем, что начинает переходить на вторые роли в семье. И оттого еще больше строжил на невесток, кричал на всех, а на детей вообще мог кидаться с палкой. А малые ребятишки нередко дразнили его и смеялись над ним. В последний год-два началось у деда старческое недержание. А кто ж его тогда лечил?..

Может, из-за этой болезни, а может, из-за чего другого произошел в семье однажды вот такой случай. Как-то его сын Тихон, в доме которого и жил престарелый отец,

позвал гостей. Приехали кумовья на престольный праздник из соседней деревни. Гости уселись за стол, а деда, должно из-за его болезни, не позвали. Тогда он слез с полатей, подошел к сыну и дал ему прилюдно пощечину, сказав: «Ты не забывай, что у тебя есть отец! Прежде всего за стол должен садиться отец!» Вот какой урок преподнес и сыну, и всем столетний старец!

Мне очень хотелось узнать и более ранние корни рода Белимовых. Кто же был до Федора Егорыча? Кто был его отец? Ответ я постаралась найти в Госархиве Брянской области. Нашли мне там Егора Романовича Белимова, 1800 года рождения. По идее, в свои 18 лет он вполне мог стать отцом. Но, судя по всему, этот Белимов не тот. Потому что у него самый ранний ребенок, Па-

вел, родился лишь в 1822 году. Есть у него и сын Федор, но только этот Федор родился не в 1818 году, как наш, а аж в 1831 году!

Но и это не самая большая неудача. На мой запрос в Брянский архив получаю ответ, свергнувший меня в печаль: «Высылаю вам выписку из ревизской сказки удельных крестьян села Горожанка за 1850 год. Ревизия за 1834 год отсутствует. В более ранней ревизской сказке, за 1816 год, жители села записывались еще без фамилий!» И это поставило жирную точку в моих попытках приоткрыть более раннюю историю Белимовской родословной... Значит, не удастся мне проникнуть вглубь веков семейства Белимовых... Очень жаль.

КРОВЬ ОТ КРОВИ, ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ

НУ А ТЕПЕРЬ вернемся к деду и его семье. Те крупинки, которые я насобираала, конечно, ни в коей мере не раскрывают полностью личности моего деда, но все-таки я хочу представить хотя бы набросок к его портрету.

Дед Тихон Федорович родился в 1871 году в деревне Горожанка Орловской области в крестьянской семье. Пытаясь найти семейные корни через архив Орловской, а ныне Брянской области, я с радостью узнала, что Горожанка не была крепостной вотчиной графа Шереметьева, как я преч-

ла у кого-то из историков, а была государственной землей. Чем же радостной оказалась эта информация? А тем, что мои предки не были крепостными крестьянами, не были барскими холопами, а были свободными гражданами, платящими налоги государству.

Вот выписка из Брянского государственного архива: «До конца XVIII века село Горожанка являлось дворцовым, а с 1797 года – удельным имением, принадлежавшим членам царской семьи. Поэтому все ее жители были удельными крестьянами». А кре-

стьянин удельной Руси был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем; его свобода выражалась в крестьянском выходе или отказе, т. е. в праве покинуть один участок и перейти на другой, от одного землевладельца к другому.

Это означает, что ни в ком из нас нет ни капельки рабьей, холопской крови!

Ведь и мои северные предки-священники, как лица духовного звания, никогда не были в крепостной зависимости. И хотя были простыми сельскими священниками и женились на крестьянских девушках, поскольку на Русском Севере не было крепостного права, можно говорить, что мы хоть и не можем похвастать высоким происхождением, но и холопами никогда не были. И это обстоятельство помогло мне лучше понять свою семью, известную независимостью взглядов и поступков моих братьев и сестер и меня самой. Ну, с происхождением закончили, пойдем дальше в нашем повествовании.

Женой деда Тихона, а стало быть, нашей бабушкой, была Варвара Ивановна, 1880 года рождения. То есть бабушка была моложе деда на целых девять лет!

К моменту переезда в Сибирь у них было уже двое-трое детей, точнее сказать пока не могу. В нашем архиве почему-то закрыли доступ к церковным книгам, откуда можно почерпнуть информацию о рождении и крещении. Но всего в семье было семеро детей: Афанасий, Мария, Александра, Семен, Иван, Анастасия, Зоя. Когда родились старшие дети, неизвестно, но мой папа, Иван Тихонович, родился в 1911 году, Анастасия родилась в 1912 или 1913 году.

И последний ребенок – Зоя родилась в декабре 1918 года. Из чего можно сделать вывод, что с войны дед вернулся в самом начале 1918 года.

Мы почти ничего не знаем о бабушке. Какая она была, как выглядела... Ни одного фото. Говорят, что она и ее дочка Настя похожи...

Бабушка Варвара Ивановна, по словам родни, болела чахоткой и была очень слаба. И настолько не имела сил, что, когда мой отец был совсем крошечным, месяцев шести-семи, она, снимая его с печки, не удержала, и он выскользнул и повис на ручонке. Случился вывих, да такой сильный, что бабки не смогли вправить ручонку в плечевой сустав. Должно быть, защемился нерв, с тех самых пор у отца моего от плеча до локтя левая рука была «сухая», совсем без мышц. Это осталось на всю жизнь.

Слабость бабушки Варвары была такой сильной, что, когда мужа взяли на фронт и он ушел воевать на Первую мировую, она, оставшись одна, не могла колоть дрова, а ходила по лесу, собирала хворостины. Но и их не могла перерубить и заталкивала в топку целую лесину, конец которой торчал из печи... Несчастливая моя бабушка!

Листая церковные книги того времени, в которых фиксировались рождения и смерти, я была потрясена, насколько высока была женская и детская смертность. В записях о смерти – сплошь детишки до трех лет и молодые бабы. Ослабленные от многочисленных родов и тяжелого физического труда, они не успевали оправиться от родов до родов, восстановиться. И, конечно, их организм становился очень уязвимым и восприимчивым к инфекциям.

Тихон Федорович, Эдуард, Иван Тихонович, Лилия, Вера Сергеевна Белимовы. 1938 год. Кargasок.

В 1919 году в Сибири бушевала эпидемия тифа, которая не щадила ни старых, ни молодых. И моя бабушка, Варвара Ивановна, будучи и без того очень болезненной женщиной, не смогла победить смертоносную заразу и скончалась 18 сентября в возрасте тридцати девяти лет, оставив крошечную, грудную Зою на руках мужа... Чтобы добыть эту информацию, мне пришлось не менее пяти раз делать запросы в облархив. Ведь для того, чтобы получить архивную справку о кончине, надо указать год смерти, а я его не знала и делала запрос за запросом, называя каждый раз наугад другой год ее ухода. На эти запросы ушло почти два года! Грамм добычи – годы труда!

Так что папа мой в возрасте восьми лет осиротел. Он плохо помнил свою мать: вроде бы только то, что она его на санках ка-

тала. Но, листая многочисленные папины стихи, я нашла и небольшое стихотворение, посвященное своим родителям. Вот эти строки:

Посетил я родные могилы.
Вот ограды зеленой черты,
Где покоится прах мамы милой,
Вокруг папиной – дерна пласты,
И лежат пожелтевшие ветки
На могилах обеих с куста.
Кто их бросил? Наверное, детки
Иль знакомые люди проста.
И хотелось позвать их обоих,
Говорить и прошенья просить,
Увести их домой за собою,
Приласкаться, понежить, любить.
Спите, милые и незабвенные,
Вечным сном и покоем святым,
Ваши ласки и души нетленные

Анастасия Ивановна – вторая супруга деда Тихона.

Мы навеки в себе сохраним.
Пусть весенней порой в половодье
Ручейки вам о жизни журчат,
Журавли, в небесах пролетая,
Вам приветы о нас прокричат.
Пусть вам солнце в том мире сияет,
Звезды светят в загробном пути,
И песчинка пусть каждая знает,
Сколько в мир принесли вы любви.

Вот и выходит, что в сердце нашего отца осталось очень трогательное, очень теплое чувство к своей так рано ушедшей маме, нашей бабушке.

Оставшись один, без женских рук, с оравой детишек на руках, да еще с грудным ребенком, дед тут же женился, взяв себе в жены односельчанку, такую же, как и он, горемыку, вдовую женщину, Анастасию Ивановну, которая так же, как и он, осталась с семерыми детьми и грудным ребенком. Два уже немолодых человека объединились, чтобы поддерживать друг друга, чтобы не пропасть.

Вот так в деловом доме появилась новая орава детворы и висело сразу две люльки! Стоял сентябрь, самая страда. И супруги со старшими ребятишками уходили в поле работать. Частенько качать младенцев поручали столетнему деду Федору. Дед злился на эту «недостойную» роль и однажды от злости будто бы так сильно раскачивал люльки, что из одной из них выпал младенец Кириوشка, сынок Анастасии Ивановны, стукнулся головенкой об угол печки и погиб. Семья втайне предполагала, что прадед таким образом избавился и от лишнего рта, и от неродного малыша, чтобы грудного молока хватило бы маленькой Зое, род-

ной внучке. Но деда никто не упрекал. И оттого, что смерть младенцев не была невидалью, и оттого, что, может, и сами были рады в глубине души такому исходу: стоял тяжелый 1919 год, шла Гражданская война. Жизнь была пополам с горем, с бедностью, с бедой.

Дед Федор жил с новой супругой очень ладно, и если его батюшка был крут нравом и жестко обращался с домашними, то Тихон, словно соответствуя своему имени Тиша, был очень добр и тактичен, никогда не сквернословил и не ругался. Самое большое его ругательство было: «Сто возов твоей матки», что значило разгрузить 100 возов чего-нибудь.

Вот что вспоминает Василий Михайлович Белимов, мой старший двоюродный брат, который провел свое детство в Ольгинке и был внуком одному из братьев-первопоселенцев, деду Осипу:

«Деда жили между собой нормально. Общались по надобности. Гулянок никогда не заводили. Я не помню ни одного случая, чтобы они выпивали. Все время, с утра до ночи, все семьи работали.

Наши деда, по сути, основали деревню Ольгино. Дед Тихон был демократ. Очень вежливый человек. Его уважали всей деревней. Он был в руководящих должностях неспроста. И лишь под старость стал учетчиком, заведующим током. К нему всегда обращались за советом, и он никому не отказывал, всегда помогал людям».

И здесь сразу скажу несколько слов об этом человеке – Василии Михайловиче Белимове. Профессиональный военный, полковник, служил на Дальнем Востоке. Имеет государственные награды. После пере-

Василий Михайлович Белимов. 2014 год.

ехал в Омск, где долгое время был военным комендантом этого крупного города. В Омске он проживает по сей день. Ведет огромную работу по патриотическому воспитанию. Его трудами и заботами на общей белимовской родине, в Ольгино, установлен памятник односельчанам, погибшим в годы Отечественной войны. И именно ему принадлежит идея поставить на кладбище коллективный памятник родным – Белимовым, ушедшим из жизни в разные годы. Спасибо ему за это! Фото этого памятника на стр. 216. На нем трудно прочесть надписи, и потому привожу их расшифровку:

Федор Егорович 1819–1920
Домна Ивановна 1850–1911
Гавриил Федорович 1860–1910
Иван Иосифович 1895–1919
Феня Иосифовна 1904–1919
Прасковья Моисеевна 1912–1937
Тихон Федорович 1876–1942

Анастасия Ивановна 1880–1922
Иосиф Федорович 1860–1946
Анна Федоровна 1860–1946
Анна Гавриловна 1881–1944
Марина Ивановна 1870–1925
Моисей Федорович 1870–1949
Семен Тихонович 1904–1934
Мария ----- 1902–1934

Благодаря работе в архивах мне удалось уточнить, что Федор Егорович, глава рода, умер в 1923 году, прожив более ста лет, чем так гордится наше семейство. И еще мне досадно, что нет на камне имени моей бабушки, Варвары Ивановны, умершей от тифа в 1919 году...

Впрочем, вернемся к старым временам.

На площади 0,71 га (семь десятин) члены семьи выращивали коноплю, лен (для ткачества), табак (но лен не курил), подсолнух (для масла), овощи, картофель. Вступая в колхоз, дед Тихон сдал в него двух рабочих лошадей, один фургон, дойную корову, двух баранов, о чем у нас в семейном архиве имеется справка за подписью счетовода и председателя правления. За ситцем, шубами и арбузами дед ездил в «Маньчжурию». Очень меня заинтересовала эта самая Маньчжурия. Узнать бы еще, где она. Что за географический пункт деревенские называли по мотивам тогда очень популярной песни «На сопках Маньчжурии»?

Тихо вокруг, ветер туман унес.
На сопках Маньчжурии воины спят
И русских не слышат слез.

Плачет, плачет родная мать,
Плачет молодая жена,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня!..

Пусть гаюлян вам навевает сны,
Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны.

Во времена моей молодости не проходило ни одного танцевального вечера, на котором не звучала бы мелодия этого красивейшего вальса. А вообще-то написан он был еще во времена Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Ну не ездил же дед на Дальний Восток за арбузами! И сколько ни разглядывала карту Омской области и даже соседнего Казахстана, сколько ни задавала вопросов поисковику, нигде не могла углядеть поселения с хотя бы созвучным названием. Ведь сколько времени прошло! Наверняка «Маньчжурия» попала под переименование и стала называться по-другому. Потом даже решила, что деревенские наши родственники, будучи, чего там стесняться, людьми малограмотными, как-то на свой лад переименовали название селения, в которое ездил дед. Но прошло еще три года, и я как-то совсем невзначай наткнулась на... Маньчжурию на карте Омской области! Так вот куда отправлялся дед за редким в Сибири лакомством – арбузами!

В 1911 году в деревне появилась школа, но детей не спешили отдавать учиться. Лишь моего отца, Ивана, решили отдать на обучение, так как из-за своей «сухой» руки к крестьянской работе он не был приспособлен. А девочкам было сказано: «Учительницами вам не быть, в школу не пойдете, учитесь прясть да вязать».

Брат деда Тихона, Моисей, по словам все того же Василия Белимова, был монархист.

Был он грамотный, следил за политикой. Был для деревни пропагандистом. Сух в обращении с людьми, но справедлив. Имел деревянный дом, все постройки, был очень аккуратен: во дворе и доме чистота и порядок. В колхозе по старости лет не работал. Но иногда разовые плотницкие работы выполнял.

Брат Осип был (1861 г.) старший по возрасту. Феодал. Держал в руках не только семейство, но и округу. Было у него двое сыновей и шесть дочерей. Совершенно не знал грамоты, но был хозяином хоть куда. Имел добротный сосновый дом. В усадьбе и амбар, и завозня, и баня, пластанка для птиц, 2–3 коровы, штук до 20 овец, 2–3 поросенка, кур, гусей штук по 40. Сарай для каждого вида животных. Умел делать все: строить, катать валенки, сено косил до восьмидесяти лет, работал в колхозе сторожем на конюшне. А до колхоза имел еще пару быков и 6 лошадей. Вот так жили в Сибири переселенцы из Орловщины, братья Белимовы.

Кое-что о жизни семейства в Ольгино я знаю и от своей мамы, Веры Сергеевны. Рассказывала мама, конечно же, со слов отца. Семья жила в крайней бедности. С приходом мачехи и ее семейства стало не хватать лежанок и лавок. Так что спал мой дед на полу, подложив под голову валенок вместо подушки. Жили так бедно, что зимой дети сидели на печи: нечего было обуть. До ветру бежали либо босые, либо надев сменные – одни и на всю семью – валенки на босу ногу. Досыта не всегда ели. Когда отцу исполнилось лет тринадцать, он ушел пешком до села Чистоозерного учиться в пятый класс: в Ольгино было только четы-

ре класса. Сделали ему котомку, дали хлеба, немного картошки. Из одежды – дедов полушубок с оттиснутыми на нем от старости ягодицами да солдатские башмаки, мешок с которыми, отступая из села, забили колчаковцы. Накрутил вместо портянок мешки на ноги, так и пошел! Пошел в большую жизнь, в свое будущее и сам сделал из себя человека. Но об отце – в следующих главах. А пока снова о деде.

Вот как моя мама вспоминала его: «Дед был среднего роста, с пролысиной, приятный, красивый даже, волосы вились, борода тоже вилась, был он очень хороший, очень добрый. В 1937 году некоторое время жил у нас. Как раз в эти дни мой муж купил мне шубу котиковую. Я думала, будет ругаться, что деньги потрачены. Он взял шубу, рассматривал, разглядывал, гладил мех. А потом сказал: «Носи, Сергеевна, ты заслужила».

Однажды мы с отцом поругались, и я говорю ему: «Видите как?», а он мне ответил: «Веруша, вы и сами разберетесь». Тихон Федорович детей любил, особенно Эдика, которому было годика полтора. Он часто сидел у деда на коленях. И дед часто повторял: «Иван, береги этого мальчишка! Из него большой человек вырастет!»

Он был очень неглупым человеком, рассудительным, хотя грамотешки ему не хватало и писал коряво, с ошибками.

Перед войной, когда дети деда Тихона оперились и повывлетали из гнезда, семья стала жить покрепче. И, конечно же, младшим дочкам, Анастасии, Зое, досталось больше родительской любви. В 1927 году у деда Тихона и его второй супруги случился поздний совместный ребенок, последний Тихонович – это Григорий Белимов.

Надгробие Белимовым, скончавшимся в Ольгино. Поставлено Василием Белимовым.

До последних дней жизни дед Тихон продолжал работать, так как был крепким, здоровым человеком. Работал он тогда заведующим током. Как-то зимой пришел в амбар, видит – зерно горячее. Прееет! А этого нельзя допускать, так как оно станет непригодным к посадке. Сгорит. И он недолго думая схватил лопату и стал его ворошить. А зерно-то было протравленное. Надыхался дедушка вредных паров, отравился. Его повезли в Чистоозерное, но там его не смогли спасти. В больнице дед скоропостижно умер. Смерть его была неожиданной и очень огорчила всех. У нас дома сохранились сразу две телеграммы: «Папа скоропостижно умер 1 декабря 1941 года. Выезжай. Сестра Зоя».

И еще одна:

«Здравствуй, дорогой брат. Отец умер от недомоганий сердечных сосудов. Умер 1 де-

кабря. Похоронили второго. Болел только 12 часов. Умер в больнице. С приветом, сестра Мария».

Я очень благодарна судьбе за то, что она надоумила меня взяться за эту работу. Бла-

годаря ей я узнала своих родных, своих предков, в первую очередь – незнакомых мне дедушек и бабушек. Это были прекрасные люди! Вечная им память и Царство небесное!

ОЛЬГИНО – РОДОВОЕ ГНЕЗДО

А СЕЙЧАС я расскажу о селе, в которое переехали наши предки. Вернее сказать, я буду пользоваться работой моего троюродного брата, Тимофея Моисеевича Белимова. Это он еще в 1960-х годах написал историю села Ольгино. Не могу привести ее целиком и потому, что она посвящена всему населению села, и потому, что в ней много пропагандистских словес, свойственных времени социализма, ровно ничего не раскрывающих, но необходимых в ту эпоху. Так что пусть меня простит Тимофей Моисеевич за маленькую редакцию его текста...

«Во время столыпинской реформы раздольные просторы Сибири и Дальнего Востока были разбиты на участки, на которые были посланы землеустроители. Эти участки и начали заселять переселенцы, прибывшие сюда на местожительство.

Наш участок был назван «Табулгинский». Адрес был таков: Томская губерния, Кайский уезд, Казаткульская волость, поселок Табулга, деревня Ольгино. Но до 1917 года называли только – «Табулгинский». Площадь участка равнялась 10 000 га (десятин). Поселок заселился до 1907 года. Жителей

Белимов Тимофей Моисеевич.

было всего 850 человек, а дворов – 180. Участок Табулгинский расположен в лесостепной местности. Линия железной дороги находилась в 60 километрах на север от участка (станция Татарская), но поселок вошел в районный центр Чистоозерное.

На участке имеется два озера: Табулга – это в восточной части участка, а на западе – озеро Медвежье. Озеро Табулга – около 100 га. В озере водилась до 1915 года рыба, но потом ее не стало, наверное, из-за природного недосмотра. Вода в озере солоноватая. В озере Медвежье вода пресная и пригодная для водопоя скота и питья. По своим размерам озеро около 20 га. Населенный пункт расположен на четырех улицах, которые носят названия мест, из которых приехали переселенцы: Орловщина, Черниговщина, Покусевщина, Смоленщина. На участке много пахотной земли, и лишь часть занята лесами. На севере участка есть большое болото – ляга «Кривое болото», часть которого пригодна для сенокоса.

Деревья пород – береза и осина. В лягах растет лоза. Лес по участку разбросан небольшими колками. Свободные земли покрываются различной растительностью. Лесные угодья приличные, и лес пригоден для строительства.

В 1908–1909 годах жители разделили между собой лес. Началась сплошная рубка. Многие стали строить дома, амбары, сараи. Лес за два года вырубил. Неприятно было смотреть на массовое уничтожение леса.

Экономика Ольгино выглядела с 1917 по 1920 год так: имелось шесть ветряных мельниц, протоварная лавка по продаже разных потребительских товаров, конная

просорушка, шерстобойка, маслобойка, несколько конных молотилок.

В 1920 году население Ольгино образовало у себя потребительскую кооперацию и открыло магазин и торговлю разными товарами потребительской кооперации. Первым председателем был избран Белимов Тихон Федорович! (Уже по одному этому можно сделать вывод о том, каким уважением пользовался в деревне наш дед Тихон Федорович. Выделено и дополнено мною.)

В селе жили в основном бедняки, и чтобы вспахать целину, нужны были три лошади, а бедняк мог иметь только одну. Чтобы вспахать огород или поле, приходилось самим хозяевам впрягаться в плуг человека по три. За всю весну пахать можно 6–7 га, это по два гектара на хозяйство.

Обучение детишек в школе началось лишь в 1911 году. Первой учительницей была Семенова Екатерина Касимовна. Она работала всего год, а в 1920 году школа в Ольгино расширяется и становится четырехлетка, еще одним учителем назначается Белимов Тимофей Моисеевич.

В 1920 году, после разгрома Колчака, в селе был избран и сельский совет.

Дом деда Тихона в Ольгино.

В этом доме жил один из братьев Тихона Белимова.

Депутатами были избраны: Ковальчук А. И., Белимов Т. М., Горностаев Г. Ф., Киреев И. П., Яценко С. И., Рыжков Г. Ф., Козьянский Х., Белимов Т. Ф., Кушнир П. И.

В нашем селе в 1926 году было организовано машинное товарищество. Оно состояло из двенадцати хозяйств: Белимов Т. Ф.; Киреев Андрей, Антоненко Афанасий, Белимов Т. М., Кушнир П. И. Ими была приобретена большая молотилка с подсевом.

Теперь это все было в руках рабочих и крестьян, партии большевиков. Революционно подготовленные рабочие и крестьяне были вместе в своих воинских частях. В погоню на разгром Колчаковской армии из деревни отправились Белимов Афанасий (старший сын деда Тихона), Тучин Александр, Ковальчук Леонтий.

Новая власть занялась перераспределением земли. Теперь все население было учтено, и землей стали в равной мере наделяться мужчины и женщины.

Летом 1920 года в Ольгино была создана партийная организация – ячейка ВКП (б). В ее составе были Яценко Степан Игнатьевич, Киреев Иван Петрович, Рыжков Григорий Варфоломеевич и другие. Секретарем

Дорога на Ольгино.

был избран Рыжков Г. В. Партийная организация и комсомол обязаны были вести разъяснительную работу среди населения, да и самим усваивать борьбу с изжитием недостатков в сельском хозяйстве. Надо было вести разъяснительную работу об увеличении посевных площадей, улучшении обработки земли и т. д. Все эти работы и падали на передовую часть населения с. Ольгино.

Шли годы. Закончилась война. Изгнали и разбили всех тех, кто стремился свергнуть советскую власть. Возвратились многие с военных фронтов. Вот тогда-то пошло дело веселее с положением сельского хозяйства.

Среди населения почти все женщины были неграмотные, да и многие мужчины грамоты не имели. Перед партийной организацией и комсомолом стоял вопрос о ликвидации неграмотности среди населения.

Борьба с неграмотностью велась очень дружно, стремление у неграмотных было большое, все желали овладеть грамотой. Недоставало учебников, бумаги, трудности были очень большие. При лампе в пять линий занимались вечером в классе, стремительно старались овладеть наукой. Это обучение шло не один год.

Окрестности д. Ольгино.

Война сильно разорила сельское хозяйство, недоставало рабочей силы, лошадей. Посевная площадь сократилась, валовой сбор зерна уменьшался. Хотя производство видов вооружений и возросло, но падала заработная плата рабочих. Ухудшалось положение трудящихся.

Подходило время коллективизации сельского хозяйства. В конце 1929 г. – начале 1930 г. в село Ольгино прибыли уполномоченные РК ВКП (б), член президиума РИКа Белимов Тимофей Моисеевич. На собраниях граждан он провел разъяснительную работу, агитацию о создании коллективных хозяйств.

Общее собрание решило организовать в Ольгино два колхоза:

улица Центральная, Черниговка, Покусевка – колхоз имени Ворошилова. Председателем был избран Козьянский Харитон; второй – из жителей улиц Орловщина и Смоленщина, колхоз имени Молотова. Председателем колхоза избран Белимов Тихон Федорович, бригадиром – Белимов Михаил Иосифович.

Колхозы приступили к объединению лошадей, инвентаря и всего того, что нужно

для хозяйства.

Прошло два года, и было принято решение объединить колхозы в один под названием «Колхоз имени Молотова». И тут председателем стал присланный «из центра» человек.

Деревня Ольгино являлась примерной из окружающих деревень, люди начали стремиться к преобразованиям в строительстве Советской власти нашей Родины.

Как видим из этой исторической справки, наш дед Тихон Федорович пользовался большим уважением у односельчан, ведь недаром его на протяжении многих лет избирали на всякие руководящие и общественные должности!

Стела погибшим в Великой Отечественной войне жителям Чистоозерного района Новосибирской области. Среди них и наши родственники. Вечная им память!

ВОСЕМЬ ВЕТВЕЙ ОТ ДОБРОГО ДЕРЕВА

Теперь уже нередко
Я думаю о том,
Что я всего лишь ветка
На древе родовом.
На том могучем древе,
Которое, ветвясь,
Пронизывает время,
Векам даруя связь.

КАК я уже говорила, у Белимовых Тихона Федоровича и Варвары Ивановны было семеро детей. Восьмой ребенок родился во втором браке деда, с Анастасией Ивановной. К моему огромному сожалению, я очень мало чего могу сказать о своих дядях и тетях. Но поделюсь хотя бы тем, что знаю.

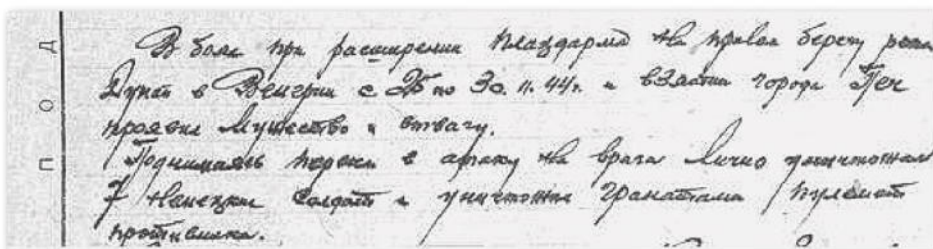
Мария Тихоновна, урожденная Белимова, с мужем и детьми.

1. Мария Тихоновна Белимова (Синцова), 1898 года рождения. Старшая дочь. Была дважды замужем. Первый раз – за Александром Тучиным. От него имела сына Тимофея. Затем вышла замуж за Синцова и имела от второго брака двух сыновей и три дочери.

2. Афанасий Тихонович Белимов тоже родился в 1898 году. Надо полагать, в ноябре-декабре. Как рассказывают, рос сельчаком, заводилой, озорником. Воевал в Гражданскую. Как все мужчины Белимовы, был высокого роста, стройный и красивый. Уехал жить в Кемеровскую область, где и женился, там стал председателем колхоза.

Афанасий Тихонович Белимов.

Похоронка на Афанасия Белимова.

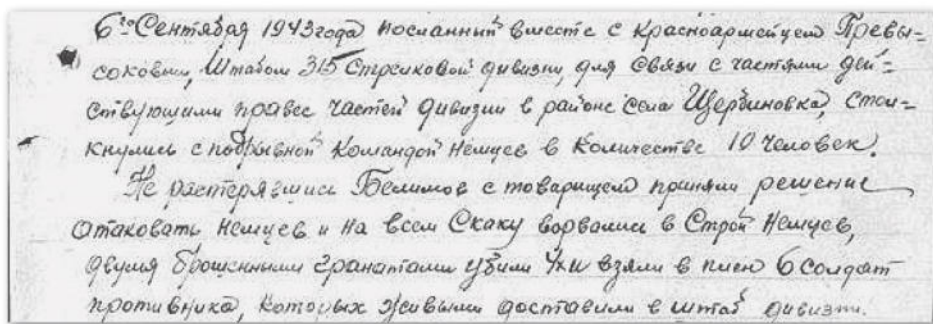
за. Имел восьмерых детей. На фронт ушел в 1942 году. Узнать что-то об этом дядюшке мне помогли сайты Министерства обороны «Память народа», «Подвиг народа». Гвардии сержант, стрелок 30-го Гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 3-го Украинского фронта.

А призывался он от Беловского райвоенкомата. В 1943 году попал в плен, но был освобожден 16 июня 1944 года и вновь призван Вознесенским РВК Одесской обл. Украинской ССР.

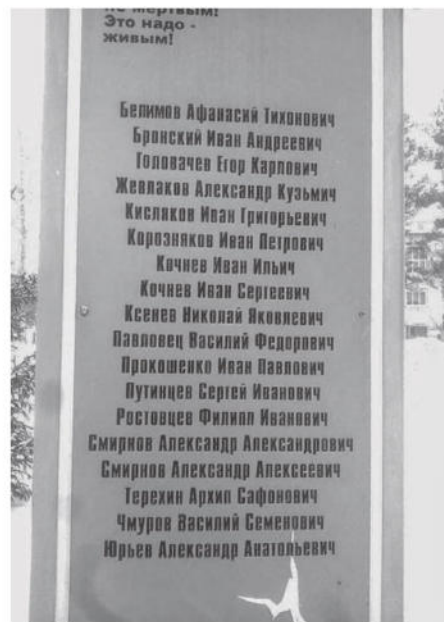
А еще из того же сайта я узнала и могу с гордостью сказать, что дядюшка наш был настоящий герой, он был награжден ор-

деном Красной Звезды! Вот что сообщил о его подвиге сайт Минобороны: «В боях при расширении плацдарма на правом берегу реки Дунай в Венгрии с 25 по 30 ноября 1944 г. и взятии города Печ проявил мужество и отвагу. Поднимаясь, перешел в атаку на врага, лично уничтожив семь немецких солдат, и уничтожил гранатой пулемет противника». За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды.

Но при этом пострадал и сам, получил осколочное ранение черепа и умер от ран 6 декабря 1944 года. Похоронен дядя Афанасий в том же городе Печ, за который он отдал свою жизнь, в Венгрии, на южной сто-

История подвига Николая Белимова.

Памятный монумент в деревне Грамотино Кемеровской области.

роне городского кладбища, могила № 5.

Как я уже говорила, Афанасий с детства был и озорник, и заводила, и отчаяга. Эти качества характера и сделали из него героя. В отца пошел и его сын, Николай. Он тоже стал героем.

Вот история его подвига: Николай Афанасьевич Белимов, 1920 года рождения, был призван 1 января 1943 года, воевал на 3-м Украинском фронте.

«6 сентября 1943 года, посланный вместе с красноармейцем Превысоковым, штабом 315-й стрелковой дивизии для связи с частями, действовавшими правее, в районе села Щербиновка, столкнулись с подрыв-

ной командой немцев в количестве десяти человек. Не растерявшись, Белимов с товарищем приняли решение атаковать немцев, двумя брошенными гранатами убили четырех и взяли в плен шесть солдат противника, которых живыми доставили в штаб дивизии».

За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды. Вот какие героические у нас родственники!

3. Александра Тихоновна Белимова, или Фекла по имени, данному от рождения, вышла замуж за ссыльного мадьяра по фамилии Фаркаш. Этот мадьяр был пленен в Первую мировую и сослан в Сибирь.

Александра Тихоновна Белимова.

Муж стал называть супругу по-своему – Александрой, и это имя прижилось. Они родили двоих детей: Ивана и Степана. Шура очень боялась своего мужа, он был скупым и очень жестоким человеком. Был такой случай: в 1935 году она уронила в колодезь ведро и, боясь гнева мужа, стала, опираясь на бревна, доставать ведро багром. С большим трудом достала его, но внутри что-то повредила или застудила и вскоре после этого умерла. В родительском архиве совершенно случайно нашлось письмо от этого самого Степана к отцу в Нарым: «Сообщаю тебе, что родная наша мама умерла 01.11.1935. И так мы остались без родной матери».

Сын Александры – Степан Фаркашев.

А дальше история двух сирот развивалась как в киносериале. Отец их, тот самый мадьяр, после смерти жены Шуры вскоре женился на другой. Перед войной мадьяр умер, а мачеха решила уехать из села. Когда садились в поезд в г. Татарске, сказала парням, что не может их взять с собой, что не сможет их прокормить, взяла с собой только родную дочку и уехала... Тут и разошлись пути братьев. Иван, писанный красавец, вернулся домой, а оскорбленный поступком мачехи Степан решил не возвращаться. Степан был тот, о ком говорят «в семье не без урода». Хулиганистый пацан рос. Бродяжничал, воровал, попадал то в детский дом, то в тюрьму. В войну служил

Сын Александры – Иван Фаркашев.

в штрафбате, на фронт ушел под чужим именем: как Михеев Иван. После войны женился, жил в Междуреченске, работал шахтером. Но был жесток и злобен, как и его отец. Сын его, Степан Степанович, не выдержал гнета отца, бросился с моста и погуб!

Ивана ждала совсем другая судьба. Чтобы груз происхождения (сын пленного иностранца) не мешал его жизни, наш отец, Иван Тихонович, будучи директором школы, выдавая племяннику документы об окончании семилетки, сумел прибавить к фамилии Фаркаш русское окончание «ев». Эти две буквы позволили стереть «пятна» биографии, сделать чистой анкету,

Семен Тихонович Белимов.

Иван Тихонович Белимов.

Анастасия Тихоновна Белимова – 1955 г.

благодаря чему он и в комсомол вступил, и отправился на военную службу. Окончив офицерское училище в Омске, служил в Германии, потом сделал партийную карьеру, стал секретарем райкома КПСС на Крайнем Севере, в Анадыре. Был женат на очень красивой женщине, вырастил двух детей: дочь Галину и сына Игоря. Галя стала врачом-рентгенологом, а Игорь – автомехаником. Иван Иванович Фаркашев, отцов племянник и мой двоюродный брат, после выхода на пенсию приехал с семьей в Новосибирск. Но жизнь на Крайнем Севере сказалась на его здоровье. Он умер до срока, едва пережив шестидесятилетний рубеж. Теперь он лежит на Заельцовском кладбище, рядом с Верой Сергеевной Белимовой и Иваном Тихоновичем.

4. Семен Тихонович Белимов – уехал в Новокузнецк, говорят, воевал. Но на сайте Минобороны его пока нет...

5. Иван Тихонович Белимов, 1911 года рождения. Иван, наш отец, – пожалуй, самый успешный и благополучный из детей Тихона Федоровича. Ему будет посвящена отдельная глава.

6. Анастасия Тихоновна Белимова (Кальяк) – 1913 года рождения, окончила три класса. Жила в Ольгино, вышла замуж в соседнюю деревню Воронец за Матвея Дмитриевича Кальяка. 1 декабря 1942 года муж погиб от ран в городке Красноармейске под Сталинградом. Спустя пять месяцев после его гибели Анастасия родила девочку, о рождении которой супругу не довелось узнать. И осталась тетя Настя с двумя крошками на руках: трехлетним Виктором и новорожденной Раечкой. Так горькой вдовой и прожила свою жизнь в нужде и бедности, в избе с земляными полами. Но, как и все Белимовы, была человеком работающим, доброй души и даже веселым! И дети

у нее, несмотря на свое сиротство, выросли как на подбор, один краше другого: порода! Анастасия Тихоновна ушла из жизни в 1990 году.

7. Зоя Тихоновна Белимова (Зрелова), 1918 года рождения, – младший и последний ребенок Варвары Ивановны. Ей едва исполнилось семь месяцев, когда ее мать умерла от чахотки. Детство она провела в семье мачехи, о которой у нее остались самые хорошие воспоминания. Да и то сказать: мачеха кормила ее своей грудью!

Зоя Тихоновна по приглашению брата, Ивана Тихоновича, поехала учиться в 7-й класс в г. Нарым Томской области, где он работал директором школы. Но, надо ска-

зать, училась она неважно, особенно по математике. По окончании учебного года вернулась в Чистоозерку, начала работать в Юдинском детском доме, училась на курсах заведующих складов заготзерна (1938 г.), по окончании работала по профессии: принимала полуторки с зерном, жила в то время у Марии Тихоновны Лобко, своей сводной сестры. Однажды она пропустила машину, зараженную клещом, за это ее осудили на шесть месяцев условно. После этого случая она поступила на курсы киномехаников и, окончив их, вплоть до 1942 года работала киномехаником на передвижной киноустановке по деревням Чистоозерного района.

В 1942 году переехала в Новосибирск и устроилась на завод им. Чкалова. В 1943

Иван, Афанасий, Александра, Семен Белимовы. 1929 год, г.Татарск.

Зоя Тихоновна Белимова (Зрелова).

Зрелов Михаил Васильевич.

году добровольцем ушла на фронт. После трех месяцев обучения на курсах получила права водителя и была зачислена в зенитно-прожекторный полк водителем-прожекторщиком. В полку были 37- и 40-миллиметровые зенитные пушки, зенитные прожектора, которые использовались для борьбы со штурмовиками, истребителями-бомбардировщиками и пикирующими бомбардировщиками.

Победу над Германией встретила в Польше, в Варшаве. До самых последних лет боевые подруги проводили встречи однополчан в Москве и вели переписку... Имеет орден Отечественной войны 2-й степени.

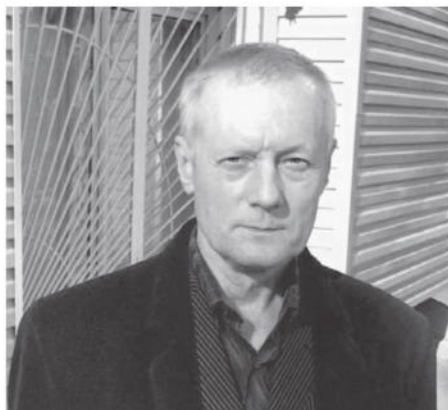
После войны Зоя Тихоновна вернулась на завод и жила у сестры, Марии Тихоновны Синцовой, и работала там до 1946 года, а затем устроилась на завод имени Ленина.

Там она и познакомилась со своим будущим мужем, Михаилом Васильевичем Зреловым.

О ее супруге, человеке необыкновенной судьбы, стоит рассказать особо. Михаил Васильевич родился в г. Красногорске в 1915 году, был «подкидышем», его подбросили к каким-то военным, проходившим передислокацию перед боями Первой мировой, в возрасте трех месяцев с табличкой «Миша» на шее. Ребенка передали в детскую колонию, детский дом, и в сопроводительной справке указали фамилию Афонин, по имени человека, передавшего малыша в добрые руки, а Василий – в честь руководителя приюта... А потом Гражданская война, разруха, начались скитания по стране, бродяжничество. Беспризорничал и куда только не кидало его, от Магадана и Анадыря до московского метрополитена! Кстати, там

Михаил Михайлович Зрелов.

Анатолий Михайлович Зрелов.

во время строительства метро почему-то не требовали документов. Потом, когда документы пришлось-таки выправлять, им, куче таких же бесприютных сирот, сказали: сами себе придумывайте фамилии. И ребята тут стали стараться: кто Королев, кто Виноградов. А он посмотрел – оканчивается лето, все плодоносит, все спеет, все вызревает. И назвал свою будущую фамилию, которую и детям своим передал: Зрелов. Классно придумал! Окончил курсы машинистов метрополитена, а также слесаря, фрезеровщика и токаря. В 1935 году стал помощником машиниста метрополитена г. Москвы им. Кагановича. Во время войны был эвакуирован в г. Новосибирск, где работал на оборонном заводе им. Ленина. Специалистом он был уникальным, единственным на многотысячный завод! Токарь-инструментальщик, работал на старинном станке, изготавливая до 200 штук деталей за смену, которые помещались... в спичечный коробок, настолько они были малы. И делал он их без всяких приспособлений, без увеличительных стекол и микроскопов! Это был наш новосибирский Левша! Такая крепкая, такая верная была рука у этого невысокого худенького мужчины, такой зоркий и верный глаз он имел! После его ухода на пенсию, благо время настало другое, его детали перевели на станок с ЧПУ: потому что никто не был в состоянии делать их на простом механическом токарном станке!

У четы Зреловых родилось двое сыновей: Анатолий и Михаил. Парни взяли лучшие фамильные качества Белимовых и Зрелова. Оба получили высшее образование, оба стали инженерами-производственниками, у обоих хорошие, крепкие

семьи. Оба чтут память родителей, ходят с портретом матери на шествие «Бессмертного полка».

У Михаила, сына Зои Тихоновны, дочь Евгения, сын Андрей и внук Денис. У Анатолия – сын Денис и внук Никита.

8. Григорий Тихонович Белимов, 1927 года рождения, – последний ребенок деда Тихона и его второй супруги Анастасии Ивановны.

Был призван на фронт в 1943 году. Вошел на флоте. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени. Стал военным моряком и в мирное время продолжил службу на флоте, был боцманом. Жил на Сахалине, в городе Корсакове. Имел дочь Нину.

А теперь немного о сводной белимовской родне. Анастасия Ивановна Крутик, вторая жена деда Тихона, была с шестью детишками! Анна, Ганна, Домна, Мария, Гриша, Кирилл. Я помню тетю Машу, добрейшую и милейшую женщину. У них был и есть добрый, приветливый, уютный дом, в котором царят душевное тепло и любовь... И мне радостно, что мой дед Тихон, тишайший и добрейший человек, овдовев, обрел новую семью, в которой тоже было место любви и взаимопониманию.

В Чистоозерном районе живет «последняя из могикан» – дочь тети Маши, Лариса Николаевна Шпак, школьный учитель и хранитель семейных традиций, добрейшей души человек, человек, влюбленный в профессию и преданный ей, отличник народного просвещения. Она не только препода-

Григорий Тихонович Белимов.

Шпак Лариса Николаевна – хранитель семейной истории.

давала в школе, но и создала с нуля школьный музей, работа над которым заняла не один год.

Она много знает и помнит о роде Белимовых и очень помогла мне в работе над книгой. Она поддерживает постоянные отношения с детьми Зои Тихоновны: Михаилом и Анатолием. Она водила нас на могилу Анастасии Ивановны, и мы поклонились праху мачехи отца.

Вот так вкратце выглядит история детей Тихона Федоровича. Главное, что я выяснила, изучая семейную белимовскую историю, – что Белимовы – крепкий, физически и морально здоровый род. Несмотря на все испытания, которые довелось пережить деду Тихону и его детям, давайте вспомним

их жизнь, хотя бы вкратце: Первая мировая война, Гражданская война, смерть Варвары Ивановны, нужда, коллективизация, Великая Отечественная война, опять нужда, бедность и тяжелый труд. Но деду удалось поднять и воспитать хорошими людьми всех восьмерых детей!

Благодарно склоняю голову перед памятью нашего замечательного предка, никогда не виданного мною деда – Белимова Тихона Федоровича, простого крестьянина, настоящего русского человека, который достойно и благородно прожил свою жизнь. Он видится мне как могучий дуб, а все его дети – ветви от этого доброго дерева. И каждая его ветвь, большая или малая, ПРЕКРАСНА!

И ВАН, КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

ПАПА наш, Иван Тихонович Белимов, родился 20 марта 1911 года в беднейшей многодетной крестьянской семье. Мама его, наша бабушка, Варвара Ивановна, была не богатырского здоровья, болела чахоткой и таяла от этой болезни. Когда в 1919 году грянула эпидемия тифа, ее ослабленный многочисленными родами и болезнью организм не смог сопротивляться новой напасти, и она ушла из жизни, оставив сиротой восьмилетнего Ваню.

Отец Ивана, Тихон Федорович, оставшись с семерыми детьми на руках, в том числе грудничком Зоей, тут же женился:

как без женщины с такой оравой? Мачеха была хоть и неплохая женщина, но, задавленная нуждой, тяжелым трудом, заботами об огромном семействе, конечно, не уделяла ему материнского внимания и заботы.

Так и рос наш батя в дикой нищете, в голоде и холоде. Спал на земляном полу, под головой вместо подушки – старый валежник. Крутлый год босиком. Чтобы высколотить зимой «до ветру», надевали единственную пару валенок, общую на всех.

В первый класс пошел учиться с запозданием на два года, потому что у будущего

Гимн русскому народу

Народ мой не толпы, не массы,
Не хитрый, кочующий сброд.
Народ не делю я на классы.
Народ мой – единый народ.

Он воин, поэт, хлебопашец.
Он мастер, художник, мастак.
Он разный: с душой нараспашку,
Взрослеющий, юный, в годах.

Он грустный, забавный, бедовый,
Веселый и сильный народ.
Он знает и дело, и слово.
Философ. Борец. Патриот.

И пусть он немного наивный,
Нескладный, как в сказке медведь, –
Не бейте его подло в спину,
Чтоб горько потом не жалеть.

В стране необъятной, великой
Ему по плечу даль и ширь.
Красив мой народ светлоликий –
Былинный народ-богатырь.

Михаил ВАСИЛЬКОВ

* * *

Лег над пропастью русский путь.
И срывается в бездну даль.
Русский, русского не забудь.
Русский, русского не предай.

Не ступили бы мы за край,
Да подталкивают враги.
Русский, русского выручай.
Русский, русскому помоги.

Грелась тьма у моих костров.
Никого корить не берусь.
Но, вставая из тьмы веков,
Русской силой держалась Русь.

Отслужила свое хлеб-соль.
Мир не стоит нашей любви.
Русский, русскому как пароль
Имя нации назови.

Перешел в набат благовест.
И нельзя избежать борьбы.
Могут вынести русский крест
Только наши с тобой горбы.

Русским духом, народ, крепись
У последней своей черты.
Русский, русскому поклонись.
Русский, русского защити.

Душу русскую сохрани.
Землю русскую сбереги.
В окаянные эти дни,
Русский, русскому помоги.

Татьяна ЛЕДОВСКАЯ

школьника не было ни одежды, ни обуви!
А учиться очень хотелось, и страсть к уче-
нию была сильнее всех претрал.

Окончив четыре класса в 1925 году, ре-
шил учиться дальше, а школа-семилетка
была только в Чистоозерном, в райцентре.
Это в 40 километрах от родной деревни
Ольгино. Нет одежды? А дедов тулуп? Нет
обушки? А разве огромные мужские сапо-
ги, что забыли колчаковцы, драпая от крас-
ных, не годятся? Велики? Не беда! Намотал
на ноги вместо портянок мешки, натянул
сапожищи и пошел с холщевой котомкой,
в которой лежал ломоть хлеба, пешком на-
встречу своей судьбе и новой жизни.

Совсем как у Некрасова, в стихотворе-
нии «Школьник»:

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдись! Такое дело –
Это многих славный путь.

Там уж попроще широко:
Знай, работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных – то и знай.

Как жил, что ел, одному Богу ведомо!
Но только в семнадцать лет он уже учился
в городе Татарске, в школе-девятилетке, и
оканчивал 7-й класс. Взгляните на это фото.
Это весна 1929 года. На обороте фотогра-
фии много лет спустя отец написал: «Стою
у стопок только что купленных 20 томов

Белимов Иван Тихонович, 18 лет.

Мамина-Сибиряка и Ивана Бунина. Ког-
да я учился, жить было намного труднее.
Приходилось учиться и работать. Работал
на железной дороге, сгружал бревна, дрова,
уголь, кирпич, копал снег, убавывал деготь.
Пропускал целые недели и все-таки учился
лучше всех! Дорога тебе открыта». И ниже:
«Мне – 18 лет!».

Сегодняшние восемнадцатилетние маль-
чишки не выглядят так. Отец в свои восем-
надцать смотрелся как минимум на двад-
цать пять – двадцать семь. Взрослый, зре-
лый молодой мужчина!

В документах отца сохранилось несколько листов по учету кадров. В одном из них он указал, что учился в начальной школе в Ольгино с 1919 по 1925 год – целых шесть лет! Не мог же мой талантливый батя на второй год оставаться. Права я оказалась: сидел на печи, нечем было тело прикрыть, не в чем было в школу ходить!

Зато потом он с лихвой наверстывал: 1927–1928 гг. – Чистоозерная школа молодежи, 1928–1929 гг. – Татарская девятилетка, 1929–1932 гг. – Каинский (Куйбышевский) пединститут. Интересно было мне прочесть, что в графе «какими иностранными языками владеете» он написал:

немецким, украинским, белорусским. Немецкий, ясное дело, со словарем – это педучилище. Украинский – это село родное, где было много выходцев из Малороссии. А вот белорусский откуда взялся? Эх, нет отца... Спросить не у кого. Когда отец окончил педучилище, то получил назначение туда, куда никто добровольно не едет, – в место ссылки, в Васюганские болота, в Каргасокский район. Туда поехали сразу несколько выпускников, получивших распределение в соседние села Каргасокского района, ехали катером, на котором случайным образом оказалась и моя мама. Она ехала к своим родителям, которые были в ссылке.

Учительская конференция в Каргаске. Белимов И.Т. – второй ряд сверху, второй справа.

Так вот они и познакомились, приглянулись друг другу. Мама выделила отца среди этой группы парней. Как она рассказывала, он был самый умный, самый начитанный, самый культурный и выгодно отличался от остальных выпускников.

Но поженились они не сразу, поскольку ехали в разные пункты. Мама – в Усть-Чурьку, где находился ее отец, а папа стал инспектором района в Каргасокском районе.

Отец часто перебрасывали с места на место. Поработал он и директором Нововасюганской средней школы, и в селе Подгорном, где отработал 5 лет, с 1936 по 1942 год.

Когда началась война, отцу пришла повестка, и он пошел на медкомиссию. И там мнения разделились. Один эскулап утверждал: годен, другой – что нет. А дело было в том, что у отца с раннего детства был плечевой вывих правой руки, на ней отсутствовали мышцы от плеча до локтя, и вскинуть ее до уровня груди можно было только с помощью левой руки.

Один говорил: «Он же не сможет держать винтовку!»

Другой возражал: «Ничего, гранату можно и левой рукой бросать!»

И только вернувшийся откуда-то председатель комиссии выписал отцу белый билет.

Отец не воевал, но его фронт был в Нарыме, в глухой тайге, в которую прибыли тысячи спецпереселенцев, и его задачей было дать их детям образование, создать в переполненных школах условия для полноценной учебы, не допустить озлобления в детских душах.

Весна военного, 1941 года началась небывалым наводнением. Почти все Подгор-

Средняя школа в Подгорном.

ное, где отец был первым директором первой средней школы, оказалось в воде. Вода доходила до подоконников, по улицам ходили лодки и катера. Среднюю школу не затопило, вода остановилась у самого крыльца, но по ул. Школьной плавали на обласках (лодках-долбленках). Некоторые экзамены были перенесены на более поздние сроки, так как большинство учеников просто не могли попасть в школу. Начало войны изменило все привычные графики учебного процесса. В связи с наводнением учебный год начался 25 октября, и школьники были брошены на заготовку ягод: рябины, клюквы, шиповника. За успешное выполнение боевой задачи, имевшей важное оборонное значение (сбор шиповника), школе была объявлена благодарность. В годы ВОВ в школе было нелегко, учителя и ученики работали в колхозах на уборке урожая, учились в две смены; не хватало учебников; не было тетрадей и чернил – писали на газетах, чернила – разведенная сажа. Старшеклассники (с 5-го класса) вместе с учителями готовили на школьной делянке дрова для отопления школы; при слабом керосиновом освещении вечерами собирали теплые вещи для фронта, ставили концерты

В музее имени Белимова И.Т. в с. Подгорное. В центре - Валерий Белимов.

для земляков, заботились о семьях фронтовиков... В здании школы в условиях военного времени с октября 1941 года было введено ночное дежурство преподавательского состава и старших учащихся школы в обязательном порядке. На дежурных лежала ответственность за сохранность школьного здания и имущества.

Можно много рассказывать о жизни далекой деревни в годы Великой Отечественной войны, когда вся тяжесть тыла, невероятное количество работы и лишений были взвалены на хрупкие женские и детские плечи. Ребята и учителя оказывали помощь фронту. Круглый год вся школа занималась

изготовлением колец для лыж, и это было государственным заданием. «За отличное выполнение и перевыполнение задания по поделке колец для лыж, нужных для бойцов действующей Красной армии на фронте по борьбе с озверелыми бандами германских фашистов» была объявлена благодарность с занесением в личное дело не только директору Белимову, но и целому ряду учеников. Несмотря на военное время, бедность, скудность обеспечения и снабжения, огромный наплыв учащихся (детей спецпереселенцев), школа продолжала развиваться, потихоньку исправлялось положение с оборудованием и наглядными пособиями.

Колпашевский учительский институт. В центре – Белимов И.Т., сразу за ним Белимова В.С.

Росла школьная библиотека. Если в 1937 г. в ее фонде числилось только 73 издания, то в 1940/1941 учебном году – уже около 1000! Появилась даже ставка штатного библиотекаря.

Отец был личностью харизматической, лидером по натуре. Ученики его и боялись, и любили. Очень высокий, статный, видный, он обладал человеческим обаянием и внушал ребятам уважение уже своей внушительной фигурой. Долго вспоминали в семье, смеясь, когда после проката фильма «Александр Невский» в школьном коридоре к нему подбежал какой-то отчаянный пацаненок лет десяти, поклонился в пояс

и громко выкрикнул: «Господин Великий Новгород!» Вот именно таким его воспринимала детвора.

И совсем не случайно в 1994 году в честь 60-летия района было издано Постановление главы администрации Чаинского района Томской области об увековечивании памяти Белимова И. Т.

Улица Совнарымская в селе Подгорном была переименована в улицу Белимова. На улице установлена мемориальная доска, увековечивающая память первого директора Подгорненской средней школы, а музеем средней школы присвоено имя Белимова Ивана Тихоновича!

Жалко, что отец не дожил до этого события!

В 1942 году отца перевели в город Колпашево, где он начал работать в учительском институте, на кафедре марксизма-ленинизма. В Колпашево наша семья жила поначалу в небольшом частном доме по улице Кирова, 67. Моя кровать стояла в родительской спальне, которая служила отцу еще и кабинетом. И хотя мне было всего четыре года, я отчетливо помню, как каждый вечер отец усаживался работать за свой стол, на котором стояла керосиновая лампа. И чтобы свет от этой лампы не мешал мне спать, отец ежедневно сооружал абажур из газеты, прорывая в ней по центру отверстие. Поскольку края этого отверстия регулярно обугливались, абажурчик менялся каждые два-три часа.

Отец всегда много работал, и мама свято оберегала тишину и порядок в семье, чтобы ничто не отвлекало его.

– Тихо! Папа работает! – это самая частая фраза нашего детства. В 1950 году наша семья переехала в просторную квартиру, где у отца был отдельный кабинет. Вдоль стен – книжные стеллажи от пола до потолка. Как бы скудно ни жила страна в те первые послевоенные годы, книги стояли сущие копейки и были доступны каждому. А еще отец собирал редкие издания, когда ездил по Нарьму инспектором. Бывая в разных поселениях, он покупал книги у спешерселевцев. Жаль, что эта уникальная библиотека полностью погибла в пожаре.

Отцовский кабинет – это святая святых, куда без дела входить было не дозволено. Но я – все-таки младшая и потому любимая – позволяла себе изредка потихоньку при-

Супруги Белимовы, 1951 год.

открыть дверь и всунуть нос в кабинет. И ничего интересного там не было: письменный стол, чернильный прибор, электрическая настольная лампа с абажуром зеленого стекла, как в кабинете Ленина со знакомой картины, и склоненная над бумагами фигура. Иногда отец отрывался от работы, сажал меня на одно колено, покачивал: «Поехали за орехами!», что-то говорил, чмокал в макушку и выставлял за дверь.

Результатом его напряженной работы стала защита кандидатской диссертации, которую отец защитил в тридцать семь лет там же, в Колпашево. Вот так парнишка из крестьянской бедноты, во глубине сибирских руд жил напряженной интеллектуальной жизнью, занимался наукой и наперекор всему, имея пятерых детей на руках, подтвердил свою научную состоятельность! Он стал первым кандидатом наук в истории города Колпашево! И в 1953 году его перевели в Томск, где он работал и директором краеведческого музея, и преподавателем в ГПИ.

Отец был человеком кристальной честности. Особенно ярко это его качество проявилось в годы работы директором Томского краеведческого музея. Вспоминаю наш переезд из Колпашево в Томск. Пароход прибыл вечером, багаж не успели разобрать, и мы первую ночь провели не в своей квартире, выделенной нам тут же, при музее, а в папином директорском кабинете. Спали на полу, а нас окружали застекленные шкафы с книгами и разными интересностями. К шкафам нам отец строго-настрого наказал не прикасаться, но мы, лежа на полу, углядели, что и под шкафами можно что-то найти эдакое. Валерий, например, вытащил бандитский кистень – чугунное ядро на цепочке, а Сталина – изящную металлическую коробочку с продавленными на ней цветочками. Коробочка предназначалась для хранения листового чая, но на ней отчего-то было написано: «Брось кубышку, заведи сберкнижку». Мы хохотали над находками, обыгрывая и кистень, и кубышку, но отец прикрикнул на нас, велел не прикасаться к экспонатам и внушил, что мы как дети директора должны понимать, что такое музейная ценность.

Шел 1953 год. Томский краеведческий музей блистал в ту пору своим великолепием, богатейшей экспозицией не только по краеведению, истории, но и художественными ценностями. Расположенный в роскошном особняке золотопромышленника Асташева со своей домовою церковью, с роскошными залами и интерьерами, он впечатлял посетителей и живописью в золоченых рамах, антикварной, в том числе китайской, резной, черного дерева мебелью,

работами уральских камнерезов, напольными вазами, скульптурами и т. д.

Но, как оказалось, еще больше ценностей хранилось в запасниках, в подвалах и на чердаке, причем все это было просто свалено как попало до лучших времен и нигде не оприходовано! Картины в богатых рамах, невиданной красоты фарфор, изделия из яшмы, малахита, бронзы и серебра и т. д. Доведись такое-то богатство до другого человека, он бы и себя, и внуков своих на всю жизнь большим состоянием обеспечил, и при этом, как говорится, комар бы носа не подточил! Но отец никогда ни единой нитки, ни одной бусинки в дом не принес! Зато назначил специальную комиссию, и она начала планомерную работу по изучению и описи фондов!

И потому хорошо помню свое удивление, когда он подарил мне огромный красный карандаш с надписью на одной из граней «350 лет городу Томску». Такой карандаш был на экспозиции, посвященной этой дате. Собственно, отец-то в свое время и получил назначение директором музея в Томск с условием, что организует и проведет в музее грандиозную выставку в честь юбилея города. Отец был еще молод, амбициозен, полон сил и дал свое согласие. В назначенный срок выставка состоялась, и она на самом деле была грандиозной! Из огромного зала на втором этаже убрали вазы и картины, а на роскошный паркет наставили витрины и подиумы, на которые водрузили продукцию томских предприятий.

Больше всего мне запомнилась продукция калошной и спичечной фабрик, лампового завода и карандашной фабрики. Были там еще и какие-то турбины, статоры, дру-

гие железяки, но это мне, еще школьнице начальной школы, было неинтересно... До сего дня в память об этой выставке у нас в доме хранится маленькая сувенирная галочка, и, когда она попадает мне в руки, я с особым теплом вспоминаю и Томский музей, и эту выставку, и свое детство.

Очень хорошо помню 1954 год и как возмущался отец, когда Хрушев подарил Крым Украине. Он ходил из угла в угол, мотал головой и приговаривал: «Да как он посмел?! Ах дуропляс! Ах дуропляс безголовый! Что творит, что творит!» Мне было девять лет, и я спросила маму, чего отец так сердится, ведь Украина как была в Союзе, так и осталась. На что мама как истинная супруга историка сказала: «Ах, Таня, кто может знать, что будет через тридцать-сорок лет. Все может измениться, и тогда...» Но я рассуждала по-своему: какая разница, чей Крым? Ведь страна-то у нас общая! И не поддерживала отцовское возмущение. Время показало, кто из нас прав...

Наша квартира в музее выходила тремя окнами на главную улицу города – проспект Ленина. Дом стоял на перекрестке, и, когда тяжелый транспорт заворачивал за угол, было ощущение, что из-под асфальта идет гул, что под зданием пустота. И это, и разговоры старожилков о том, что к дому Асташева был прокопан подземный ход к пристани, чтобы безопасно доставлять в подземные хранилища купца намытое золото, побудили отца искать подтверждения легенде. Думаю, что он составил об этом разговор с органами, потому что, когда уходил на поиски, мы должны были сидеть дома и носа не показывать, в общем, все происходило в строгой секретности. В итоге с левой

Томский краеведческий музей. Три окна слева первого этажа – наша бывшая квартира.

стороны здания были найдена и лестница, ведущая вниз, и запертая дверь. Но тайну отцу не суждено было раскрыть: он перешел на работу в Томский политехнический институт на полную ставку, и мы должны были оставить ведомственную квартиру и переехали в новый институтский дом возле Лагерного сада, на улице Учебной, 20.

Квартира была шикарная, с паркетными полами, четырехкомнатная, но в ней кроме нас жила еще пожилая чета отставного полковника авиации.

У нас было веселое семейство, приходили студенты к старшим детям, хохмили, острели, пили чай. И непременно из своей половины выползали разодетые бюргеры (так мы их называли про себя), усаживались за свой стол, подпирали жирными ладошками жирные щеки, слушали и комментировали происходящее. Рассчитывать на лучшее, отдельное жилье в скором времени не приходилось, и отец начал поиски новой работы, с отдельной квартирой. Кстати, в это время он начал трудиться над докторской диссер-

Семейство Белимовых: 1 ряд слева направо – Сталина, Белимов И.И., Татьяна, Вера Сергеевна, стоят Валерий, Эдуард, Лилия. Колпашево. 1950 год.

тацией и часто ездил в командировки в архивы Москвы и Ленинграда.

Он разослал свое резюме в разные города, и его с распростертыми объятиями звали Кемерово, Новокузнецк, Краснодар, а Пятигорск даже предлагал ректорство. Эти приглашения, часто на телеграфных бланках, я храню у себя в отцовском архиве.

Но он выбрал строительный институт Новосибирска, должность заведующего кафедрой, и трехкомнатную квартиру. Так мы в 1958 году перебрались в будущую столицу Сибири, Новосибирск.

В Сибстрине он проработал всего четыре года: как-то не сложились отношения с институтским начальством. Думается, потому что отец никогда не был шаркуном, не умел прогибаться, а жизнь порой требует этого умения. Так и получилось, что последних 18 лет, вплоть до 1981 года, он работал в НЭТИ. И, возможно, это были его лучшие годы как преподавателя. Сказать, что студенты его любили и уважали, – значит, ничего не сказать. Чтобы его послушать, нередко студенты с других потоков сбегали на лекцию Белимова, и по-

Белимов И.Т., Москва 1946 год.

точная аудитория бывала забита до отказа! Порой студенты договаривались: «Сегодня Белимова встречаем аплодисментами!», и его приветствовали стоя, дружными аплодисментами, словно киноартиста. Последние годы правления Брежнева были отмечены застоем страны, беспомощностью и бездарностью власти, которая при этом сохраняла «революционную» риторику, трескучие лозунги о верности заветам и т. д. А полки магазинов стремительно пустели, даже мыло продавалось по талонам. А сам дряхлеющий Брежнев вызывал не столько жалость, сколько насмешки.

Отец критиковал эту власть во весь голос, называл дураплиями многих из властей предрежащих и говорил такие вещи, что порой боязно слушать было! Вот за эту отчаянную смелость его любили и ценили

студенты. Но он с ними не мишталничал. Терпеть не мог патлы у мальчишек, распущенные по плечам волосы, считал, что мужчина не должен походить на женщину. Заявлял: «Кто ко мне с косой придет, тот от косы и погибнет!» И что вы думаете? В день экзамена заворачивал таких парней и гнал в парикмахерскую.

Волосатики прятались в туалете и стриглись там под общий хохот самостоятельно.

Вот что вспоминает о нем родной внук, который учился у деда, сын Эдуарда, Дмитрий: «Иван Тихонович у нас на первом курсе читал лекции по истории партии всему потоку – это 250 человек. Сначала это были обычные лекции про бесконечные съезды КПСС, и было скучно. Но потом он начал рассказывать совсем о другом – про то, что творится в высших эшелонах власти, в политбюро. Аудитория слушала затаив дыхание. Задавали вопросы. Он подробно на них отвечал, и так лекция за лекцией. Провожали его стоя и аплодисментами. Молва об этом облетела весь институт. Как-то раз пришел проверяющий – видать, из парткома института. Но ничего криминального не нашел. А экзамены проходили так: дед приходил, садился и начинал читать газету. Списывать можно внаглую. Но обмануть его было невозможно. Путем наводящих вопросов он сразу выяснял, знает студент материал или нет, и каждый получал по заслугам. У нас он был одним из самых популярных преподавателей».

А еще отец очень оригинально относился к шпаргалкам. Никогда не ставил за них двойки. Говорил, что если студент писал шпаргалку сам, то это значит, что он готовился. И за хорошую, умную шпаргал-

ку мог поставить даже отлично: ведь надо умудриться вместить целый курс истории КПСС, главные вехи и значимые события в крошечной книжечке размером четыре на четыре сантиметра!

На пенсию отец ушел в семьдесят лет, имея 50 лет трудового стажа. Однако докторскую диссертацию он так и не сумел защитить. У него была тема «Железнодорожный пролетариат Сибири в период 1905–1908 годов». Его официальные оппоненты находились в Питере, куда он регулярно ездил, с кем советовался. Когда работа была готова и отослан реферат, от оппонента неожиданно раздалась убийственная критика о том, что сделаны неверные выводы из исследования, что он неверно трактует события. Это было тем более неожиданно, что каких-то 6–8 месяцев назад оппонент все одобрял. Обескураженный и недопущенный до защиты отец вернулся из Ленинграда совершенно убитый. Но главный удар ждал его, когда оппонент опубликовал под своей фамилией в научном журнале обширную статью, где были опубликованы большие куски из его диссертации!

Будучи сам абсолютно прямым и честным человеком, отец никак не мог предвидеть такой подлости. Это его сломило. Он стал попить, чем бесконечно огорчал маму, прожившую с ним, в общем-то, счастливую жизнь, в любви и согласии.

Передо мной старая тетрадь в твердых дерматиновых корочках. На первой странице, словно на титульном листе печатной книжки, написано: «И. Белимов. Стихи о моей жене. Сентябрь 1951 года». И ниже: «Мое Евангелие». Первое стихотворение написано 24 сентября, в 12 часов 20 ми-

Белимов И.Т. с супругой Верой Сергеевной. 1951 г., Колпашево.

нут, и посвящено маме, уехавшей в Москву, к сыну Эдуарду, который лежал на операции в глазной клинике.

Вот буквально несколько строчек:

Шорох кошки, вздохи Тани,
Скрипнет тротуар,
Тени ходят за цветами,
В голове угар.
Мысли волнами, рядами,
Словно в море шторм,
Расцветают, увядают,
Как цветов ковер.

Что ж ты, милая, родная,
Так меня казнишь?
Птицей в дали улетаю,
Долго так молчишь?

Или:

Убежали грозы, минули.
Штормы улеглись.
Едет милая, любимая,
Сердце, веселись!

Стихи, конечно, не бог весть какие, но сколько нежности, любви, большого чувства! А вот несколько строф из стихотворения, посвященного 50-летию совместной жизни:

На тропе пятидесятилетней
Вслед за нами подрастал лесок –
Деток наших, росших незаметно,
Слышу вновь их звонкий голосок.

Нас они вниманием дарили,
Забавляли лепетом своим.
Боже! Как же мы любили
Всю пятерку! Мало на двоих!

Рады мы, что вышли из лесочка
Взрослые, с дипломами, умны
Наши сыновья и наши дочки,
У которых тоже дочки и сыны!..

... На широкую ногу не жили,
Все давалось нам честным трудом,
И за это нас часто хвалили,
Образцовым почитали дом.

Вспоминаю, как к нам в гости приехал младший брат отца, Григорий, тот самый, который родился во втором браке деда Тихона, от второй жены. Он стал военным моряком, приехал из города Корсакова, с Сахалина. Стал ходить хозяином по кварти-

ре, открывал дверцы гардероба, шкафов, рассматривал посуду в серванте, а потом заявил: «Вот ты, Иван, хоть ученый, хоть и кандидат наук, и зав. кафедрой, а живешь-то похуже меня. Ни шуб у тебя, ни дорогих ковров, ни хрустала».

Мы жили, конечно, не шикарно. Но, как говорится, не хуже других и потому никогда не озадачивались ни хрусталами, ни шубами, ни коврами. Хотя и ковры были, и кое-какой хрусталь – мерило благополучия в 1970-е годы. Зато три стены просторного отцовского кабинета были уставлены книжными стеллажами, на которых от пола до потолка стояли книги – подписные издания, которые купить в те годы было труднее, чем хрусталь. И отец сказал своему полукровному брату: «Мое богатство, Гриша, – это дети, которых я выучил, дал всем высшее образование, вывел в люди. А у тебя, Гриша, дочка что окончила?» Грише, как говорится, крыть было нечем.

Отец не был сентиментальным родителем, скорее был строг, особенно когда старшая четверка – озорная орава – подрастала. Что пацаны, что сестра Сталина вытворяли, и не передать. И по соседним огородам лазали, и окна, бывало, разбивали, и купаться без спросу бегали, и с плотов ныряли, и с уроков сбегали, и двойки таскали... Отец копил прегрешения и по субботам устраивал «судный день». Ребяшня не без страха ожидала родительские разборки. Хитрая Сталина заранее засовывала в штанишки корочку от дневника – знала, что отец ремень достанет! Потом, когда все повзрослели, не было случая, чтобы при общем сборе не вспом-

нили под обиходный хохот, как отец учил их ремнем уму-разуму! И все соглашались: с ними иначе нельзя было!

Хотя все всегда понимали: отец любил, всю пятерку любил! Особенно девчонок, он какую-то особую нежность к девочкам испытывал. Вот недавно старшая дочь, Лилия, нашла у себя клочок бумаги, на котором стихи, посвященные ей, четырехлетней. Вот несколько строчек из него:

Пошел уже четвертый годик
Тебе, о умница моя.
Ты быстро бегаешь без толку,
Играешь в куклы и коня...

Расти, ручей мой говорливый,
Умней, дар слова береги.
Быть может, в жизни светливой
Он пригодится на Земле.

До конца дней в отце жил ученый. Он много читал, да не просто читал, а делал и выписки из книг в специальную тетрадь, делал карандашом пометки на полях. После него я нашла стопку листов, на которых – 1720 русских пословиц и поговорок! Он часто записывал свои мысли о происходящих событиях.

А в быту был порой забавный и даже смешной, абсолютно не приспособленный к технике и всяким инновациям. Долгие годы писал, макая перо «рондо» в чернильницу, и отвергал авторучку, тем более что первые авторучки надо было заправлять специальными чернилами и они нередко могли протечь в кармане или портфеле... Дошло до того, что приходилось искать ему чернила для перьевых ручек: из продажи

они почти исчезли за ненадобностью! Никогда не хотел завести электробритву, критиковал «эту дурь» и точил опасное лезвие о ремень, потом вспенивал мыло и брился, нередко ранясь, заклеивал ранку краешком газеты. Зато, когда сыновья все-таки подарили ему электрическую бритву, все поражался себе: чего упрявился? Как-то летом мы застали его за жаркой... малины! Оказалось, в холодильнике не было готовой еды, и он решил соорудить себе что-то на скорую руку...

Отец любил ходить по грибы, любил работать на даче, был абсолютно здоров и прожил бы сто лет, как его дед, если бы не случай.

Когда строили метро в Новосибирске, прямо посередине Красного проспекта были часто расставлены бетонные блоки, никто между ними не чистил, и ходить там зимой было небезопасно. А родительский дом находился на Красном проспекте, так что и обойти блоки никак нельзя! Стоял март, скользина, все вокруг блоков обледенело, отец упал грудью на бетонный угол и сломал ребра как раз там, где сердце...

– Ох нехорошо упал! – сказала врач из скорой. Каждое утро мама закрепляла на его торсе тугое полотенце, чтобы зафиксировать ребра при движениях (никаких корсетов тогда не продавалось), но все равно движения, развороты, наклоны причиняли отцу боль. 13 мая 1985 года утром он, как всегда, резко встал, отдернул с окна штору, упал, и мама услышала, как внутри его груди помилась, как из крана, кровь...

– Вот так и умирают, – сказал отец. И это были его последние слова.

ВЕСТИ С ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ

Наши дальние родные, жители Горожанки, о себе и своем селе

МЕСТО, где мы жили в Горожанке, – пишет наш дальний родственник Михаил Воеводин, было на берегу реки Городня, и, по словам дедушки, Белимовы жили там больше двухсот лет. Село было большое: после революции насчитывалось более 600 домов. И если посчитать, что в каждом доме было не менее десяти человек, то уже выходит тысяч шесть населения.

Земли у нас неплодородные (песок). Люди уезжали в Сибирь, как ваш дедушка. Вокруг образовывались хутора и деревни из горожанцев. Мой прадед крестьянствовал, держал скот и работал на земле. Дедушка в Первую мировую войну попал в плен и находился там семь лет. У него было три сына и две дочери, младший сын Василий запомнился всем односельчанам своим острым умом.

Лет в двенадцать он услышал, что родственники в Сибири живут очень хорошо, сел на поезд и поехал. В Москве его сняла с поезда милиция, привела в отдел, но он сказал, что отстал от родителей, которые едут в Сибирь, и назвал село. В этот момент туда зашел мужчина, как выяснилось, тоже из Горожанки. Милиционер спросил у мужчины, знает ли он его. Тот сказал, что отца знает, но не слышал, чтобы он уехал в Сибирь. Но паренек убедил обоих, и милици-

онер, взяв подписку от мужчины, отправил с ним и парня. Приехав в Сибирь, он написал письмо родителям, где во всем великолепии расписал, как там живут. Дедушка вместе с семьей поехал за сыном. Это был, по словам матери, 1939 год, а в 1941 году дедушка в метель заблудился и чуть не замерз. Поэтому весной 1941 года, забрав мою мать (младшую дочь), вернулся назад в Горожанку, вслед за ними приехали остальные. Как оказалось, он вернулся за своей смертью.

Дело в том, что с началом войны повсеместно по нашему краю начали образовываться партизанские отряды, в состав которых входили мирные жители, в основном молодежь. В брянских лесах партизаны вели борьбу с врагом. Находились в партизанском отряде и два моих брата, а на фронте воевал самый старший из братьев, Андрей, 1907 г. р. Младший из братьев, Иван, по уговорам и просьбам мамы остался дома с родителями.

20 июля 1942 года в село вошли каратели (венгры и румыны), специально присланные для борьбы с партизанами. Мирных жителей собрали в центре села. Некоторых убили тут же, обвинив их в связи с партизанами. Остальных под конвоем автоматчиков повели в пересыльный лагерь, находившийся неподалеку от С-Буды, в по-

селке Свердлово, где оказались Михаил Воеводин, которому в ту пору было четырнадцать лет, и одиннадцатилетняя Прасковья Белимова с родителями, сестрой и братом. Через несколько дней мужчин и подростков начали вызывать на допросы. Группами по несколько человек их уводили из лагеря полицаи. Не все возвращались назад. Односельчан-подростков, которым в ту пору было четырнадцать-шестнадцать лет, каратели сочли партизанами и решили расстрелять. В «черный» список попал и Петр Филиппович Белимов. Кто-то донес фашистам, что в партизанском отряде находятся два его сына.

25 июля 1942 года 14 жителей с. Горожанка полицаи повели на расстрел. Место для казни выбрали в лесопарке «Мирщина», неподалеку от старого стадиона. Приговоренным к смерти дали лопаты и заставили собственноручно выкопать могилу... Среди расстрелянных оказался и мой дед. А деревню Горожанку каратели полностью сожгли, и в ней не осталось ни единого дома с довоенных времен!

После войны на территории лагеря следовали парк...

А наш отчаянный Василий не мог оставаться в стороне. Во время войны он, будучи подростком, собирал оружие и относил в партизанский отряд, занимался разминированием села, снимал мины и сдавал партизанам. Командир партизанского соединения Сабуров хотел перед строем принять его в свой отряд, но за две недели до прихода в Горожанку Сабурова он подорвался на mine (отец мой говорил, что там было четыре мины, он две снял, а третью не смог и подорвался на них). Документ о том, что

Братья Белимовы Василий, Иван, Андрей, погибшие в ВОВ.

он был зачислен в отряд Сабурова, находился у нас всегда дома, но в 1990-х годах мать сдала его в местный музей, где он исчез, хотя, когда понадобилась справка, что мать была из партизанской семьи, из архива партизанского соединения подтвержденные пришли. Василий – настоящий герой, о нем писали газеты. Старший брат матери, который родился до революции, работал бригадиром в колхозе и пропал без вести в 1941 году. Бабушка осталась с двумя дочерьми. Вот такая история.

Я помню погибших родных: Белимов Петр Филиппович (1887 г. р.), Белимов Иван Петрович (1925 г. р.), Белимов Петр Филиппович (1887 г. р.), Белимов Иван Петрович (1925 г. р.), Белимов Максим, Белимов Василий, Белимов Андрей.

Прасковья Петровна Белимова, жительница поселка Горожанка Суземского района.

А вот что вспоминает Михаил Воеводин, тоже из семьи Белимовых:

«Добрый вечер, хотя у вас уже глубокая ночь.

По весне отец с братом срубили дом себе, жизнь, казалось бы, начала налаживаться, но пришло время, и старшего брата, отца Николая, забрали в армию. Вскорости умерла мать, слава богу, она не узнала, что сына забрали в Корею, где была война, оттуда его без ноги, без глаза, всего израненного, привезла санинструктор.

Так что осталось их четверо: старший брат отца, 18 лет (инвалид), отец, 16 лет, сестра, 15 лет, и двенадцатилетний младший брат. Но самое главное – у всех у них выросли нормальные, умные дети.

Неизвестные нам дальние родные Белимовы.

Гости из Сибири на своей исторической родине в селе Горожанка.

Белимов Денис Филиппович (в центре справа) в кругу семьи.

Валерий – книголюб и собиратель коллекций произведений искусства малых форм и альбомов по живописи. Сталина также увлекалась живописью и углубленным изучением жизни и творчества Пушкина. А увлечение Татьяны историей хорошо сочетается с литературным трудом – многие ее документальные очерки носят исследовательский исторический характер.

Все Белимовы заметны и громогласны. Всех объединяет фамильное сходство – широковатый нос. Это, конечно, не придает им красоты, особенно женщинам, но вот наука физиогномика утверждает, что широкий нос говорит о таких чертах личности, как напористость, стремление к лидерству, щедрость и яркая индивидуальность. И каждое утверждение – в точку!

Ну а что же перепало в наследство от породы священников, от Патрушевых? Не зная никого из этих людей, тем не менее можно уверенно сказать, что любовь к чтению. Убеждена, любовь к чтению свойственна не только Белимовым, но и Патрушевым, ведь даже моя прабабушка, вдова деревенского батюшки, в самой глубокой старости не расставалась с книгой!

А то обстоятельство, что буквально все члены семьи Белимовых – блестящие преподаватели? Уверена, что и это идет от Патрушевых, ведь все они как лица духовного звания были потомственными педагогами и учителями церковноприходских школ. И умение донести до слушателей материал, доходчиво объяснить – это у всех в крови, закодировано на генном уровне! Возьмите Белимовскую пятерку – все они преподаватели. И даже Татьяна до журналистики преподавала в школе иностранный язык, а позднее стала лектором общества «Знание» и не один год успешно выступала с лекциями в трудовых коллективах и учебных заведениях!

В работе над этой книгой мне открылось: все то, что есть в нас, заложено родом, что мы сами – часть своей родословной! Мы не взяли из пустоты, мы – отголосок многоголосого хора наших родовых предшественников. Каждый из нас не сам по себе, не просто человеческая единица, а порода. И теперь уже от нас зависит, что мы оставим своим потомкам в наследство, что заложим в их гены и души.

* * *

Я – русский! Сердцем, духом, взрогом кожи.
Горжусь я древним прозвищем моим.
Не дай мне, хоть на миг, хоть в чем-то, Боже,
Не русским стать, а кем-нибудь другим!..
Быть русским – не награда, а расплата.
За то, что миру душу нарасплат,
За чужака встаешь ты, как за брата,
А он потом тебя же и продаст...
Мы – русские. Мы с нехристью любую
Ломаем братски скудный каравай
И в благодарность слышим над собою
Всего два слова: «надо!» и «давай!»
Быть русским – не отрада, но отравка,
С неизводимой грустью на челе,
Платья издревле – щедро и кроваво –
За то, что на своей живешь земле.
Быть русским – это значит встать у стенки,
И пусть в тебя стреляет сволочь вся,
Но перед ней не падать на колени,
Пошады, ухватив сапог, прося.
Мы – русские. Ступаем мы на плаху,
Окинув оком отчий окоем,
Но нищему последнюю рубаху
Не мешкая привычно отдаем.
Быть русским – значит хлеб растить в ненастье.
А нет дождя – хоть кровью ороси.
Но все-таки какое это счастье –
Быть русским! Среди русских! На Руси!
Быть русским – значит быть в надежной силе
И презирать родной землею торг.
Не зря ж Суворов рек при Измаиле:
«Мы – русские! Ура! Какой восторг!»
Я – русский! Сердцем, духом, взрогом кожи.
Горжусь я древним прозвищем моим.
Не дай мне, хоть на миг, хоть в чем-то, Боже,
Не русским стать, а кем-нибудь другим!..

Евгений Скворцов

О главление

ДУШЕВНАЯ СВЯЗЬ С РОДИНОЙ.....	4
ВОССТАНОВИТЬ СВЯЗЬ ВРЕМЕН	6
ИЗ КРОВИ, ПРОЛИТОЙ В БОЯХ,.....	10
ИСТОРИЯ РОДА ПАТРУШЕВЫХ	11
ПОМНИТЬ ВСЕ И ЗНАТЬ СВОЙ РОД	13
ГРИГОРИЙ МАКСИМОВИЧ ПАТРУШЕВ	14
300 ЛЕТ РОДУ ПАТРУШЕВЫХ	22
ВО ДНИ ЛИХОЛЕТЬЯ БЕЗВИННО УБИЕННЫЙ	31
ОТЕЦ ФЕОДОСИЙ	41
В ПРОКЛЯТЫХ КРАЯХ	51
КАК В ЛЕТУ КАНУЛ.....	57
В ССЫЛКУ У ПО ДОБРОЙ ВОЛЕ	68
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ БАБУШКА	71
ИСТОРИЯ БЕЗ ОТВЕТОВ	74
ПАТРУШЕВЫ БЛИЖНИЕ И ДАЛЬНИЕ	75
Я ЗАВЕЩАЮ ВАМ	79
МОЯ РОДИНА – СЕЛО НОВОЦАРИЦЫНО	81
НАША ЖИЗНЬ В НОВОЦАРИЦЫНО	85
МОИ РОДИТЕЛИ И ДЕДЫ	91
НЕ ДАЛИ МНЕ ДОУЧИТЬСЯ	97
НАЧАЛО МОЕЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ	100
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ	104
МОЯ СЕМЬЯ – МОЯ ЖИЗНЬ	109
НАРЫМСКАЯ ТРАГЕДИЯ	119
В ПОИСКАХ БИОГРАФИИ	121
НА ВСТРЕЧУ СУДЬБЕ	126
ЛИШИТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ВЫСЕЛИТЬ	130
ЗЛОБНЫЙ ЦАРЬ И ДОБРЫЙ ВОЖДЬ	143

БОГ ПРИДУМАЛ РАЙ, А ЧЕРТ – НАРЫМСКИЙ КРАЙ	151
ГОРЬКИЕ ГОДЫ ГОРЬКОЙ СУДЬБЫ	160
ЧЕМУ БЫ ЖИЗНЬ НАС НИ УЧИЛА,.....	172
НАСЛЕДНИКИ СУДЬБЫ	173
ВЕРА	175
ТАИСИЯ	181
ЕЛИКАНИДА	184
НАДЕЖДА	186
ВИКТОР	193
ПРОПАЩЕЕ ВРЕМЯ, СГОРЕВШИЕ ДУШИ	195
СЫНЫ РОССИИ	197
РОД БЕЛИМОВЫХ	197
ВОИН И ХЛЕБОРОБ	198
РОДОМ ИЗ РОССИИ	204
КРОВЬ ОТ КРОВИ, ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ	210
ОЛЬГИНО – РОДОВОЕ ГНЕЗДО	217
ВОСЕМЬ ВЕТВЕЙ ОТ ДОБРОГО ДЕРЕВА	221
ИВАН, КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН	230
ЛЕГ НАД ПРОПАСТЬЮ РУССКИЙ ПУТЬ	232
ИВАНОВЫ ДЕТИ	251
ЛИЛИЯ	251
ЭДУАРД	254
ВАЛЕРИЙ	257
СТАЛИНА	259
ТАТЬЯНА	260
Я – РУССКИЙ! СЕРДЦЕМ, ДУХОМ, ВЗДРОГОМ КОЖИ	263

САГА О РОДЕ И РОДИНЕ

Татьяна Иванова

Дизайн макет и вёрстка

Сергей Китов

Верстальщик

Людмила Опарина

Корректор

Татьяна Чернова

Формат: 70×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

21,35 усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Зак. №

Центр творчества «Беловодье»

Издательство

E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов

в ООО «Производственная фирма «Полиграф-Периодика»

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3.

